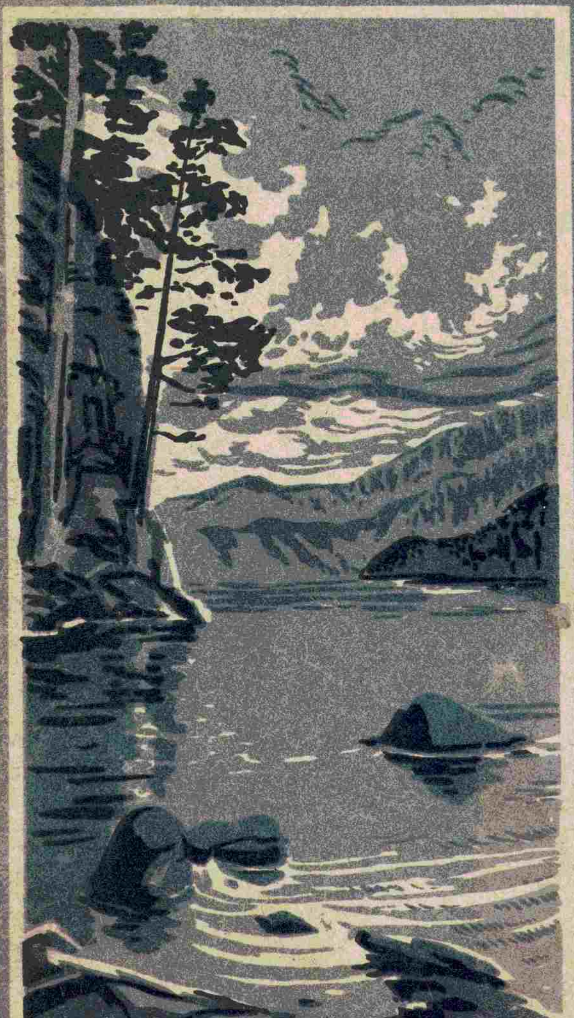
АНГАРА

№ 2
АПРЕЛЬ
ИЮНЬ
1958

АНГАРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

ОРГАН ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (39)
АПРЕЛЬ
ИЮНЬ
1958

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка художника *Г. Г. Леви*

*

Рисунки на вклейках художников *Б. И. Лебединского* и *Г. Г. Леви*

*

Адрес редакции:
г. Иркутск, улица 5-й Армии, дом 36, отделение Союза писателей

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

К. СЕДЫХ

Отчий край

*Роман**

18

С первыми морозами неожиданно заявился домой Федот Муратов. Устроился на жительство он в семье Платона Волокитина, где все трепетали перед ним, как овцы перед волком.

Семен и Ганька составляли поселенные списки, когда Федот пожаловал в сельревком. Он расцеловался с Семеном, а Ганьку осчастливил таким рукопожатием, что чуть было не вывихнул руку.

Несмотря на сильный холод, Федот был одет в хромовые сапоги с высокими голенищами и в отороченную сизой мерлушкой меховую офицерскую куртку со следами спороtых погон.

— Что-то все на тебе, Федот Алексеевич, тесновато и узковато? Переменил бы ты к чертям собачьим портного и сапожника. Нечего им первосортный товар портить.

Федот расхохотался так, что задребезжали стекла в окнах:

— Непременно, Семен Евдокимович, переменю! Скоро шить на меня штаны и рубахи будет молодая супруга. Ичиги из вонючей сыромяти я сам сошью или одного отставного полковника найму. Он как, не разучился шилом и дратвой владеть? — Согнав с лица улыбку, Федот продолжал: — Слыхал я про твое несчастье. Не везет тебе, Евдокимыч, в жизни. И что это за напасть на тебя такая?

— Не в сорочке родился, — грустно улыбнулся Семен. — А ты как — на побывку или совсем?

— Отвоевался вчистую.

— По ранению, что ли?

— В документах сказано — по ранению. Слыхали про Волочаевку? Вот там меня и продырявили. Только с такой раной я еще мог служить да служить. Уволили меня совсем не поэтому. Случилось со мной одно нехорошее дело. Припомнили мне его и дали отставку.

— Что же ты натворил такого? — укоризненно глянул на него Семен.

— Натворил-то, собственно говоря, не я, батарейцы мои отличились, — ответил Федот и замолчал, усаживаясь на гнутый стул. Стул жалобно скрипнул под ним. Продолжать рассказ он явно не торопился.

— Да расскажи ты толком, что произошло? — попросил Семен, беря папиросу из желтого кожаного портсигара, любезно протянутого ему Федотом.

— Ладно, так и быть! Исповедаюсь по

* Окончание. См. „Ангара" № 1

старой дружбе, — сказал Федот и предупредил не сводившего с него глаз Ганьку: — Ты, Гаврюха, слушать слушай, только не болтай потом... Рассказ у меня долгий. Я ведь в Народно-революционной армии артиллерийским дивизионом командовал, в должности меня не обидели. Трудно приходилось с моей грамотешкой, да ничего, справлялся. Батарейцы у меня были все из наших партизан. Народ молодой, разболтанный и до девок ужасно падкий. Из Забайкалья нас на Амур перебросили, в Михайло-Семеновскую станицу. Станица большая, богатая. Казаки из нее за границу удрали. Мы иногда с ними через реку переругивались. Остались у них дома только девки да бабы. Девки все, как на подбор, ядреные, красивые, кровь с молоком...

— Гляди ты, какое дело! — воскликнул Семен и начал разглаживать свои реденькие усы, словно собирался идти на встречу с этими амурскими красавицами. А Федот продолжал:

— Вот и начали мои батарейцы ухаживать за ними, на вечерки шататься, в ометах по гумнам любовь разводить. Дисциплину особо не нарушали, и мы с комиссаром, которого мне из лучших партийных пролетариев подобрали, смотрели на это сквозь пальцы. Комиссар держал себя в строгости, а я, грешный, тоже за одной ухлестывал.

— Не устоял, значит?

— Куда же от этого денешься! Было дело!.. Только скоро такая житуха кончилась. Стали ко мне в дивизион бывших царских офицеров подбрасывать... Нашлись заводилы и закоперщики, в штыки их встретили. Бьет какой-нибудь горлопан себя в грудь и спрашивает: «За что сражались? За что кровь проливали?» Пришлось нам с комиссаром взяться за них и крепко приструнить, хоть и у самого на первых порах к офицерам доверия не было. Сознательность моя тоже частенько хромала. Попробовал я об этих военспецах в штабе армии заикнуться, а там мне честь по чести разъяснили, что этих людей опасаться нечего. Они в Пятой Красной Армии гражданскую войну начали и с ней всю Сибирь прошли. Тогда я стал относиться к ним по-хорошему, все свои сомнения позабыл... Что военспецы про меня, сиволапого, думали — не знаю, а только никаких стычек и недоразумений у нас с ними не было. Дисциплина у них была во! — показал Федот большой палец. — Тянулись передо мной в струнку, гаркали «так точно» да «никак нет», а дело свое знали. Твердой рукой партизанщину из бойцов выколачивали... Надо вам сказать, что были эти офицеры из себя видные, бравые, понимающие толк в хорошем обращении. Девкам от них тоже спуску не было. Приударить за ними умели. Вот и начали самые пригожие казачки льнуть к ним и отшивать моих батарейцев. А в тех и взыграла душа, стали они ревновать и кулаки сучить. Мы с комиссаром во всем этом вовремя не разобрались и проморгали. Провожали однажды два офицера девок с вечерки и оказались в разных концах станицы. Подкараулили их на обратном пути варнаки из первой батареи, угробили втихомолку, утащили на Амур — и концы в воду. Сгубили ни за что, ни про что хороших людей.

— Вот подлецы так подлецы! — возмутился Семен. — Мало им других девок было... И как они на такую беду решились?

— Думали, что никто ничего не узнает. Дело-то ведь ночью было. Хватились мы утром — нет двух офицеров, словно сквозь землю провалились. Батарейцы все в один голос заявляют, что знать ничего не знают. Может, говорят, они за границу перебежали. Видим мы с комиссаром — неладное дело, большим скандалом пахнет. Донесли мы о случившемся по начальству, и нагрянули к нам военные следователи. А потом окружила станицу Забайкальская кавбригада, в которой, никак, Роман Улыбин служит, и всех нас под стражу взяли. Оказывается, труп одного офицера к берегу где-то внизу прибило. Был у него привязан к ногам камень, да отвязался. Вот и всплыл он. Выстроили после этого весь дивизион и пригрозили: не выдадут виновных — каждый пятый под расстрел пойдет. Тут в молчанку играть интереса не стало. Каждый мог на свою беду пятым оказаться и сдохнуть собачьей смертью. А ведь все батарейцы по три года за свободу воевали, лихими партизанами были. Взяли они тогда и выдали зачинщиков. Нашлось таких семь человек. Одного ты из них должен знать. Это Ермошка Сарафанников, который любил у нас приговоренных к смерти рубить и один раз родному дяде голову смахнул.

— Я этого Ермошку тоже хорошо помню, — подал свой голос Ганька. — Я еще в девятнадцатом году про него думал, что он добром не кончит.

— Ну, и как с этими бандюгами поступили? — нетерпеливо спросил Семен.

— По приговору ревтрибунала всех перед строем расстреляли. Обошлись с ними круто, да иначе нельзя было. У многих бывших партизан анархия в печенках сидела... Мы с комиссаром тоже под суд угодили. Спасибо, что никто против нас ни одного слова не по-

сказал. Это только и спасло от расстрела. Приняли судьи во внимание наши старые заслуги, разжаловали нас, и пошли мы оба рядовыми в роту. Когда Волочаевку штурмовали, погиб бедняга комиссар геройской смертью. Сняли мы его с колючей проволоки с гранатой в руке. Вскоре и меня ранило. Провалялся я все лето в Благовещенском лазарете и выписался, чтобы продолжать свою службу. А меня вместо этого взяли да и уволили, не дали свою невольную вину до конца смыть.

И тут Ганьке показалось, что зеленые лихие глаза Федота на одно мгновенье предательски увлажнились и блеснули. Федот моментально поднес к ним руку, а когда убрал ее, глаза по-прежнему были дерзкими и сухими.

— Что же ты теперь делать будешь? — спросил его Семен.

— Жениться собираюсь. Последние дни в холостяках отгуливаю.

— На ком женишься, ежели не секрет?

— На Клавдии Волокитиной.

— Вот это ловко! В дом к ней уходишь, что ли?

— Надо бы в дом, да не получается. Платонова баба меня терпеть не может. Считает, что я погубил Платона. За это она меня при случае и отравить может.

Семен осуждающе покачал головой и спросил, большое ли берет он приданое. Тут Федот неожиданно заскромничал и сказал, что и сам еще не знает. Но потом не выдержал и с явным удовольствием начал перечислять все, что достанется Клавдии из большого волокитинского хозяйства. Оказывается, на нее были отписаны две дойные коровы, кобылица, тридцать овец, пара быков и свинья с поросятами, не считая зимовья с амбаром, сенокосилки, плуга и многого другого.

— Вот это да! Теперь тебя голой рукой не бери. Смотри, дорогой товарищ, кулаком не сделайся.

— На этот счет не беспокойся. Живоглотом не сделаюсь, а вот в зажиточных с удовольствием похожу, — широко оскалился Федот и, желая прекратить ставший явно неприятным для него разговор, сказал:

— А вы знаете, кто под Волочаевкой отличился? Ни за что не угадаете, если не сказать. Лариошка, сын Ивана Коноплева, первым через колючую проволоку перебрался и первым до каппелевских траншей добежал. Его к ордену Красного Знамени представили. Маломерок, холера, и бывший дружинник, а всем нам нос утер. Вернется домой с красным орденом... Ну, я пойду. Да, ты, Семен, готовься на свадьбе у меня погулять.

Когда Федот распрощался и ушел, Семен сказал Ганьке:

— Расстроил он меня со своей женитьбой. Худо, что женится на богатой, да еще на такой, у которой все родные не нашим духом дышат. Этим он шибко навредит себе. Все, кому не лень, станут про него трепаться. Скажут — на кулацкие капиталы прельстился, сладкой жизни захотел. Да и за него самого мне боязно. Может так получиться, что разойдутся наши с ним пути.

— А что же ему тогда делать? В батраки снова идти? — спросил Ганька, не понявший, что плохое видел Семен в женитьбе Федота.

— Конечно, ежели строго подумать, осуждать его за это не приходится, — согласился Семен и принялся вслух рассуждать с самим собой: — Надо как-то устраиваться человеку в жизни. В работники теперь ему идти зазорно. Да и не найдется таких дураков, которые бы согласились его нанять. С таким характером по нынешним временам не хозяин на нем, а он на хозяине верхом будет ездить. Будь у него подходящая грамота, мог бы он на службу пойти. А такого никуда, кроме сторожей, не пристроишь. Да и чем сторож лучше батрака? Один черт... Плохо, что победа у нас получилась куцая. Нам советскую власть надо, чтобы не было у нас ни работников, ни хозяев, ни такой частной собственности, которая на миллионы меряется. Тогда таким, как мы с Федотом, гораздо бы легче было. Могли бы мы организовать какую-нибудь коммуну или артель, получили бы на первый случай от государства помощь и зажили бы по-человечески.

— А потом бы все передрались и рассохлась бы ваша коммуна, — рассмеялся Ганька. — У нас два брата вместе сплошь да рядом ужиться не могут, а чужие и вовсе не уживутся.

— Ладно, ладно! — прикрикнул на него Семен, сразу понявший, что Ганька говорит ему не свои слова. — Молод ты, чтобы судить об этом. С чужого голоса петь не приучайся. Артельную жизнь надо сперва испробовать, а потом осуждать... Не плохо бы насчет будущего с умными людьми потолковать, да их тут в нашей дыре не найдешь. Только в больших городах их можно найти. Мы вот с тобой про Маркса и Ленина краем уха слышали, а те про будущую жизнь целую кучу книг написали. Недаром, брат, при царе эти книги запретными были. Стало быть, могут они научить уму-разуму...

Ганька давно уже не слушал Семена, а

он все еще рассуждал с самим собой о том, что мучило и волновало его больше всего...

Приглашать Семена на свадьбу Федот явился через неделю. Застал он его у себя в ограде за колкой дров. Поздоровался, попереминался с ноги на ногу и тише обычного сказал:

— Милости прошу, Семен Евдокимович, на свадьбу ко мне. Хоть и недоволен ты моей женитьбой, а все равно приходи сегодня вечером, уважь по старой дружбе.

— Приду, приду! — успокоил его Семен.— На твоей свадьбе не грех погулять. Венчаться, небось поедешь?

— Нет, венчаться мы не будем. Съездим в Завод, зарегистрируем наш брак, а вечером отгуляем — и на этом конец.

Вечером Семен побрился и стал одеваться. Он открыл сундук, чтобы достать гимнастерку и синие суконные галифе. Первое, что увидел он в сундуке, была белая кашемировая шаль, которую купил он на базаре в Заводе за неделю до смерти Алены. «Эх, Алена, Алена! — горько вздохнул он. — Не довелось тебе поносить эту обнову, покрасоваться в ней на людях. Только и успела, что в руках подержать».

В сумерки Семен отправился на свадьбу. Только поравнялся со школой, как увидел выходящую из ворот Людмилу Ивановну. Узнал он ее по белой заячьей шапке.

— Это вы, Семен Евдокимович? — окликнула она.

— Он самый, Людмила Ивановна! Добрый вечер! Далеко ли собрались?

— На свадьбу к Муратову тороплюсь. Не могла отказаться. Очень уж усердно приглашали. А вы куда?

— Да тоже туда.

— Вот и отлично! Значит, есть у меня спутник. Одна-то я как-то робею. Не бывала еще на деревенских свадьбах.

Окна большого волокитинского дома ярко освещены. Полосы желтого цвета падают в улицу, и накатанная санями дорога посредине ее искрится и блестит. В распахнутой настежь ограде горят поднятые на высокие жерди фонари. На завалинках галдят и заглядывают в окна ребятишки.

При виде веселой ребячеcкой кутерьмы и сутолоки Семена невольно охватило праздничное настроение. Он подкрутил усы, поправил папаху на голове и неожиданно для самого себя подхватил под руку Людмилу Ивановну. Она резко вырвалась от него и с испугом зашептала:

— Что вы, что вы! Тут же мои ученики. Неудобно.

— Прости ты меня, дурака, Людмила Ивановна. Сам не знаю, как это получилось у меня. Словно ума рехнулся.

— Не расстраивайтесь по пустякам,— лукаво глянула на него Людмила Ивановна, — я не сержусь, я скорее... — и, не досказав, умолкла. Это было что-то новое и загадочное. Семен воспрянул духом, и ему снова стало хорошо и весело.

В просторных, ярко освещенных сенях серебрился на стенах мохнатый иней, лежали на деревянной кровати сваленные в кучу дохи приезжих гостей.

Семен рванул тугую, обитую серой кошмою дверь и пропустил Людмилу Ивановну вперед себя в волокитинский коридор. Весь коридор, по одну сторону которого была кухня, по другую горница, был доотказа забит парнями и девками, пришедшими поглазеть на свадьбу. Пройти вперед было совершенно невозможно. Тогда Семен на правах приглашенного строго прикрикнул:

— А ну, граждане, посторонитесь! Дайте дорогу!

— Забережный с учительницей! — послышалось со всех сторон то шепотом, то во всеуслышанье, и шумная, веселая толпа подалась к стенам, освобождая проход. Пользуясь возникшей давкой, любившие безнаказанно поозорничать парни хватали девок за самые щекотные места, усердно «жали масло», шумели и покатывались со смеху, как бывало и на прежних свадьбах. Проходя, Семен успел заметить раскрасневшегося и потного Ганьку, напиравшего правым плечом на какую-то смешливую толстушку в цветном полушалке, а левой рукой бесцеремонно шарившего за пазухой у другой. «Вот бандит!»— рассмеялся он и мгновенным движением надвинул Ганьке на глаза его рыжую шапку.

По просьбе Федота приглашенных гостей встречал Митька Каргин, помогал им раздеться и проводил в горницу. На груди у него был приколот сделанный из белой атласной ленты огромный бант.

В горнице за накрытыми столами сидела невеста в белом шелковом платье, с гроздью восковых цветов на разукрашенной лентами голове. Сидела она в такой напряженной позе, словно перед фотографом. По обе стороны от нее восседали ее ближайшие подруги и девчонки-племянницы.

Только Семен и Людмила Ивановна вошли в горницу и обошли с рукопожатием си-

девших и стоявших гостей, как начался обряд продажи невестиной косы. К столу подошли тысяцкий Прокоп Носков, сваха Авдотья Михайловна, жених и шафера с голубыми и белыми лентами через плечо. Это была дань старине, на которую охотно согласился Федот, не захотевший венчаться в церкви.

— Ну, голубушки-подружки! — обратился к девушкам Прокоп. — Посидели с невестой и хватит. Пора и честь знать.

— Сперва косу выкупи, а потом и прогоняй! — дружно откликнулись из-за столов. Прокоп молодецки крякнул, достал из нагрудного кармана пиджака серебряный, царской чеканки, рубль, положил его на поднос, который держала в руках сваха. Взяв у нее поднос, он протянул его девушкам.

— Мало! Мало! Скупишься! Не возьмем! — закринали они и принялись грозить ему заранее припасенными мутовками и скалками.

Прокоп, посмеиваясь, положил на поднос еще один рубль. В ответ понеслись все те же возгласы и насмешки. Тогда он высыпал на поднос кулек с конфетами и пряниками, и поднос наконец был принят от него. Подружки покинули невесту, вышли из-за столов, унося с собою поднос с подарками.

Слева к невесте подсела, предварительно расцеловав ее, Авдотья Михайловна, справа — красный от волнения жених в черной пиджачной паре и в бумажном, до блеска накрахмаленном воротнике. Воротник был явно не по Федотовой шее, он подпирал его челюсти и сдавливал горло так, что он мог сидеть и дышать в нем только с вытянутой до отказа шеей. Рядом с женихом уселся Прокоп и пригласил гостей занимать места за столами. К Семену и Людмиле Ивановне он обратился с особым приглашением, и они расположились рядом с ним.

Когда все уселись, Семен увидел, что напротив него сидит Елисей Каргин с женой. «Вот она, жизнь-то, — подумал Семен, — вчера воевали друг с другом, а сегодня на одной свадьбе гулять будем. Наприглашал Федот гостей без разбору».

— Здравствуй, Семен Евдокимович!—вежливо поклонился ему Каргин и сдержанно улыбнулся.

— Мое почтенье, — сухо ответил Семен.

— Елизавета Павловна! Дмитрий Петрович! — обратился Прокоп к вдове Платона и Митьке Каргину. — Наливайте дорогим гостям вина! Бабам можно красненького, а остальным — сорокаградусной.

От нелегкой обязанности быть со всеми вежливым и учтивым Прокоп страдал, как страдал от своего тесного, жмущего то в одном, то в другом месте костюма. И когда Людмила Ивановна укоризненно бросила ему: «Товарищ тысяцкий! Слово *бабы* пора забыть. Мы теперь женщины, а не бабы», он сразу вспотел и виновато развел руками.

— Извиняюсь! — чопорно поклонился он Людмиле Ивановне. — Нечаянно сорвалось у меня. По привычке, будь она неладна.— И, повернувшись к Семену, тихо пожаловался: — Не знаю, как угодить на всех, с чего начинать эту свадьбу?

— Скажи для начала застольное слово или как там оно называется.

— Тост! — подсказала решившая не стесняться, живая и общительная в компании, Людмила Ивановна.

— Тост так тост, а сказать надо. Геройского товарища женим, красного партизана, а не кого-нибудь.

— Скажи лучше ты, Семен, будь другом. Ляпну я чего-нибудь невпопад, и опять беда...

Чинно и важно сидевшие гости слушали их затянувшийся разговор все по-разному: одни пренебрежительно и насмешливо, другие — серьезно и внимательно, третьи — с откровенной скукой и нетерпением людей, пришедших гулять, а не слушать речи. Словно в насмешку собранные вместе за свадебными столами, чувствовали они вполне понятную скованность и неловкость. Партизаны и бывшие семеновцы, их жены и родственники, все они целых четыре года смертельно враждовали между собой. Любой из них так или иначе был втянут в кровавый водоворот ожесточенной, не знавшей нейтральных войны. Если он не воевал, то обязательно сочувствовал красным или белым, молился за одних, проклинал и ненавидел других. Поэтому все еще многие не могли спокойно встречаться, мирно беседовать друг с другом. Победители злорадствовали над побежденными, не желая скрыть своей ненависти или неприязни к ним, не забывая старых обид. Побежденные побаивались, стараясь не проговориться, не показать своих истинных чувств. Одни пытались не попадаться на глаза партизанам, другие, кто не знал за собой большой вины, напускали на себя независимый и ко всему безразличный вид, третьи — заискивали и льстили, оправдывали себя и наветничали на других.

Видя, что дело не двигается и все глядят на него, Семен поднялся за столом с граненой рюмкой в руке.

— Граждане! Неловко мне за тысяцкого говорить, а приходится. Разрешите?

— Просим! Просим!..

— Сегодня женится наш друг и товарищ Федот Алексеевич Муратов. Это первая у нас в поселке свадьба без венцов и попа. Не знаю, как другие, а я приветствую это. Пусть таких свадеб будет у нас больше год от году. Пожелаем же от всей души нашим дорогим молодоженам счастливого супружества и хорошей жизни!..

— Горько! — немедленно рявкнул Прокоп, довольный тем, что не пришлось говорить.

— Горько! Горько! — дружно поддержали его поднявшиеся гости.

Федот и смущенная невеста троекратно поцеловались. Гости стоя выпили, шумно расселись, заговорили, начали звенеть вилками и ножами. Сдержанный сначала, разговор их становился все громче и оживленней. Вино делало одних снисходительней, других смелее.

Зрители потолкались еще некоторое время в коридоре, а потом ушли, напустив холоду. В горнице стало сразу свежо и просторно. Как угорелые носились стряпухи, уставляя столы все новыми блюдами, убирая пустые бутылки, меняя гостям тарелки.

Когда вволю накричались «горько», напились и наелись, молодые шафера и самые азартные плясуньи затеяли пляски. К ним скоро присоединились все, у кого не пропал с годами зуд в ногах. Прокоп Носков, подхватив Марину Лоскутову, встал во главе многопарной «барыни». Плясал он так лихо и весело, что сразу привлек к себе всеобщее внимание. Высоко вскинув голову, гибкий и ловкий, он весело притопывал, пристукивал каблуками и с каким-то особенным шиком проделывал любое колено. А колен в этой разухабистой и разудалой «барыне» было бесконечное множество. По команде Прокопа пары кружились на месте, хороводом носились по горнице, сбивались в тесную кучу и вдруг разбегались — мужчины в одну сторону, женщины в другую. Выстроившись гуськом, в бешеном темпе устремлялись навстречу друг другу, пропуская каждого встречного то справа, то слева от себя. Затем Прокоп и Марина, подняв свои сцепленные руки, устроили живые ворота. Сквозь эти ворота, пригнувшись, пара за парой выносились в коридор, оттуда в сени и на крыльцо. С белыми облаками морозного пара вернулись они оттуда назад, пожали друг другу руки и разошлись.

— Браво, тысяцкий! Иди выпей с нами, чертов плясун! — закричали Прокопу все еще сидевшие за столами те из гостей, которые могли пить без конца что угодно и сколько угодно.

Людмила Ивановна покинула Семена, чтобы принять участие в пляске, и больше не вернулась к нему за стол, но издали все время следила за ним. Встречаясь с ней взглядом, Семен думал: «И чего это она все на меня смотрит? Боится, что напьюсь да начну бывших семеновцев за горло брать?» Вместе с женщинами Людмила Ивановна принялась петь старинную свадебную песню и, увлеченная пением, долго не глядела на Семена. Тогда он вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Это так поразило и испугало его, что он сурово упрекнул самого себя: «Вот дурак! Да разве она ровня тебе?»

Из мрачного раздумья Семена вывел подсевший к нему незнакомый лысый и белобородый дед в старинном казачьем мундире, какие носили во времена обороны Амура и Петропавловска-на-Камчатке.

— А ну, дай я полюбуюсь на тебя, партизанская ты головушка! — сказал он певучим и ласковым голосом. — Геройский ты, по рассказам, человек. Люблю таких удальцов! Я и сам в молодости был сорвиголова. Мы ведь с твоим покойным отцом, царство ему небесное, вместе на Амуре воевали. Было это, чтобы не соврать тебе, при графе Муравьеве-Амурском. Мы с твоим отцом мало сказать, что ровесники, мы еще и однокупельники. В один день и в одной купели нас Дучарский поп крестил. Отец твой, бедняга, давным-давно умер, а мне смерти нет. Живу и живу...

— Ну, и живи себе, папаша, на здоровье! А как твоя фамилия? — спросил заинтересованный Семен. Деду, по его расчетам, давно перевалило на девятый десяток.

— Широглазов моя фамилия. Федот Абрамыч Широглазов из Орловской. Невеста-то мне правнучкой доводится... А что, пропустим по одной за знакомство?

— Можно! — согласился повеселевший Семен и спросил: — А тебе вреда, папаша, не будет?

— Какой вред в моем возрасте! — махнул дед рукой. — Я эту водку без малого семьдесят лет пью, и ничего, бог милует... Ну, за твое здоровье, почтенный!

Не успел Семен после выпитой рюмки закусить огурцом, как дед снова спросил:

— А не опрокинуть ли нам по другой?

После второй дед долго и усердно тыкал вилкой в тарелку с капустой и, не поддев ничего, сказал заплетающимся языком:

— Вот черт! Ежели еще по одной не трахнем, так я и не попаду в капусту.

Семен решил покинуть своего собеседника, чтобы не упиться вместе с ним. Но тот не согласился его выпустить до тех пор, пока они не выпили по третьей.

Чтобы пропустить Семена, дед сделал огромное усилие, поднялся и прижался спиною к стене. Но тут его ноги не выдержали. Он сполз на стул, а со стула под стол. Семен с трудом извлек его оттуда. С помощью Луки Ивачева отвел он деда на кухню и стал укладывать на лежанку. Тут дед на мгновенье очнулся, уставился на Семена и заплетающимся языком спросил:

— Ты что же, станичник, годок мой али постарше будешь?

— Годок, годок! — рассмеялся Семен и сказал: — Давай, спи, Федот Абрамыч...

Вернувшись в горницу, Семен услыхал, как женщины, сидя кружком, пели:

Любил я цветы полевые
В родимых лугах собирать.
Любил я глаза голубые,
Любил я в уста целовать...

— Не та песня! — закричал вдруг Лука.— Поют какую-то старинку. А ну, Федот, споем нашу партизанскую! Семен, Симон! Давайте, подтягивайте! — И он затянул:

Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой:
Под Богдатью есть там место,
Где кипел кровавый бой.

Подтянуть ему никто не пожелал. Он умолк, оскорбленный, и вдруг ни с того ни с сего напустился на сидевшего у стола и глядевшего на него Каргина.

— А ты чего на меня шары выставил?..

— Лука! — тотчас же схватил его за руку Семен. — Брось дурака валять. Не порти Федоту свадьбу.

— А чего он на меня смотрит? Я могу и из себя выйти...

— Я тебе выйду! — пригрозил ему Семен. — Сейчас же спать отправлю. — И Лука успокоился, подошел к женщинам и стал петь вместе с ними ту песню, против которой только что протестовал.

В третьем часу тысяцкий, сваха и родственницы повели молодоженов в побеленное и вымытое для этого случая волокитинское зимовье. Вместе с ними ушла и Людмила Ивановна, которой были в диковину свадебные обряды мунгаловцев. Уходя, она сказала Семену:

— Товарищ Забережный! Я надеюсь, что вы не уйдете и проводите меня домой. Вместе пришли, вместе и уйдем...

Семена, уже клевавшего было носом, взбодрили ее слова. Он пошел на кухню и попросил одну из стряпух вылить ему на голову три ковша холодной воды.

Расходились со свадьбы уже под утро. Только вышли из волокитинской ограды, как Людмила Ивановна подхватила Семена под руку. Семен сразу выпрямился, и ему стало необычайно весело и хорошо.

— Ну, посмотрела, как молодых укладывали? — спросил он, сбившись на «ты», что случалось с ним очень часто.

— Посмотрела. Им там кумушки собрались было на постель простыню с особой меткой положить, но Федот велел им забрать эту простыню назад. Я так ничего и не поняла, к чему они хотели это сделать.

— Хотели узнать — девушка ли была невеста. Раньше за этим беда строго следили. Ежели оказывалась молодая не девушкой, назавтра этой простыней ее свекровка по лицу била. А ежели все было в порядке, тогда зять тестю с тещей в ноги кланялся, благодарил, что сохранили дочь. Случалось, что простыню с пятном потом к дуге привязывали и возил ее жених по всем улицам, чтобы все знали, что он доволен.

— Неужели так было? Это же дичь какая-то! Молодец Муратов, что не согласился на такую проверку.

Когда дошли до школы, Людмила Ивановна сказала Семену:

— Зайдем ко мне, погреешься, а то у тебя руки от холода дрожат.

Отомкнув наружную дверь, закрытую на внутренний замок, Людмила Ивановна провела Семена через сени и коридор в свою квартиру. Попросив у него спички, зажгла на столе лампу и предложила ему раздеваться, а сама ушла в другую комнату. Семен разделся, присел к столу и увидел, что находится в кухне, маленькой и чисто прибранной комнатушке с плитой и железным умывальником у порога.

Людмила Ивановна вернулась в кухню уже не в платье, а в красном халате из бумазеи, плотно облегавшем ее фигуру. Была она соблазнительно хороша. Семен глянул на нее, и у него пересохло в горле.

Она положила перед ним коробку китайских сигареток и сказала:

— Можешь закурить, — а сама села на стул против него и спросила: — Ну, как тебе показалась свадьба?

— Хорошая свадьба. Все обошлось честь по чести. Ни одного скандала не было. Я этого шибко боялся.

Людмила Ивановна больше его ни о чем не спросила. Но когда Семен глянул на нее, то увидел ее пристальный и какой-то странный взгляд. Вдруг она пододвинулась к нему, насмешливо спросила:

— Неужели мы так и будем сидеть? Ска-

жи, чего тебе сейчас больше всего хочется? Спать, да?

— Нет, — взволновался Семен. — А ты не обидишься на то, что я тебе скажу?

— Нет, конечно.

— Мне сейчас больше всего поцеловать тебя хочется... Да только разве ты разрешишь.

— А ты попробуй. Зачем же дело стало,— каким-то не своим голосом, не то шутя, не то всерьез сказала Людмила Ивановна.

— Брось смеяться, Людмила Ивановна! С огнем шутишь. Я хоть старик-старик, а не каменный. Большой беды наделаю...

— Убьешь или задушишь? — глядела она на него теперь уже откровенно насмешливыми, так и подстрекающими на безрассудство глазами.

— Нет, — хрипло выдавил Семен.— Убить не убью, а возьму и в самом деле... — И он умолк, испугавшись готового сорваться слова.

— Ну-ну, договаривай!..

«Она еще и смеется! — разозлился он. — Как бы потом плакать не пришлось!» И он сделал попытку схватить ее за руку и привлечь к себе. Она ловко увернулась, вскочила на ноги и отбежала к ведущей в комнаты филенчатой двери. Опрокинув стул, он ринулся к ней. У нее вдруг сделалось испуганное лицо.

— Тише, тише, сумасшедший! За стеной же сторожиха спит. Уходи, давай, сейчас же уходи! — говорила она, а глаза ее явно ждали чего-то другого и смеялись.

Видя, что ее предупреждение не остановило Семена, она кинулась в свою темную комнату. «Э, была не была!» — подумал Семен и бросился следом за ней, налетел в темноте на что-то жесткое, больно ушибся, так что из глаз посыпались искры. Не видя ничего, остановился он в полной растерянности и досаде.

И вдруг ее руки стремительно легли ему на плечи. Сердце его на мгновенье замерло и заколотилось с бешеной силой.

...За окнами синел поздний зимний рассвет.

19

Утром, возвращаясь домой, Семен радовался, удивлялся и без конца повторял: «Вот так дела! На чужую свадьбу уходил, а со своей возвращаюсь. Прямо голова кругом идет. Будто во сне все это видел».

При одном воспоминании о том, как внезапно и дерзко упали ему на плечи теплые полные руки Людмилы Ивановны, по телу его пробегал холодок восторга, росло в нем ощущение силы и бодрости. С блаженной улыбкой на губах он вдруг останавливался среди пустынной улицы и начинал так сладко потягиваться, что хрустело в суставах. Вздыхая всей грудью, он мысленно восклицал: «Эх, Людмила, Людмила! Да я теперь горы сверну, чертова ты баба! Ты же меня на двадцать лет моложе сделала. Скажи, так на руках носить тебя буду, никого не постыжусь».

С тех пор как Пронька был устроен в школьный интернат, у Семена жила и хозяйничала безродная старуха Ульяна Пестова, сын которой Максим случайно угодил в восемнадцатом году под пулю пьяного Никиты Клыкова. Когда Семен вошел в свое зимовье, Ульяна спала на лежанке в валенках и сером рваном полушалке. За ночь зимовье сильно выстыло. Окошко и обитая соломенными вьюшками дверь были обметаны инеем, в сырых углах гнездилась сумрачная темнота.

Невыносимо гнетущей и тягостной показалась вдруг Семену обстановка, в которой он жил и с которой давно смирился. Почти с отвращением взглянул он на свою деревянную кровать, застланную серым солдатским одеялом, на низкий прогнувшийся потолок, на дышавшие сыростью стены.

Ульяна проснулась и стала жаловаться ему на ломоту в ногах. Она хотела было слезть с лежанки, но Семен велел ей не беспокоиться и лежать. Он сходил за дровами, затопил сложенную осенью рядом с русской печью плиту, поставил на нее чугунок с водой и пошел поить коня.

Напоив коня, он насыпал ему в корыто овса и сразу же принялся разметать ограду. Сейчас он не мог оставаться в бездействии. Все время ему хотелось двигаться, что-то делать, думать и ликовать втихомолку.

Воткнув метлу и лопату в кучу снега, вернулся он в зимовье. Чугунок на плите весело бурлил, дрова в ней жарко пылали и потрескивали. Семен достал из сундука чистое полотенце, тщательно побрился и долго умывался ледяной водой из жестяного умывальника.

Напившись вместе с Ульяной крепкого чаю, он решил, что лучше всего ему сейчас заседлать коня, закинуть за плечи винтовку и ехать куда глядят глаза.

По широкому, накатанному до блеска зимнику поскакал он в верховья Драгоценки. День был морозный и солнечный. Ослепительно сверкали на солнце белые сопки, голубым огнем горели снега на равнине, где на кустах и одиноких деревьях лежал мохнатый снег. Из лесу, с севера, летели к поселку в оди-

ночку и парами вороны, беспрестанно каркая на лету. Стайки красногрудых клестов взлетали с зимника, где кормились просыпанным кем-то зерном. Ядреный морозец щипал Семену щеки, встречный ветер вытачивал из глаз его невольные слезы. Но он не замечал и не чувствовал этого.

Оставшись наедине с самим собой под высоким, холодно голубеющим небом, под зимним неласковым солнцем, Семен снова и снова пытался разобраться в том, что произошло.

«Неужели она меня любит? — размышлял он, хмельной и счастливый, не видя увлеченно мышкующей недалеко от дороги лисы. — Да разве я ровня ей? Она грамотная, она людей учит. А я кто такой? Ведь меня до гражданской войны все, кому не лень, Сенькой звали. Другого имени мне не было. Сорок четыре года обделяла меня жизнь, а тут взяла да и расщедрилась. И как только расщедрилась! Нашла такую любушку, что можно ума рехнуться».

Он вырезал коня нагайкой, гикнул и помчался вскачь, упиваясь снежным простором и ветром, жгучим раздумьем и буйным желаньем, какого не знал и не ведал. Сорвав из-за плеча винтовку, он на всем скаку расстрелял заложенную в ней обойму. Привела его в себя потная конская шея, от которой валил сизый пар. Тогда он сразу услышал и тяжелое дыхание взмыленного коня и скрип снега под его копытами. Он остановился, обругал сам себя дураком и начал виновато и ласково трепать коня по мокрой шее.

И тут внезапно пришла ему в голову заставившая его вздрогнуть мысль. Он вдруг решил, что виновато во всем вино. Может, будь Людмила Ивановна трезвой, никогда бы не случилось того, отчего теперь безумствует и ликует Семен. Может, сейчас она проснулась, вспомнила все и раскаивается, клянет и ругает себя. Когда они расставались, Людмила Ивановна велела ему идти и хорошенько подумать обо всем. Уходя, он спросил, как же теперь у них будет, и тогда она сказала ему, что разговаривать об этом не время. У нее болит голова, ей смертельно хочется спать. Пусть он лучше приходит к ней вечером. Но потом вдруг передумала и сказала:

— Нет, лучше приходи через три дня. — И выпроводила его за дверь.

«Прогнала она меня, а я и не сообразил тогда этого. Ясно, что не придала она этому никакого особенного значения. Три дня ждать... Не похоже что-то на настоящую любовь».

Это было так страшно и больно, что Семен круто повернул коня назад, безжалостно стегнул его и поскакал в поселок. Он решил сейчас же поехать к Людмиле Ивановне и попросить ее честно сказать ему, что это такое было с ними.

Вернувшись в поселок, он увидел полные народу улицы и вспомнил, что сегодня воскресенье. Это сразу охладило его пыл, и он поехал дальше шагом, здороваясь с парнями и девками, со стариками, катающими на дороге бабки. А когда еще увидел, что с бугра у школы катаются на коньках и в санках школьники, он повернул коня домой.

«Ладно, — сказал он про себя. — Приеду через три дня. Как-нибудь вытерплю, а там поговорим, разберемся, что к чему...»

Зарекся и не вытерпел. В тот же день поздним вечером он стоял на школьном крыльце и осторожно стучался в дверь. Дверь ему открыла сама Людмила Ивановна. Она испуганно вскрикнула, потом на одно мгновенье припала к нему и сказала:

— А я решила, что ты не придешь, и жалела... Почему так поздно?

— Не хотел никому на глаза попадаться.

— Это правильно, — согласилась она. — Нам надо быть очень осторожными.

Она взяла его за руку и провела в кухню, где топилась плита и горела свеча в медном подсвечнике.

— Раздевайся, раздевайся, — нетерпеливо говорила она. И только он разделся и прошел следом за ней в комнату, как она снова припала к нему. И сразу он забыл о всех своих сомнениях и тревогах, обнял ее, поднял на руки и дальше ничего не помнил.

Когда, усталые и счастливые, пришли они в себя, Людмила Ивановна, обнимая Семена, спросила:

— Чем же ты занимался сегодня?

— Одно у меня было занятие. О тебе думал... Надо мне поговорить с тобой.

— О чем? — поцеловав в щеку и жарко дохнув на него, спросила Людмила Ивановна.

Он взял ее руку, поцеловал в ладонь, приложил к своей щеке и сказал:

— Да все об этом самом... Как же теперь у нас с тобой будет?

— Как надо, так и будет.

— А все-таки как же?

— Будем встречаться, если ты этого хочешь. Но только так, чтобы никто ничего не знал.

Семен разочарованно вздохнул.

— Жениться, значит, не будем?

— Пока нет... Да не вздыхай ты, пожалуйста, так тяжело. Ты выслушай меня.

— Выходит, я правильно думал, что вино во всем виновато. Трезвая ты бы и близко к себе не подпустила меня.

— Вот как! — отшатнулась от него и побледнела Людмила Ивановна. — Значит, ты думаешь, что я была пьяной?.. Да как ты смел об этом подумать, Семен Евдокимович? За кого ты меня считаешь? Была я в здравом уме и твердой памяти. Чего я давно хотела, то и сделала. Я давно отношусь к тебе не так, как к другим. Только ты этого не хотел замечать.

— Это правда? Людмила, голубушка! Да прости ты меня, дурака несчастного. Я ведь не хотел тебя оскорбить. Я ведь тебя с собой и равнять не смел. Я на тебя и глядеть-то боялся, думал: хороша Маша, да не наша...

Слова его дышали такой искренностью, что Людмила Ивановна снова доверчиво склонилась к нему, ласково потрепала его по щеке:

— Эх ты, милый мой простофиля! Я не какая-то там особенная. Я такой же человек, как все, такая же одинокая, как ты. И тебя я считаю не хуже, а лучше меня. Понимаешь ты это?

— Ну, спасибо, Людмила, роднуша ты моя! А почему же, ежели все так, нам не пожениться?

— Да подожди ты с этой женитьбой... Ты подумай, как мы с тобой жить будем, если возьмем да и поженимся завтра. Взять тебя к себе в школьную квартиру я не могу. Над тобой тогда будут смеяться, скажут, ушел на содержание к своей жене. Перейти к тебе в зимовье я ни за что не соглашусь. Я удивляюсь, как ты сам до сих пор там живешь. Надо же все-таки думать о себе чуточку побольше. А потом ты мне скажи, сколько ты получаешь зарплаты?

— Нет у меня никакой зарплаты. Дают мне от общества три пуда муки на месяц да коню овса два пуда.

— Ну вот видишь! И у меня дела не лучше твоих. В прошлом году я тоже работала за один паек, а в этом мне выдали с начала учебного года пять рублей золотом и больше пока ничего не обещают. У тебя пусто, и у меня не густо. В одиночку мы живем и не замечаем всей нашей бедности, а вдвоем быстренько увидим и начнем друг другу кровь портить. Ты не забывай, что я женщина да еще к тому же и учительница, у которой по горло работы. Буду я для тебя плохой хозяйкой, а ты для меня плохим хозяином, который ходит домой только ночевать. Так что, хочешь не хочешь, а придется подождать. Станем жить чуточку получше, тогда и о женитьбе подумаем, свадьбу свою не хуже Федота справим.

— Выходит, тайком будем жить?

— Да, тайком, если ты не боишься этого.

— Я-то не испугаюсь. А вот ты как?

— За меня можешь не бояться. Раз я полюбила тебя, то стыдиться этого не стану, но и напоказ наши с тобой отношения выставлять не собираюсь.

— Правда твоя, ничего не скажешь, — согласился Семен, — а только от людей ничего не скроешь. Неловко будет и тебе и мне.

— Ничего, обойдется. Только ты не вздумай теперь воображать, что можешь не ходить в ликбез. Если ты хочешь, чтобы мы не перестали уважать друг друга, будь любезен учиться и учиться. Неграмотного я тебя, чего доброго, и разлюбить могу, — рассмеялась и поцеловала его в губы Людмила Ивановна.

С этим они и расстались в эту ночь.

Семен отлично понимал, что ничего иного сейчас не придумаешь. Рассудила Людмила Ивановна все правильно, и все-таки ему было немного больно и даже стыдно, что он, здоровый, сильный и не глупый мужчина, не может жениться только потому, что гол, как сокол.

Через два дня Семена разбудил чуть свет конный нарочный с пакетом из уездного ревкома. Ревком предлагает ему немедленно прибыть в Завод для вступления в новую должность.

В полдень Семен на взмыленном коне подъезжал к Заводу. Дорога шла по обметанным инеем кустам вдоль замерзшей давно Алтачи. Впереди, за поворотом, увиделась высокая, похожая на элеватор паровая мельница. Прежде она принадлежала купцу Петушкову, а теперь стала народным достоянием. Мельница дымилась. Просторный двор ее был до отказа запружен подводами с зерном и дровами.

«Заработала! — порадовался Семен, знавший, что мельница долго бездействовала. — Гляди ты, сколько народу наехало! И помольщиков полно, и дров вон какую беду пригрудили. Житуха, похоже, налаживается».

Только он миновал мельницу, как на ней прогудел полуденный гудок. Звонкое эхо весело откликнулось на него в горах.

Проехав по Большой улице до базара, где шла оживленная торговля мукой и мясом, мороженой аргунской рыбой и дичью, Семен свернул к двухэтажному белому зданию, бывшему резиденцией атамана четвертого отдела. В этом здании теперь помещался ревком.

Когда Семен вошел в приемную Димова,

сидевший за столом секретарь, атлетического телосложения, русый и курносый парень, вскочил со стула. Кинув руки по швам, он улыбнулся и молодцевато, по-военному, поздоровался:

— Здравия желаю, товарищ Забережный!

— Что-то, товарищ, обличье у тебя шибко знакомое? Где мы с тобой встречались?

— Известно где, в партизанах! Разве вы меня не узнаете?

— Не узнаю, дружище, не узнаю.

— Фамилия моя Перевозчиков. Я к вам в Курунзулайскую тайгу вместе с Аверьянычем из Читы для связи приезжал. А потом я у Журавлева старшим штабным писарем был. Грамотнее меня никого под рукой не оказалось, вот и сделали меня писарем.

— Понятно, понятно!..

Уловив в голосе Семена обидное пренебрежение, Перевозчиков вспыхнул и сказал:

— Но я и в боях бывал. Под Богдатью, под Сретенском. А под Купряковой меня даже ранили.

— Чего оправдываешься? Я же тебя ни в чем не обвиняю, товарищ Перевозчиков... Ты лучше скажи, зачем меня вызвали?

— Сейчас сами все узнаете. С самого утра дожидаются вас товарищ Димов и секретарь укома товарищ Горбицын.

Приоткрыв одну створку обитых черной клеенкой дверей, ведущих в кабинет Димова, Перевозчиков громко и чуть торжественно доложил:

— Прибыл товарищ Забережный! — и посторонился, пропуская Семена в кабинет.

Горбицын и Димов поднялись со стульев и с подчеркнутым уважением поздоровались с Семеном. Пригласив садиться, они стали спрашивать его о здоровье, о домашних делах. Ему сразу бросилось в глаза, что разговаривали они с ним, как с равным. В голосе Димова уже не было прежних покровительственных ноток, а в голосе Горбицына — подчеркнуто строгой официальности. Один старался держать себя попроще, другой — подружелюбней.

Покончив с расспросами и согнав с лица улыбку гостеприимства, Димов вдруг сказал:

— Сегодня ночью мы получили телеграмму из Читы. Подписана она Председателем Совета Министров и Секретарем Дальбюро ЦК РКП(б). Сейчас я ее зачитаю.

Он взял из лежавшей на столе синей папки телеграфный бланк с красной полосой по верхнему краю.

В телеграмме было сказано: «Ввиду возможного вторжения из сопредельной Маньчжурии белогвардейских банд объявляется военное положение в стоверстной пограничной полосе Восточного Забайкалья. Немедленно формируйте из преданных революции партизан иррегулярную добровольческую бригаду. Командиром бригады назначается Забережный Семен Евдокимович, политическим комиссаром Горбицын Тимофей Иванович. Срочно телеграфируйте ваши нужды. О положении на границе и ходе формирования бригады доносите ежедневно.

Председатель Совета Министров
Н. Матвеев.

Секретарь Дальбюро ЦК РКП(б)
П. Никифоров».

Огласив телеграмму, Димов поздравил Семена с высоким доверием, а Горбицын спросил:

— Ну, что скажешь, товарищ Забережный?

— Что скажу? — задумался Семен, потирая ладонью лоб. — Неожиданное дело! Вот что скажу. Честь не малая, а мужик я не шибко грамотный. Хотел нынче за зиму на ликбезе подучиться, да не придется, как видно... Давайте уж все вместе сколачивать бригаду. А придется воевать — повоюем, куда денешься. С чего начинать-то будем?

Горбицын, все время недоверчиво и ревниво наблюдавший за Семеном, немедленно подсказал:

— Начинать, товарищ Забережный, как и во всяком большом деле, надо с самого главного — с народа. Нужно сейчас обратиться с воззванием к партизанам. Напишем его здесь же, не выходя из кабинета. А к вечеру выедем сами и пошлем других коммунистов по тем станицам и селам, где у нас больше всего партизан. Пока будем сочинять воззвание, ты поговори с начальником госполитохраны. Я его вызову сюда. Он тебе кое-что расскажет о той стороне.

Горбицын позвонил по телефону и попросил Заузолкова немедленно прибыть в ревком. А Димов позвал в кабинет Перевозчикова, спросил у него:

— Товарищ Перевозчиков, ты у нас, кажется, поэт? Стихи потихоньку кропаешь...

Здоровяк Перевозчиков покраснел, как девушка:

— Какой из меня поэт, Михаил Осипович. Так, одно недоразумение.

— Не скромничай! Я своими глазами видел в укоме комсомола плакат с твоими стихами. Довольно складно у тебя выходит, хотя и не совсем все выдержано. Но нам от тебя нужны не стихи, а проза. Только не канцелярская, а такая, чтобы зажигала, звала. На-

до написать воззвание к нашим красным партизанам. Может, попробуешь?

— Попробовать можно. Только не знаю— получится ли?

— Где не получится, сообща обстругаем... Товарищ Горбицын! Так мы на часок удалимся с Перевозчиковым.

— Идите, идите. Только не пытайтесь много мудрить. Обрисуйте толково и коротко обстановку и зовите народ на защиту наших революционных завоеваний.

Димов и Перевозчиков ушли куда-то в другую комнату. Когда за ними захлопнулась дверь, Горбицын сказал Семену:

— Ну, товарищ Забережный! Давай на все прежние недоразумения поставим вот такой крест. — И он изобразил своими руками подобие креста. — Для полной ясности скажу, что на твой счет я искренне заблуждался.

— Не стоит говорить об этом! — отмахнулся Семен. — Все мы, все ошибаемся. Только вот признаваться в своих ошибках не каждый умеет. Ты, кажется, не такой, а больше мне ничего и не надо. Где ошибусь— поправляй, а где самого возьмет сомнение — с другими советуйся.

В кабинет без стука вошел начальник госполитохраны Заузолков. Он был в оранжевом полушубке, затянутом в желтые кожаные ремни. На правом боку у него болтался маузер в деревянной, хорошо отполированной кобуре.

— Здравия желаю, товарищи! — с чувством собственного достоинства приветствовал он Горбицына и Семена, небрежно вскинув руку к серой мерлушковой папахе.

— Раздевайся, Федор Николаевич! — сказал Горбицын. — Тут довольно жарковато. Дровами себя Димов не обижает, не то, что мы, грешные.

Заузолков разделся, причесал свою буйную шевелюру, одернул суконную гимнастерку. Когда он присел к столу, Горбицын попросил:

— Информируйте нас, что делается на той стороне.

Заузолков сцепил пальцы своих рук с такой силой, что они сочно защелкали. Потом заговорил негромким размеренным голосом.

— На сегодняшнее число мы располагаем следующими данными: от Усть-Урова до Аргунска на той стороне все спокойно. Среди живущих в бакалейках эмигрантов никаких военных приготовлений не замечено. Новые люди на границе не появлялись. В Шивейсяне, напротив Олочинской, проведено несколько тайных эмигрантских сходок. Проводили их приехавшие из Хайлара офицеры. Казаки на сходки приглашались по выбору. Возможно, что сформирован отряд, максимальная численность которого сто — сто пятьдесят человек. В Чалбутинской после известных вам событий среди эмигрантов поднялась большая паника. Многие постарались убраться с границы подальше. Остальные живут тихо. Семь человек явились оттуда недавно с повинной.

— А ты скажи Забережному, что это за люди, — потребовал Горбицын.

— Четверо из них оказались из охраны Кайгородова и Рысакова... Они находились в землянке во дворе.

— Теперь о районе Трехречья. Там сформировано за последние три месяца несколько казачьих отрядов. Формировали их по поручению генералов Бакшеева и Власьевского есаулы Башуров и Гордеев, сотник Лоншаков и хорунжий Темников. Их призывы и широковещательные обещания мало кого соблазнили. Семейные и хозяйственные казаки решили остаться в стороне. Записывались в отряды молодые и бессемейные, служившие у Семенова и Унгерна. Таких там даже в самом крайнем случае набралось едва ли больше тысячи человек. Разумеется, речь идет только о Трехречье. То, что делается в Хайларе и дальше, нам, к сожалению, неизвестно. Еще я должен сообщить, что в тылу у нас, на территории Сретенского уезда, появилась банда есаула Шадрина. Пришла она, несомненно, из Маньчжурии. Но где и когда переходила границу — установить не удалось. По последним данным, отчаявшись в своих попытках поднять на восстание шилкинских казаков, Шадрин пустился в обратный путь. Вчера вечером его банда замечена на речке Туров. Она идет по направлению к Газимуру. Ее преследуют партизаны Копунской, Ломовской и Ботовской станиц. В ней не больше шестидесяти человек.

— Обстановка более или менее ясная, — сказал Горбицын. — Даже если перейдет нашу границу не тысяча, а пятьсот человек, то это причинит нам много беды и горя. Ведь это же самые отпетые, самые злобные. Только смерть заставит их отказаться от желания убивать, жечь, мстить за все потерянное. Будем, значит, принимать меры.

Горбицын поднялся и пошел разыскивать уединившихся Димова и Перевозчикова. Вернулся он вместе с ними.

Написанное ими воззвание гласило:

«Товарищи красные партизаны!

Изгнанные из Забайкалья банды кровавого палача атамана Семенова готовы нане-

сти нам новый удар. На маньчжурской границе тайно сосредоточиваются шайки самых отъявленных и непримиримых белогвардейских головорезов. В любой день и час они могут нагрянуть на нашу сторону, чтобы убивать, пороть и грабить мирный народ.

По поручению правительства ДВР Нерчинско-Заводский уездный комитет РКП(б) и уездный ревком формируют кавалерийскую бригаду для охраны мирного труда и спокойствия граждан.

Все, кому дороги завоевания революции, немедленно вступайте в ряды бригады. Спешите в Нерчинский Завод, где находится штаб бригады. Ни минуты промедления!»

Прослушав воззвание, Горбицын сказал:

— По-моему, ничего, сойдет. Все, что надо, сказано. Большего и не требуется. В наших партизанах мы уверены. Нам важно только оповестить их о том, что пришло время быть в полной боевой готовности.

— А кто подпишет воззвание? — спросил Димов. — Мы с тобой или товарищ Забережный?

— Фамилии здесь не нужны. Поставим подписи укома и ревкома.

— Обезличено будет так-то, — сказал явно огорченный Димов.

— Не думаю, — возразил Горбицын. — Обойдется без наших фамилий. Призываем мы народ не от собственного имени, а от имени Коммунистической партии и народной власти. Быстренько размножьте воззвание и разъедемся с ним по самым крупным станицам и волостям.

Много в Забайкалье горных ручьев и речек. Они берут свое начало в каменистых нагорьях, в дремучей тайге. Никогда не иссякают они, пробиваясь на поверхность из глубочайших недр земли. Даже самый крошечный ручеек там обязательно пробьется к своему ближайшему собрату по обрывистому, заваленному камнями или буреломом руслу. Весело и неугомонно журча, побегут они дальше вдвоем. И там, где сольются с ними другие ручейки, появляется маленькая, но шумная и проворная речка. Преодолев все пороги и теснины, вливаются потом эти речки в Аргунь и Шилку, Онон и Селенгу.

Едва стало известно в партизанских станицах и селах Приаргунья об угрозе белогвардейского вторжения, как начали собираться в поход прискатели и хлеборобы, охотники и бывшие батраки. Из каждого маленького поселка, глухой деревушки в двадцать или сорок дворов выезжали жиденькой цепочкой на заваленный сугробами проселок сурово и решительно настроенные люди. В попутных селах присоединялись к ним другие и уже по более укатанным дорогам спешили дальше отделениями, взводами и полусотнями. Маленькие ручьи становились речками, а настроение людей еще более боевым.

В станичных и волостных центрах к вечеру следующего дня скакавшие туда всю ночь партизаны сливались в сотни и дивизионы. Едва обогревшись и накормив коней, выступили они на Нерчинский Завод. А газимурские партизаны на пути отступления банды Шадрина выставили посты на сопках, засады в узких местах.

Жители Нерчинского Завода только ахнули, когда увидели в полдень следующего дня, как вливались в большую улицу с двух ее противоположных концов шумные и большие реки пестрой партизанской конницы. Одетые по-зимнему всадники, в косматых дохах и папахах, имели внушительный, грозный вид.

Встреча пришедших с Аргуни, Урова и Драгоценки партизан состоялась на базарной площади. Всю ее от края до края переполняли поднявшиеся по первому зову четыре тысячи всадников. После короткого митинга партизаны разъехались по квартирам. А Семен и Горбицын пригласили на военный совет полковых и сотенных командиров. На совете было решено половину бригады перебросить в пограничные станицы, расположенные напротив впадающих в Аргунь рек Маньчжурского Трехречья. Удар мог последовать только оттуда. Благодатских, горнозерентуйских, ивановских и кадаинских партизан решили на все опасное время держать собранными в кулак в Горном Зерентуе, откуда они могли прийти на помощь частям на границе. Остальные партизаны должны были составить гарнизон Завода.

Но в полночь стало известно, что белые уже выступили. Пять поселков Чалбутинской станицы оказались занятыми противником. И тогда поднятую по тревоге бригаду Семен повел им навстречу.

На рассвете партизаны атаковали белых в трех поселках. Бой продолжался недолго. После рукопашной схватки на улицах Чалбутинской и короткой перестрелки под двумя Булдуруями белые ушли за Аргунь, и отряды их начали распадаться. Они бросили на льду посредине реки два горных орудия и пять станковых пулеметов.

Но хоть и коротким был этот единственный бой, но и в нем нашлись роковые пули для семи партизан. В двадцати шагах от родной избы был убит наповал председатель

Чалбутинского ревкома Замешаев. Он со своими станичниками первым ворвался в улицу, зарубил не успевшего сесть на коня офицера с двумя скрещенными металлическими сине-красными флажками на папахе. А в следующее мгновенье уже слетел с коня, сраженный выстрелом в упор. Мунгаловцы потеряли в перестрелке Гавриила Мурзина. В цепи, на снежной вершине сопки, лежал он рядом с Лукой Ивачевым. Лука видел, как он вдруг дернулся и затих. Когда Лука подполз к нему, тот был уже мертв. Под лучами неяркого утреннего солнца на ослепительно белом горном снегу, как горсть раскиданной клюквы, алели капли крови. Мурзин лежал так, что незакрытые глаза его глядели куда-то на ту сторону, в необъятные синие дали Маньчжурии. Были в них испуг и удивление. Все более холодной и тусклой делалась их живая и влажная синева. И не было теперь их хозяину ни до чего никакого дела.

Есть в Нерчинском Заводе на каменистой площадке, в полугоре, между собором и средней школой, обнесенная деревянной решеткой братская могила. В незабываемые суровые годы нашей молодости становилась она все больше и больше. Удлиняли ее по нескольку раз в году. Много лежит там смелых и мужественных людей, молодых, не успевших оставить после себя ни детей, ни вдов, и пожилых красногвардейцев, партизан, подпольщиков, замученных в семеновской контрразведке.

В трескучий декабрьский мороз опустили в еще раз удлиненную могилу семь обитых красным кумачом гробов. И двадцативосьмилетний казачина Замешаев, холостяк, на которого заглядывались все станичные девушки, улегся там рядом с болезненным и некрасивым, бывшим часто злым и несправедливым к людям, но до конца оставшимся преданным солдатом революции Гавриилом Мурзиным, успевшим и жениться и наплодить горемык-детей.

Когда отгремел прощальный ружейный салют и стали забрасывать могилу землей, работающий неутомимо лопатой Лука Ивачев сказал стоявшему рядом с ним Ганьке:

— Растет, брат, могила и растет! А места все еще много... Если так пройдет лет десять или двадцать, то она вплоть до обрыва вытянется. Как бы и нам с тобой не пришлось угодить в нее.

— От этого не зарекайся! — отозвался настроенный строго и раздумчиво Ганька. — Никто не знает, что ему на роду написано. Только, Лука, чтобы в такую могилу лечь, надо кое-что сделать в жизни, и не с водки сгореть, а от работы, в бою погибнуть, а не дома на печке.

20

В зрительном зале мунгаловского нардома шло собрание членов потребительского общества. Выбирали делегата на республиканский кооперативный съезд. Нужен был грамотный и толковый человек, а таких оказалось в поселке мало. Учительница Людмила Ивановна была самым подходящим кандидатом, но ей нужно было учить ребятишек.

После долгих споров и препирательств остановились на кандидатуре Елисея Каргина и Гавриила Улыбина. За Каргина горой стояли зажиточные и справные, за Улыбина — партизаны и беднота.

Опасаясь, что большинство проголосует за Каргина, Семен Забережный попросил слова и сделал ему решительный отвод.

— Граждане! Не согласен я, чтобы на съезд от нас поехал Елисей Каргин. Человек он грамотный, ничего не скажешь. Недаром в старой потребиловке постоянно был членом ревизионной комиссии. Только ездить ему по республиканским съездам малость рановато. Съезд-то кто созывает? Наша власть его созывает. А Каргин, как там ни расхваливайте его, воевал против этой власти и даже по заграницам бегал. Так что я категорически против.

— Правильно! — дружно поддержали его сидевшие на первых скамьях партизанские активисты.

— Нет, неправильно! — перекрывая все голоса, крикнул с места Прокоп Носков. — Нечего всякий раз Каргину в нос тыкать, что он в беженцах был. Наша власть его простила. Теперь он такой же равноправный гражданин. И пользы от него будет побольше, чем от Ганьки. Ганьке такого дела нельзя доверить. У него еще мамкино молоко на губах не обсохло.

На Прокопа запальчиво обрушился Лука Ивачев.

— Брось ты, Прокоп, Ганьку хаять. Не забывай, что он тоже красный партизан. Парень он молодой, да башковитый. Я, конечно, против Каргина ничего не имею, — непримиримо глянул в его сторону Лука, — а только пусть он дома посидит.

— Тогда ты сам и поезжай! — крикнул недолюбливавший Луку Федот Муратов. — Ты у нас не мараный и на язык ловкий.

Прокоп засмеялся вызывающе и нагло:

— Нашел тоже делегата! Ивачев из всего

букваря знает только две буквы: «У» да «А». Эти буквы он еще в зыбке вызубрил, когда плакать учился, а больше потом так ни одной и не одолел.

По задним рядам прокатился смех. Смущенный Лука сидел на своем месте красный и злой. Таких шуток он не выносил. Федот и Прокоп могли не сомневаться, что при случае он припомнит им это зубоскальство.

До выступления Семена Каргин скромно посиживал в самом заднем ряду и радовался втихомолку. Выходило, что многие поселенцы по-прежнему уважали его, а это кое-что значило. Он собирался выступить перед самым голосованием и поблагодарить граждан за оказанное ему доверие. Но высказанное Семеном грубо и властно мнение повергло Каргина в уныние и тревогу. В полной растерянности глядел он теперь на спины и затылки сидевших впереди, и было ему мучительно стыдно и больно. Он хорошо понимал, что слова Семена продиктованы не соображениями дела, а совсем другими обстоятельствами. За этим скрывалось непримиримое отношение Семена к Каргину и желание во что бы то ни стало настоять на своем.

Не желая еще более ожесточить Семена и окончательно настроить его против себя, Каргин решил выступить и снять свою кандидатуру. Сославшись на плохое состояние здоровья, он отказался ехать на съезд и призывал всех проголосовать за Гавриила Улыбина, о котором сказал, что он из молодых, да ранний.

Так Гавриил Улыбин, еще совсем недавно бывший просто Ганькой, оказался избранным почти единогласно. Семен поздравил его и от лица всего собрания сказал ему напутственное слово.

— Самое главное, товарищ Улыбин, слушай и запоминай. Наматывай, как говорится, на ус. Вернешься домой — спросим обо всем. Расскажешь нам поясней и попроще, как надо теперь кооперацию развертывать, чтобы легче жилось трудовому казачеству и крестьянству. Съезд начнется только через две недели. Но мы решили отправить тебя пораньше. Посмотришь там на Читу, с Василием Андреевичем обо всем потолкуешь, чтобы на съезде потом ушами не хлопать.

До ближайшей станции железной дороги было от Мунгаловского триста верст. Отвезти туда Ганьку подрядился недавно переселившийся в поселок Кум Кумыч. Семен написал Ганьке удостоверение, а правление потребиловки выдало на дорогу десять рублей серебряными полтинами.

Было мутное, с легким морозцем, утро. С неба косо и медленно падали крупные хлопья снега. К воротам кустовского дома подкатил на рыжем мерине, запряженном в кошевку, одетый по-дорожному Кум Кумыч. Тотчас же из дому вышли Ганька, Авдотья Михайловна и пришедшие проводить его Семен, Федот Муратов и другие соседи. Ехал Ганька в не ближний путь. Ему впервые предстояло побывать в таком большом городе, как Чита. И каждый из провожающих считал своим долгом дать ему тот или другой совет.

— Смотри, товарищ секретарь, документы и деньги береги. Украдут — наплачешься без них, — наказывал ему Семен, то и дело пощипывая свои реденькие усики. Это значило, что он по-настоящему был взволнован предстоящими проводами.

— Насчет веселых заведений, Ганька, лучше и думать не смей. Парень ты не обстрелянный, не тертый. Там тебе и карманы вывернут и перо вставят, — говорил ему многоопытный Федот.

Не отстал от них и Никула Лопатин. Он сказал Ганьке:

— Жалко, паря, что не меня ты подрядил везти тебя. Уж я бы тебя мигом домчал на своем савраске и на поезд посадил честь честью.

— Ты бы довез! — немедленно отозвался задетый его словами Кум Кумыч. — Ты бы его на своей дохлятине и в две недели к поезду не доставил. А я в самом лучшем виде за четыре дня домчу.

— Ну, расхвастался наш новосел! — презрительно махнул рукой Никула. — Ездит с веревочными гужами, а воображает о себе так, будто вся сбруя у него ременная. — И, не обращая больше на Кум Кумыча никакого внимания, Никула принялся наказывать Ганьке: — Ты, паря Ганьча, ноги от простуды береги. В унты войлочные стельки положи и просушивай их каждый вечер. Лучше недоешь, недоспи, а ноги держи в тепле и сухости. Иначе скрутит тебя ревматизма, как меня, грешного.

Наконец, Ганьку усадили в кошеву, закутали ему ноги старой шубой. Кум Кумыч, в козьей дохе и обшитых кожей серых валенках, уселся рядом с ним и сказал провожающим:

— Ну, счастливо оставаться, граждане! Нам пора трогаться.

Он взмахнул бичом, зачмокал губами. Ленивый сытый мерин в ответ поднял косматый хвост, выпустил с треском газы и только потом поднатужился и пошел. Кошевка заскрипела, сдвинулась с места. Убедившись, что

она не слишком тяжела, мерин довольно помахал хвостом и перешел на легкую рысцу.

Провожающие кричали вслед Ганьке:

— С богом, сынок!..

— Счастливой дороги!..

Как только выехали из поселка на полевую дорогу, присыпанную пушистым ослепительно белым снегом, Ганька сразу настроился на дорожный лад. Мысли его оторвались от дома, от матери, от вчерашних забот и полетели все вперед, все дальше, к неведомым станциям и деревням, которые он должен был увидеть на пути к Чите.

Впереди на дороге, вьющейся среди опушенных инеем кустов, показался воз с сеном.

— Раненько кто-то поднялся. Уже с сеном катит, — сказал Кум Кумыч... — Да, никак, это какая-то баба или девка. Экая проворная! Такая многим мужикам нос утрет.

Ганька пригляделся и узнал в шагавшей рядом с лошадью женщине Верку Козулину, не желавшую и слышать о нем. Верка была в черных валенках, синей стеганой куртке и белом шерстяном полушалке. Щеки ее были нежно разрумянены морозом, полушалок осыпан зеленой сенной трухой.

На узкой дороге нельзя было разминуться, не задев друг друга. Кум Кумыч попридержал коня и свернул в сторону, уступая дорогу. Кошева накренилась и глубоко увязла в снегу. Держась за ее раскрашенную спинку, Ганька привстал с сиденья. Ему хотелось во что бы что ни стало окликнуть девушку, попрощаться с ней.

— Здравствуй, Вера! — весело крикнул он. — Что-то ты рано встаешь? Другие девки еще спросонья зевают, а ты уже с сеном едешь.

— Другим-то можно спать. У них отцы и братья за сеном ездят, а мне самой приходится... Куда это понесла тебя нелегкая?

— В Читу уезжаю.

— В Читу!? Насовсем, что ли? — удивленно и растерянно спросила Верка, и розовые губы ее жалко дрогнули.

С минуту Ганька наслаждался ее непритворным огорчением. Потом с важным и небрежным видом ответил:

— Пока только на съезд. А там видно будет. Может, и не вернусь больше домой.

Сказав это, он вдруг преисполнился горькой жалостью к самому себе. К горлу его подступили непрошенные слезы. Верка глядела на него с виноватым видом и часто дышала. В ней медленно закипало ожесточение на себя и на него. Она передернула плечами и с прежней насмешливостью сказала:

— Поезжай, поезжай! Удерживать не станем. Как-нибудь уж и без тебя проживем...

— Эх ты, колючка! — дрожащим от обиды голосом воскликнул он. — Все подсмеиваешься. Даже проститься с тобой по-людски нельзя.

— Ладно, ладно! Не сердись, сердитка! — усмехнулась она. — Сердиться-то другим надо. Ты даже и предупредить не захотел.

И тут Ганька увидел, как увлажнились ее глаза, безвольно обмякли губы. Он выскочил из кошевы, бросился к ней. Но она круто повернулась и побежала догонять свой воз.

— Вера! Постой же! Не убегай! — закричал он ей вдогонку, но она даже не оглянулась.

И тогда на него навалилась такая тоска, такое безразличие ко всему, что сразу расхотелось жить и двигаться, ехать в какую-то там Читу.

— Поехали, Северьяныч, поехали! — позвал его Кум Кумыч. — Если после каждой девки так расстраиваться, то лучше взять да и вернуться.

Едва Ганька уселся в кошеву, как Кум Кумыч осведомился:

— Это что же, зазноба твоя? Кипяток девка! Чья же она будет? Знаю я ее родителей или нет?

— Знаешь! — равнодушно ответил Ганька и вдруг сердито закричал: — Да поезжай ты! Постояли — и хватит...

Кум Кумыч иронически хмыкнул, покачал головой и взмахнул кнутом.

Долго ехали молча. Дорога пошла зигзагами в крутой хребет. От подножья до седловины перевала шли они пешком, жалея коня. От ходьбы оба разогрелись. Быстрее заходившая кровь развеяла одолевавшую Ганьку тоску-кручину.

Когда поехали с перевала, Кум Кумыч вдруг вспомнил Никулу Лопатина и сказал:

— Ух и трепач у вас этот Никула. На языке — все превзошел. Послушаешь, так нет человека умнее его. А на деле — балаболка, ржавое ботало. Ездили мы недавно вместе с ним за дровами. Он на одной лошади, — я на трех. Нарубил я три воза, уложил на сани, а он все одного нарубить не мог. Пришлось помогать ему.

— Такой уж он уродился! — рассмеялся Ганька и спросил: — Чего не взлюбили вы с ним друг друга?

— Черт бы его любил такого! — фыркнул Кум Кумыч. — Я тоже поговорить люблю, за словом в карман не лезу. Ежели расспрашиваю кого — пользу себе ищу или ясности до-

биваюсь. Да я и других послушать люблю. А он без всякого толку треплется... Слыхал я про него, что он дважды чуть было твоего брата не погубил своим языком. Прямо удивительно, как ты-то после этого его терпишь?

— Привык к нему, вот и терплю.

Кум Кумыч достал кисет с трубкой и стал закуривать. Вожжи на это время он передал Ганьке, рукавицы сунул за пазуху. Посасывая трубку, он блаженно щурился, говорил:

— Ночевать сегодня будем в Солонцах у Ферапонта Палкина. Это мой дальний сродственник. Раньше он у нас в Благодатске жил.

— А завтра у кого? — усмехнулся Ганька.

— Завтра остановимся мы пообедать в Тайнинском у свата Андриана Лузина. Потом в Газимурском Заводе забежим погреться к матери Ермошки Сарафанникова.

— Это какого же Ермошки? Того, который у нас в сотне был?

— Того самого. Его, говорят, в Монголии убили. А мать теперь совсем одна живет. Надо ее попроведать... Долго у нее мы не засидимся. Нам потом надо будет засветло до Газимурских Кавыкучей добраться. Там мы и заночуем у Грохотова Евлампия.

— Он что, тоже тебе родня?

— Конечно. Иначе бы я к нему и не заехал. Он доводится свояком нашему благодатскому сапожнику Митрохе Булкину, а Митроха — мой кум. Младший его парнишка — мой крестник.

— Это не родня! Это десятая вода на киселе!

— Все возможно, все возможно! — охотно согласился Кум Кумыч. — Зато ночуем в тепле и ни копейки платить не будем. Деньги нам с тобой вперед пригодятся.

— У тебя что же, до самого Сретенска родня?

— В эту сторону — до Сретенска. А если вниз по Унде поехать — даже и в Нерчинске сродственники найдутся. Память у меня на родню просто необыкновенная. Я тебе с закрытыми глазами могу и на Аргуни, и на Шилке с Ононом перечислить каждого, кого своим сродственником считаю. Я не могу тебе сказать, кто и как нас примет. Народ, он всякий бывает. Зато любому, с кем начну говорить, докажу, что он мой сродственник. До самой седой старины дойду, всех дедушек и бабушек вспомню, а своего завсегда добьюсь. Я могу до Читы или до Благовещенска без копейки денег добраться и с голоду не помереть.

— Ну, это ты заливаешь!

— Ничего не заливаю. Все это чистая правда.

На четвертый день они доезжали до станицы Шелопугинской на Унде. Оттуда можно было ехать на город Сретенск и вниз по Унде на деревню Бянкино. И Сретенск и Бянкино стояли недалеко от железной дороги. Стоило только переехать на пароме или по льду Шилку, как можно было садиться в поезд и катить, куда тебе угодно.

Увидев на выезде из Шелопугинской дорожные росстани, Кум Кумыч вспомнил, что в Бянкино у него живет двоюродная сестра Марья, которую он давно не видел. Вспомнил, с минуту поколебался, глянул украдкой на дремавшего Ганьку и решительно повернул на Бянкино, хотя знал, что дотуда дорога длиннее на целых пятьдесят верст. Но раз можно было побывать у двоюродной сестры и поглядеть на ее житье-бытье, можно было сделать крюк и побольше.

Был мглистый зимний день, когда они оказались у раскрытых на зиму ворот поскотины. На перекладине ворот были зачем-то прибиты два скрещенных красных флажка. Кум Кумыч повернулся к ничего не подозревающему Ганьке и весело сообщил:

— Ну вот, Северьяныч, мы и доехали!

— Куда? в Сретенск?

— Нет, в деревню Бянкино. Это, паря, на целых пятьдесят верст ближе к Чите. Так что ты на одном билете выгадаешь или рубль, или два. А станции — что здесь, что в Сретенске — совершенно одинаковые. Переедешь на ту сторону Шилки — и волен ехать ты во все концы света белого. Хошь в Москву, хошь во Владивосток — садись и кати себе на здоровье.

Увидев, что он обманут, Ганька вскипел:

— На кой мне черт твоя Бянкина! Я не просил тебя сюда ехать. Ты меня в Сретенск взялся доставить. Вот и доставляй, а то я тебе ни копейки не заплачу. В Сретенске у меня знакомые живут. Они бы мне помогли билет купить и на поезд сесть. А что я буду делать здесь, если я ничего не знаю? Давай поворачивай на Сретенск!..

— Чудак ты, Северьяныч, ей богу чудак! Давай-ка разберемся спокойно — хорошо или плохо я сделал, что сюда тебя завез. Билет отсюда до Читы дешевле? Дешевле! Посадить тебя на поезд я могу? Могу! Я это получше всяких твоих знакомых сделаю. Берем дальше. В Сретенске нам надо было на постоялый двор заезжать, за пустой кипяток и то своими кровными платить. А здесь мы заедем к моей родне. Здесь у меня живет сродная сестра Марья Евсеевна. Ты помнишь ее? Не помнишь, значит? Ну, это не беда! Все равно будешь принят, как самый дорогой гость.

Марья и ее мужик — большие хлебосолы. Мужик-то у нее приискатель. Заработки у него бешеные. К тому же он меня уважает. Он для меня в лепешку разобьется. Мы тебя вместе с ним, раз на то пошло, на станцию доставим и усадим на самую верхнюю полку в самом лучшем вагоне. Поедешь, ты, конечно, без плацкарты, а без нее — самая милая езда на верхотурье... Заедем сейчас к сестре, пообедаем, отогреемся, а вечером ты уже в вагоне сидеть будешь и в окошки поглядывать.

Марья и ее приискатель, широченный в плечах мужик с целой гривой седых волос на большой голове, встретили гостей с отменным радушием. Им помогли раздеться, провели в светлую и теплую горницу, всю заставленную цветами в горшках и кадушках. От обитой крашеным железом печки-голландки тянуло сухим теплом. Ганька прислонился к ней и по спине его приятно забегали мурашки покидающей тело стужи.

Скоро гости сидели за столом под образами. Стол был накрыт голубой клеенкой, на которой были изображены в самом центре — Бородинский бой, а по краям — генералы, герои Отечественной войны 1812 года. Сперва на столе появился раскупоренный банчок китайского спирта, потом эмалированная миска с пельменями, от которых валил душистый пар.

При виде всего этого Кум Кумыч весело потер руки, пошутил:

— Мужики будут выпивать да закусывать, а генералы глядеть да завидовать... Люблю под пельмени выпить.

Приискатель басовито расхохотался.

— Теперь судьба генеральская такая! Это ты верно говоришь. Они теперь все сплошь в бегах, на чужой стороне, а мы у себя дома, — и он принялся разливать спирт в граненые бокальчики.

— Ты бы хоть развел его, сват, — попросил Кум Кумыч, — Цельного-то у меня, однако, душа не примет.

— Ничего, раззадорится и примет. Она у тебя привычная, проспиртованная... Ну, начнем, благословясь?

— Эх, боюсь, а рискну!

Они чокнулись, выпили и оба враз сказали:

— У-ух! Продирает, черт!..

— А ты что же, товарищ, не пьешь? Обижаешь хозяев. Так у нас не принято.

— Я не пью, — ответил Ганька.

— Это почему же?

— Считаю, что водка — отрава...

— Эх, обижаешь ты меня, товарищок! Водка это не отрава, а благодать господня. Первейшее удовольствие, особенно с холоду да после работы.

Взяв налитый Ганьке бокальчик, хозяин поставил его перед Кум Кумычем, а себе налил другой. Выпив по второму, хозяин стал упрашивать Ганьку выпить хотя бы полбокальчика и уверял, что от этого ничего не случится даже с грудным ребенком.

Уже захмелевший Кум Кумыч тогда сказал ему:

— Ты, сват, не вяжись к этому парню. Он человек ответственный. Он писарь нашего ревкома — р-революционная власть на местах. Не положено ему пить.

— Да какой же он после этого казак и бывший красный партизан?

— Нашел тоже казака! — принялся хохотать Кум Кумыч. — Вот дед у него, действительно, был казак. Герой, всему войску известный. Да и про отца худого слова не скажу. Был он храбрец и выпивоха, каких искать да искать... Жалко мне, сват, его! Понимаешь, жалко! Сложил он свою буйную головушку ни за что ни про что. — Кум Кумыч, не глядя, нашел налитый в третий раз бокальчик, выпил, поморщился и продолжал: — А почему, спрашивается? Потому, что не умел своим умом жить. А вот Ганька молодец, хоть и казачишка из него самый никудышный. Он своим умом живет, знает, какой линии в жизни ему держаться. Недаром он совсем парнишкой к партизанам пристал.

Вдруг преисполненный пьяной нежности Кум Кумыч полез к Ганьке целоваться:

— Дай-ка, Ганька, я тебя поцелую! — закричал он со слезами на глазах. — Никак я не могу забыть, как сражались мы под Богдатью, как горе в тайге мыкали... А теперь мы оба с тобой горькие сироты. Ведь твой отец мне заместо родного брата был.

— Анисим Анкудинович! Мне, однако, на станцию пора идти? — пробовал обратить его внимание Ганька, но Кум Кумыч не хотел и слушать. Он выпил еще раз и потребовал, чтобы приискатель сыграл ему на гармошке.

— У гармошки, сват, меха рассохлись. Ремонт ей требуется, понимаешь?

— Какой такой ремонт? Играй и все. Раз уважаешь меня, грохни «камаринского», а потом «барыню», — заплетающимся языком требовал Кум Кумыч, охотясь за оставшимся на тарелке пельменем не с ложкой, а с вилкой в руках.

— Тогда я лучше тебе спою, — сказал приискатель. Он откинулся на спинку стула, уставился хмельными глазами в потолок и затянул:

На недавних временах
На Карийских приисках
Царствовал Иван...
Не Иван Васильич Грозный,
Это был начальник горный
Разгильдеев сын.

— Верно! Все верно, сват! Был такой! Разгильдеев! Попил он нашей кровушки. Правильная песня!

— Раз правильная, тогда еще выпьем.

И они выпивали до тех пор, пока не опорожнили весь банчок. Кум Кумыч после каждого бокальчика расстегивал на своей рубахе по одной пуговице. А когда расстегнул последнюю, сполз со стула под стол, промычал несколько невнятных слов и заснул мертвецким сном.

— Нет, сват, так не годится! Не годится, говорю, под столом спать. Для этого кровать есть, — сказал приискатель и сделал героическую попытку извлечь гостя из-под стола. Но самое большее, чего он достиг, — это стащил с него один за другим оба валенка. И тут его скосил неодолимый сон. Бросив валенки, положил он свою седую косматую голову на генерала Беннигсена, а руку на Барклая де Толли, глядевших на него с клеенки, и захрапел. Через минуту его не разбудил бы и пушечный выстрел.

Пришлось Ганьке идти на станцию одному. Хозяйка проводила его за свой огород и показала, куда надо шагать.

— Иди, миленький, на ту сторону Шилки. Спускайся по тому вон переулку на реку. А как дойдешь до проруби, сворачивай по тропинке влево. Ни прямо, ни вправо не ходи. Прямо-то дорога на прииск ведет. В темноте там можно в шурф свалиться и шею сломать. А вправо пойдешь — в кустах заблудишься. Так что все левей бери, все левей. Днем-то станцию видно, водокачка там приметная. А сейчас, хоть убей, не разгляжу я этой водокачки. Ну, да это не беда. Вот-вот на станции огни загорятся. По огням ты легко дойдешь.

Никто в Мунгаловском не считал Ганьку Улыбина бестолковым, мало знающим парнем. Наоборот, он был наиболее развитым из всех своих ровесников. Он учился в двухклассном училище, он ходил в партизанах, а теперь был секретарем ревкома, участвовал во всей общественной жизни села. Так про него думали другие. Да и сам он считал, что не растеряется, не даст промаха хоть дома, хоть в Чите. На деле же все оказалось иначе. Все беды Ганьки начались оттого, что он никогда не видел железной дороги, не знал, как по ней ездят и как ведут себя в этом случае люди. Он только знал, что катаются по стальному пути в зеленых, голубых и желтых вагонах, которые тянет паровоз. Эти сведения он однажды почерпнул, разглядывая банку с фабричной краской. На банку была наклеена цветная картинка. На ней была изображена гора с тоннелем, а справа — не то река, не то море. Из тоннеля выбегали длинной вереницей, изгибаясь вдоль берега, красивые, в три цвета раскрашенные вагончики. Тянул их синий с красными колесами паровоз, дым которого подымался выше горы. Сама же железная дорога рисовалась его воображению сплошной полосой, выложенной толстым листовым железом.

Благополучно выбравшись на берег и забирая все время влево, он искал именно такой железной дороги. Поиски быстро привели его к невысокой насыпи. Он поднялся на нее и увидел уложенные поперек на шаг друг от друга смоленые плахи. На плахи были уложены две стальные бесконечные полосы. Они прикреплялись к плахам, и все это сооружение походило на длинную лестницу, концов которой не было видно в сумерках зимнего дня.

С некоторым разочарованием Ганька убедился, что это и есть представлявшаяся ему совершенно другой железная дорога. Он постоял, подивился и побрел по шпалам к станции. Тут-то и повстречался он с путевым обходчиком. Обходчик шел ему навстречу с фонарем в руках, с заткнутыми за кушак флажками и огромным ключом.

Заподозрив в Ганьке злоумышленника, пришедшего воровать гайки на грузила для невода, обходчик строго спросил его:

— Чего ты здесь шатаешься? Гайки отвинчиваешь?

— Нет, я железную дорогу ищу.

— Ты что, выпил что ли? Прямо по шпалам чешешь, а дорогу ищешь, — сказал насмешливо и сердито обходчик.

— Значит, это она и есть? — обрадовался Ганька.

— Она самая. Ты что, впервые ее видишь?

— Впервые, товарищ. Родился я за триста верст от нее.

— А куда же тебя понесло?

— В Читу на республиканский съезд потребительской кооперации, — четко и подробно отрапортовал Ганька о цели своей поездки.

— Вон как оно! Значит, делегат? Хорошее дело! Давай тогда, топай поживее на станцию. Видишь, вон огоньки-то? Вот туда и шагай. Поезд скоро должен подойти.

— Спасибо, товарищ! — поблагодарил Ганька и зашагал на мерцавшие впереди

огоньки. Вдруг обходчик окликнул его и спросил:

— А ты слышал, парень, что наши Владивосток заняли?

— Да неужели!? Вот это да! — заликовал Ганька.

— Заняли, заняли! Теперь гражданской войне конец... Ну, шагай, шагай, а то опоздаешь.

Скоро Ганька вошел в маленький зал ожидания станции Бянкино. Небольшой и холодный зал был тускло освещен двумя настенными лампами. Синим туманом стоял в нем табачный дым. На скамьях вдоль стен сидело десятка полтора мужчин и женщин, одетых в шубы и полушубки. Ганька громко и почтительно, как это было принято в Мунгаловском, поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи! — и отвесил всем общий поклон.

На его приветствие никто не ответил, даже головы не повернул. «Экий сердитый народ сошелся. Здороваться не желают», — подумал он и, озадаченный таким нелюбезным приемом, не посмел пройти вперед, где была свободная скамья, а снял с себя мешок с продуктами, положил его к стенке у порога и присел возле него на корточки.

Вдруг в зал вошел, судя по фуражке с красным верхом, какой-то большой начальник. Он строго оглядел ожидающих и недовольно проворчал:

— Ну и накурили, хоть топор вешай. А намусорили-то!.. Что же это вы, граждане, чужой труд не уважаете, окурки на пол бросаете?

Никто ему не ответил. Тогда он вдруг напустился на Ганьку:

— А ты чего тут расселся? Что тебе, скамейки нету? Иди и сядь по-людски.

Испуганный и смущенный Ганька вскочил на ноги и пошел садиться на скамейку. А неизвестный начальник тем временем прошелся по залу, заглянул в одну печь, в другую, открыл в них вьюшки и удалился прочь.

Ганька успокоился и только хотел спросить у сидевшего рядом старика в заплатанном полушубке, что это за начальство посетило зал, как человек в красной фуражке снова появился в дверях с охапкой березовых дров и с ведром, наполненным какими-то черными комками.

«Вот так начальник! — посмеялся в душе Ганька. — Печки топит, а замашки, как у старого атамана. И зачем это он мерзлых комков в ведро наклал?»

Когда в печках разгорелись и запылали тонко наколотые дрова, истопник стал кидать в печки комки из ведра железным совком. Ганька так заинтересовался этим, что подошел поближе к истопнику и спросил:

— Что это за комья ты в печку кидаешь? Разве они горят?

— Вот тебе раз! А чего же им не гореть? Это же каменный уголь, — рассмеялся истопник. — А ты, видать, такой, что темнее некуда.

В это время в одной из стен открылось маленькое квадратное окошко. Ганька успел заметить в окошке яркую лампу и седую голову какого-то человека. Но тут все люди бросились к окошку и закрыли его. Моментально выстроилась и зашумела очередь.

— Это зачем же они выстроились? — спросил Ганька истопника.

— За мукой! — раздраженно буркнул тот. Ганька не понял насмешки и продолжал спокойно стоять и думал, что мука ему не требуется. Харчей на дорогу у него было вдоволь.

Очередь между тем все убывала, и в зале становилось все просторней и холодней. Все, кто отходил от окошка, брали свои вещи и выходили на улицу. Скоро в зале остался один Ганька.

— А ты чего стоишь? — закричал на него истопник. — Поезд сейчас тронется. Покупай скорее билет, пока кассир не ушел. И бывают же на белом свете ротозеи! — бушевал истопник, пока Ганька покупал билет. — Скорее, скорее!

Только Ганька спрятал бумажник с деньгами, как истопник заорал:

— Да не копайся ты, растяпа! Беги за мной, не отставай!..

Они выбежали на перрон. Здесь Ганька увидел, что на рельсах стояли домики на колесах, с едва освещенными окнами, с трубами на крышах, из которых шел дым. Впереди раздался пронзительный свисток, и домики с железным лязгом и скрипом медленно двинулись вперед. Истопник страшным голосом заорал:

— Да не стой ты, чучело гороховое! Лезь в любой вагон, а то отстанешь. Не видишь разве, что пошел?

Подталкиваемый им Ганька подбежал вплотную к вагонам и, изловчившись, вскочил в тамбур одного из них. В тамбуре остановился, не зная, куда идти. Оглядевшись, он различил в темноте две двери. И когда его стал донимать мороз, он решил открыть ближнюю, не плотно прикрытую дверь. Отворив ее, он увидел совсем крошечную комнатушку с каменным полом и каким-то странным стулом на средине ее, со свечой в фона-

ре, с железным крючком на одной из колод. «Как раз одному только и поместиться здесь, — подумал он. — Спать негде, а сидеть можно. Ну да ничего, одну ночь можно и без сна скоротать».

Он снял с себя дошку и повесил ее на крюк рядом с дверью. Туда же пристроил и мешок с продуктами, а сам присел на странный, с пустой серединой, стул. Но сразу же почувствовал, что снизу тянуло резким холодом. «Нет, не насидишь здесь долго. Живо простудишься», — решил он и снял с гвоздя дошку. Сложив ее вдвое, положил на стул. Когда снова сел, холода почти не почувствовал.

Колеса мерно постукивали, вагон покачивался. Это убаюкивало, навевало дремоту. С горечью переживая все наделанные промахи, Ганька некоторое время мучился от стыда и позора. Потом махнул на все свои огорчения рукой. и погрузился в дремоту.

В это время дверь распахнулась. От стука Ганька очнулся, вскинул голову и увидел стоявшую в дверях молодую женщину в полушалке, в пестрой вязаной кофте. Испуганным голосом она воскликнула:

— Ах, простите! — закрыла дверь и убежала.

«И чего это она испугалась? Убежала, как ошпаренная, — думал Ганька. — Какой-то народ здесь потешный. Носятся, подсмеиваются, ахают ни с того ни с сего. Нет, чтобы полюдски обойтись».

Во второй раз дверь открыл какой-то гражданин в овчинной безрукавке, в синих галифе и каракулевой папахе. Он явно походил на военного.

— Виноват! — рявкнул он сочным бархатным баритоном и, не торопясь, прикрыл за собою дверь. «И этот туда же, — снова посетовал Ганька. — Виноват! — передразнил он гражданина. — А чего виноват — сам черт бы это понимал».

Он посидел немного и, увидав крючок, решил, что лучше всего закрыться на него. Закрыл и начал было снова дремать, но тут раздался настойчивый и нетерпеливый стук в дверь. Он вздрогнул и быстро вышиб крючок из петли. Дверь стремительно распахнулась, и в ней появилась разъяренная физиономия человека в безрукавке. Опалив Ганьку бешеным взглядом, он исступленно крикнул:

— Гражданин! Вы еще долго будете здесь отсиживаться?

— Нет, только до Читы.

— Как до Читы? — завопил гражданин, вытаращив на Ганьку сверкающие гневом и удивлением глаза. — У вас что, дизентерия?

— Нет, у меня билет до Читы.

Гражданин разразился таким безудержным и обидным смехом, что Ганьке стало страшно за самого себя. Он понял, что снова попал в какой-то просак. Он хотел спросить гражданина, чему тот смеется, но не успел. Тот с хохотом убежал. Назад он вернулся с каким-то железнодорожником, в руках которого была кочерга.

«Ну, кажись, заработал. Бить будут», — подумал Ганька и приготовился постоять за себя.

Но человек с кочергой довольно миролюбиво спросил:

— Билет у тебя, парень, есть?

— Есть. — Достав бумажник, Ганька подал ему билет. Тот проверил его и, посмеиваясь, спросил:

— Чего же ты с билетом в неположенное место залез? В вагоне полно свободных полок, а ты вон куда забился. Давай собирай свои манатки и иди за мной, темнота несчастная...

Проводник привел Ганьку в вагон, показал ему на свободную нижнюю полку, выше которой были еще вторые и третьи полки, заставленные вещами.

— Вот здесь и располагайся, деревня-матушка! — сказал проводник.

Долго Ганька сидел, как оглушенный и чувствовал, что у него горят уши и щеки. На соседей по вагону он не смел и взглянуть.

21

В ясный морозный день приехали в Читу.

Ганька вышел из вагона и растерялся. По перрону, как муравьи в разворошенном муравейнике, шли и бежали во всех направлениях люди с чемоданами и узелками, с портфелями и всякими свертками. Они наталкивались друг на друга, разговаривали, кричали в суете и спешке. Долго он не мог понять, что происходит. Но потом разобрался. Одни садились в стоявший под парами поезд с маршрутными указателями на зеленых вагонах: «Чита 1 — Чита 2», другие выходили и входили в здание вокзала, третьи толпились и горланили у калитки с надписью: «Выход в город».

Мимо пробегал пожилой и сутулый с добрым лицом человек в очках и с бородкой. В одной руке у него был портфель, в другой — свернутый в трубку картонный лист.

— Скажите, пожалуйста, как попасть мне

на республиканский съезд кооперации? — обратился к нему Ганька.

— Не знаю, товарищ, не знаю. Спросите милиционера.

Но милиционера не было видно. Пропустив несколько человек, Ганька остановил седого старичка-железнодорожника с маленьким сундучком в руках.

— Дедушка, где здесь кооперативный съезд?

— Не знаю, милок, не знаю. Спрашивай извозчиков или милиционеров. Этим все известно.

Ганька стал искать в толпе милиционера. Наконец увидел его. Он прохаживался по перрону в длинной черной шинели с желтым кантом на воротнике и на кожаной шапке-ушанке. Вид у него был важный и строгий. К тому же он только что накричал на какую-то женщину с жестяными бидонами в холщовых сумах, перекинутых через плечо. Подойти к нему наш секретарь сельревкома не решился.

«Найду и без него», — решил он. Закинув за плечи мешок, он вышел через калитку в город и сразу же увидел огромную площадь, засаженную по краям тополями, с деревянной трибуной посредине. Эта песчаная площадь поразила его тем, что на ней совершенно не было снегу. В правом углу площади стояла длинная очередь одноконных колесных пролеток. На козлах передних пролеток сидели бородатые, одетые в тулупы и дохи ямщики. А в хвосте этой очереди дымно пылал большой костер. Около него, хлопая рукавицами и приплясывая, грелись остальные хозяева пролеток. «Это, видно, и есть извозчики», — решил Ганька и только что хотел направиться к ним, как кто-то положил ему руку на плечо и сказал:

— Здорово, земляк!

Он обернулся и увидел того, кого никак не думал встретить в Чите. Это был партизан Чубатов.

— Ганька! Черт! — заорал Чубатов, схватив его в объятья, расцеловал со щеки на щеку. Потом отстранил его от себя и сказал: — А ну, дай поглядеть мне на тебя, дорогой ты мой товарищ.

— Гляди, гляди! — улыбнулся Ганька и спросил: — Как это ты в Читу-то попал? Случаем, не на кооперативный съезд приехал?

— Так точно! Угадал. А ты что, тоже на съезд?

— Тоже.

— В Читу-то впервые попал?

— Впервые.

— Ну, тогда держись за меня. Я тут все знаю. Пойдем теперь к извозчикам. Узнаем у них, куда нам шагать.

Сначала наши земляки подошли к тем, кто был у костра. Оба поздоровались с извозчиками, но те им не ответили. Оба сняли рукавицы и больше по привычке, чем по необходимости, стали греть руки над жаром костра. Потом Чубатов спросил:

— Граждане! Скажите, как на кооперативный съезд попасть?

— Пока еще не интересовались, где он проходить будет. Вы первые на него прикатили. Знаете хоть, когда он начнется? — спросил их извозчик с рыжей курчавой бородой. Он был подпоясан кумачовым кушаком почти под мышками, и Ганька подумал про него: «Чисто баба, подпоясался. Срам смотреть».

— Мы немного раньше приехали. Поторопились, — поспешил объяснить ему Чубатов. — Съезд-то двенадцатого ноября откроется.

— Тогда вам лучше всего на постоялый ехать. Раз никто на вокзале делегатов не встречает, значит, нет для вас еще ни столовой, ни общежития. Садитесь к нашему переднему, и он вас живо домчит.

— А дорого сдерет?

— Сдерет! — передразнил его извозчик. — Никто вас обдирать не собирается. Возьмет, сколько полагается.

— Это-то верно. А лучше бы точно знать, сколько такое удовольствие стоить будет.

— Иван! — закричал тогда извозчик переднему. — Людям надо на постоялку. Сколько возьмешь с них?

— По полтине с рыла. Домчу в момент, — ответил тот.

— Ну что, Улыбин, прокатимся, что ли? — спросил Чубатов.

— Давай прокатимся.

Они сели на извозчика и поехали вдоль площадки в гору. Когда свернули на широкую и прямую, застроенную большими и красивыми зданиями улицу, увидели протянутые над ней кумачовые транспаранты. На них белой краской было написано:

«Слава героической Народно-революционной армии, взявшей Владивосток!»

«Да здравствуют герои Волочаевки, Спасска и Владивостока!»

«Братский привет народоармейцам, изгнавшим с Дальнего Востока последних интервентов и белогвардейцев!»

— Вот это да! — сказал Ганька. — Не хочешь да прочитаешь. Сразу в глаза бросается.

— Да, ни кумача, ни красок здесь не жалеют, — отозвался Чубатов. — Тут на каждый

плакат не меньше ста аршин пошло. А краску наверняка в бочке разводили.

Тут к ним повернулась бородатая и заиндевелая голова извозчика. Посмеиваясь, он спросил у Чубатова:

— Ты, гражданин, случайно не родственник кузнецу Вакуле?

— Нет, не знаю такого. А что?

— Да так, ничего, — ответил извозчик.

Скоро они расплатились с ним на заросшей соснами широкой улице у закрытых наглухо ворот, над которыми крашеная вывеска гласила: «Постоялый двор братьев Фейгельман».

22

Оставив мешок с продуктами и дошку на постоялом, Ганька отправился разыскивать Василия Андреевича. Прежде чем попасть на Коротковскую улицу, где помещалось Дальбюро, прошел он мимо красной деревянной водокачки. Перед ней стояли водовозы с бочками. Ни у одного из них не было черпаков. Они просто подъезжали к свисавшей из водокачки коленчатой трубе. Из трубы начинала бить широкой струей вода прямо в бочку, и через минуту, наполненная с краями, бочка отъезжала, а следом за ней подкатывал другой водовоз. «Здорово придумано. Не то, что у нас в деревне», — подумал, проходя мимо, Ганька. Потом он миновал здание с вывеской «Центральный телеграф», дошел до аптеки, в окнах которой стояли наполненные голубой и красной жидкостью стеклянные шары, и, повернув налево, оказался перед огромным красным собором. Задрав голову на золотые кресты на его куполах, он уронил с головы папаху. Смущаясь прохожих, торопливо поднял ее и пошел вдоль чугунной решетки, ограждавшей собор. Потом он уткнулся в обнесенный высокой железной оградой городской сад. На следующей за садом улице он увидел на дверях большого каменного здания черную вывеску, на ней золотые буквы: «Дальбюро ЦК РКП(б)».

Войдя через двойные застекленные двери в просторный и светлый вестибюль, он первым делом обратил внимание на пол, выложенный фигурными каменными плитками трех цветов. Таких полов он еще не видел. «Вот это пол, — подумал он. — Много денег в него вбухано. Бабки здесь катать — красота».

Слева от входа часть вестибюля была отгорожена деревянной решетчатой перегородкой. Там на стоявших рядами вешалках висели шубы-борчатки, крытые серым сукном бекеши, полушубки, шинели и пальто, а на самом верху лежали шапки и папахи. На страже всего этого добра сидела за перегородкой старуха в синем халате и очках. Она вязала чулок. Завидев в нерешительности остановившегося явно не городского парня, старуха отложила чулок, высунула голову в начинавшееся на уровне ее плеч окно и спросила:

— Вам кого, молодой человек?

— Мне бы надо к дяде попасть.

— А кто он такой? Кем у нас работает?

— Кем работает — не знаю. Фамилия его Улыбин. Можно будет с ним повидаться?

— Сперва вытри ноги, потом разденься, сдай полушубок мне, получи номерок и пройди к тому вон окошечку, — высыпала скороговоркой старуха и показала на маленькое окошко в стене в противоположном конце вестибюля.

Ганька выполнил все ее требования, причесался перед огромным трюмо и прошел к указанному окошку.

— Постучись! Иначе будешь стоять и стоять, — приказала следившая за ним старуха.

Ганька робко постучался в окошко, и оно открылось. В нем показалась усатая голова в милицейской шапке. От нее крепко пахло чесноком.

— Что скажешь? — строго спросила голова.

— Мне надо пройти к Василию Андреевичу Улыбину.

— По какому делу? По служебному или по личному?

— По личному.

— Тогда приходи от трех до пяти, — и голова скрылась, захлопнув окошко.

— Стучи еще! — приказала растерявшемуся Ганьке старуха. — Скажи, что к дяде. Целых, мол, два года не видались... Будь посмелее.

Ганька постучал снова.

— Гражданин! — гневно и осуждающе сказала голова на этот раз. — Вам же русским языком было сказано, что сейчас нельзя.

— Улыбин мой родной дядя. Я из деревни приехал. Мне остановиться негде. Прошу пропустить.

— Ладно! — мрачно пробасила голова. — Сейчас позвоню, спрошу, примет ли.

Окошко снова захлопнулось. Ганька стал ждать.

И вот окошко открылось в третий раз. Теперь голова милостиво улыбалась:

— Разрешено пропустить. Даже сказано:

побыстрее. Давай документ. Сейчас я тебе выпишу пропуск. Пойдешь с ним в комнату номер пятнадцать. Это на третьем этаже.

Получив пропуск, Ганька отправился на третий этаж по широкой каменной лестнице, застланной грязноватой темно-красной дорожкой. На втором этаже стоял бравый подтянутый милиционер с наганом на боку. Ганька хотел было пройти мимо него, но был остановлен негромким, но грозным возгласом:

— Гражданин! Ваш пропуск?

От неожиданности Ганька так растерялся, что долго не мог найти пропуск. Весь вспотев, нашел он наконец несчастную бумажку и протянул милиционеру, глядевшему на него холодно и подозрительно. Милиционер долго и тщательно изучал пропуск. Потом вернул его с таким видом, словно был кровно обижен тем, что пропуск оказался в полном порядке.

— Пройдите, гражданин! — соизволил он отпустить Ганьку. — Третий этаж, комната номер пятнадцать...

Василий Андреевич встретил Ганьку в дверях своего кабинета.

— Ого! Какой ты вымахал! Жердь да и только! Перерос Романа-то. Ну, проходи! Проходи! Рад тебя видеть. Как же это ты в Читу попал?

— На кооперативный съезд приехал.

— Вот как наши-то! Уже по съездам ездят. Здорово! Здорово! Выходит, есть у тебя в деревне авторитет. А я тебя все за мальчишку считал... Хорошо, хорошо! Жаль только, что съезд-то не состоится.

— Как не состоится? — испугался Ганька. — Зачем же тогда я ехал в такую даль?

— Случились, брат, такие события, что теперь не до съезда. Народно-революционная армия во Владивосток вступила. Слыхал?

— В дороге об этом узнал.

— А знаешь, чем это пахнет? — весело подмигнул ему Василий Андреевич. — Не догадываешься? Ну, ничего! Поживешь здесь— узнаешь... Проходи, проходи ко мне.

У Василия Андреевича находились посетители. Было их двое. У стола с массивным чернильным прибором и каким-то коричневым деревянным ящиком сидел рыжебородый старик в поношенном пиджаке и длинной ситцевой рубахе. На добрую ладонь рубаха выступала из-под пиджака. Поодаль, у изразцовой печки с круглым, ярко выкрашенным колпаком отдушины, сидел гладко бритый мужчина в суконном френче и собачьих унтах шерстью наружу.

— Ну, вот вам еще один делегат! — сказал им Василий Андреевич. — Знакомьтесь, давайте. Это мой племяш. Тоже бывший красный партизан, а теперь секретарь сельревкома.

— Федореев из Нового Цурухайтуя! — здороваясь с Ганькой, отрекомендовался бритый. — Был командиром пятой сотни у Семена Забережного. Как там он у вас живет?

— Живет помаленьку. Он председатель нашего ревкома.

— Ну, а я, сынок, из Курунзулая. Пушкарев моя фамилия, — представился, не поднимаясь со стула, старик и так пожал Ганьке руку, что тот готов был вскрикнуть от боли. «Старый, черт, а силищи-то, как у доброго коня», — подумал о нем с уважением Ганька.

— Значит, тоже на кооперативный съезд?

— Тоже.

— Как же тебя, такого молодого, в делегаты выбрали? — колюче усмехаясь, стал допытываться старик. — Грамотей ты большой, что ли?

— Сам не знаю, как это получилось. Взяли выдвинули и проголосовали единодушно, чтобы поскорей с собрания разойтись.

— Вот и со мной такую же штуку сыграли, — сознался старик. — Молодым-то ехать неохота. У нас там каждую неделю свадьбы. Вот и припятили меня, хотя я членом-то в потребиловке не состою.

— Ты вот что, племяш! — обратился к Ганьке Василий Андреевич. — Ты обожди малость. Я пока закончу свой разговор с земляками. Садись вон к тому столику. Газеты пока посмотри, — и он подал ему целую пачку газет.

Ганька присел к столику, на котором стоял графин с водой, два стеклянных стакана и полоскательница. Взяв в руки первую попавшуюся газету, не торопился развернуть ее. Сердце его глодала обида на дядю. Встретил он его как-то не по-родственному. Поздоровался, пошутил и занялся беседой с чужими людьми. В Мунгаловском так с гостями не обходились. Там с приездом любезной сердцу родни начинался форменный переполох. Гостей раздевали, проводили в горницу. И пока хозяин занимал их разговорами, хозяйка бегала в погреб, в кладовую, лазала в подполье. Старухи спешно умывали и принаряживали сопливую детвору, девки ставили самовар, растапливали плиту. Гостей угощали и принимали так, чтобы потом было не стыдно ехать к ним отгащивать. А тут угощением и не пахло. Даже вести его к себе домой дядя не торопился.

— Так ты, Василий Андреевич, все-таки объясни нам толком, почему съезд-то не состоится? — спросил у стола старик. Ганька

сразу отложил газету в сторону. Было интересно, что ответит дядя.

— Сейчас по всему Дальнему Востоку начались массовые митинги и собрания. Народное собрание республики буквально завалено телеграммами с мест. Народ требует воссоединения с Россией.

— Правильно требует!—одобрил старик.— Мы, слава богу, русские. С какой же нам стати врозь-то жить. Но какая же от этих телеграмм помеха съезду? Непонятно что-то...

— Да ведь в Чите сейчас форменный переполох. Народ шумит, радуется, а у буржуев поджилки трясутся.

— А разве здесь у вас буржуи были? Вот не думал...

— Конечно, были. Буфер-то был буржуазно-демократическим. Мелкие фабриканты и купцы жили довольно вольготно. Собственность у них пока не отобрана.

— Гляди ты, какое дело! А я считал, что у нас буфер больше для видимости, для близиру.

— Нет, Антип Павлович, много здесь сохранилось такого, чего в России давно не стало. Там только одна партия — Коммунистическая. А у нас в Чите центральных комитетов различных партий существует около десятка. Представители этих партий входят в Народное собрание, выступают с трибуны и без конца ратуют о сохранении ДВР, требуют полной государственной самостоятельности.

— Разогнать их надо ко всем чертям! — закипятился старик. — Разве ж за это мы воевали?

— Правильно! — поддержал его бритый.

Василий Андреевич глядел на них и смеялся. Потом сказал:

— Дело к этому и идет. В этом вся разгадка. Союз кооперативов у нас был отдан на откуп правым эсерам, которые и в царское время все у нас были кооперативными деятелями. Чего они ждали от кооперативного съезда, я не знаю. Но теперь, им, конечно, не до него. Вместе со всеми активистами буржуазных партий они заседают, совещаются, без конца выступают на митингах и собраниях. Все пытаются настроить рабочих в пользу сохранения ДВР... Ну, думаю, что теперь вам все ясно, товарищи?

— Более или менее прояснилось. Но многое еще непонятно.

— Пока будете здесь, дело совсем прояснится... Вы извините меня! Но надо мне и с племяшом потолковать. Он и так, наверное, на меня дуется. Вон он какой сердитый сидит...

Когда Федореев и Пушкарев ушли, Василий Андреевич положил руки на голову, потянулся, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Потом подошел к Ганьке, взъерошил ему волосы и сказал:

— Ты на меня, брат, не дуйся. Надо было с мужиками потолковать. Зато теперь мы с тобой наговоримся. Ты как, хочешь кушать? Тогда давай спустимся в нашу столовую, пообедаем там и поговорим обо всем.

— Ладно! — согласился повеселевший Ганька.

Они спустились в столовую, сели за свободный столик и заказали на первое щи с капустой, на второе — отварную кету с картошкой.

— Ну, теперь, давай, рассказывай, Ганька! — попросил Василий Андреевич. — Порадовал ты меня своим приездом. Как снег на голову свалился. Как ты жил это время? Как мать живет?

— Всяко жил. То ничего, то совсем плохо. В войну-то мы целый год у Середкиных в Подозерной жили. Я там и тифом переболел и в тайге скрывался. От нашей усадьбы только печные трубы остались. Вернулись мы домой и ютились сперва в зимовье, а потом нам дом Архипа Кустова отдали. В нем и живем теперь. Мама у меня совсем постарела. Ни одного черного волоса не осталось, все поседели.

— Да, нелегко ей, бедняге, досталось. Натерпелась горя и старуха, — грустно вздохнул Василий Андреевич. — Была у нас семья как семья. Сколько раз я за эти сумасшедшие годы думал, что вот отсижу в тюрьме, отбуду срок на поселении и вернусь в свою семью, нагляжусь на всех, отдохну, а потом буду искать свою долю. Но ничего из этих мечтаний не сбылось. Прямо из ссылки попал я в огонь гражданской войны. Сначала в Иркутске с юнкерами воевал, а потом пошло и пошло. Ни отца, ни Северьяна так и не увидел в живых. Только, глядя на вас с Романом, радовался. И в то же время боялся, что в любую минуту могу потерять вас, особенно того орла. Он ведь во всякое пекло сломя голову лез. Однажды я его почти на верную смерть отправил. Люблю его, черта бешеного, жалею, а отправил. Потом места себе не находил. Мне надо войском командовать, на прорыв идти, а у меня он из головы не выходит. И с тобой тоже так получилось, что чуть не погиб ты по моей милости. Я тебя за границу отправил, чтобы избавить от опасностей и тягот партизанской жизни. А на поверку вышло так, что уцелел ты прямо чудом. Когда ты рассказал мне об этом в Богдати, у меня

волосы на голове от страха зашевелились... Ты что, не веришь? Думаешь, что это я так говорю? Нет, Ганька, все это святая правда. Ведь не чужие вы мне. Я вот все собираюсь домой съездить, поглядеть на вашу житуху, на отцовской могиле побывать. Да разве вырвешься? С утра до поздней ночи кручусь как белка в колесе. Работа у нас — только знай держись.

Молоденькая красивая официантка в белом переднике и кружевном чепчике принесла им хлеб и тарелки со щами. Она так стрельнула в Ганьку черными глазками, что он сразу вспотел и вспомнил Верку Козулину. А Василий Андреевич, глядя вслед удалявшейся от них официантке, спросил его:

— Хоть бы на свадьбе у тебя погулять. Жениться-то не думаешь?

Ганька смутился, вспыхнул.

— А чего краснеешь? Дело это житейское, обыкновенное. Все когда-нибудь да женятся. Я вот о себе думал, что так и помру холостяком. А недавно тоже женой обзавелся. Чего смеешься? Думаешь — седина в голову, а бес в ребро? И в самом деле, расскажи-ка об этом у нас в поселке—смеху не оберешься. Скажут, взбесился на старости лет.

— Да какой же ты старик? — любуясь в эту минуту веселым, заметно помолодевшим за последние два года дядей, сказал Ганька.

— Старик не старик, а лучшие-то годы прошли. Не вернешь их.

— А на ком ты женился?

— Известно на ком, на женщине. Отхватил такую, что на десять лет меня моложе. Но особа серьезная. Тоже партийный работник. Инструктором Дальбюро работает. Женщин организует и просвещает. Все ездит и ездит по Забайкалью. Вижу ее по три дня в месяц и боюсь, что так она отвыкнет от меня и натянет мне нос. Вот какие дела. А теперь ты мне вот о чем расскажи: много еще мунгаловцев за границей?

— Да есть еще. Не вернулись Архип и Петька Кустовы, братья Барышниковы, Чепаловы и Епифан Козулин. Всего человек пятнадцать наберется. Все остальные вернулись домой.

— Из всех, кто не вернулся, мне одного Епифана жалко. Это же вечный труженик. Насколько я помню, никогда он не любил дурака валять. Работал, как бешеный. И человек он не плохой.

— Да, не плохой, как же! — скорбно усмехнулся Ганька. — Он на тебя и Романа все зубы точит. Слышать, говорят, спокойно о вас не может. На Романа-то он из-за дочери несет. А вот на тебя за что? Что ты ему плохого сделал?

— Ровным счетом ничего... Ну, раз мы ему белый свет заслонили, тут уж ничего не поделаешь. Так и пропадет человек за границей... А как ваши партизаны к возвращенцам относятся? Не притесняют?

— По пьяной лавочке иногда куражатся, морду набить норовят. Особенно отличается Лука Ивачев.

— А как Каргин живет?

— Работает в своем хозяйстве. Даже в праздник его редко на улице увидишь. Все норовит на замке жить. Должно быть, побаивается партизан. Его Кушаверов все хлопнуть собирается. Раза два приезжал пьяный и с винтовкой. Оба раза Семен силой домой отправлял и велел дурака не валять, а то, говорит, под суд пойдешь.

— Значит, Семен умеет революционный порядок поддерживать? Хорошо он председателем-то работает?

— По-моему, хорошо. Только разве на всех угодишь? Многие на него косятся, ругают за глаза, но потрухивают. При встрече все Семеном Евдокимовичем величают, в гости зовут, на свадьбы, на крестины.

— А он выпивает?

— Мимо рта не пронесет, если подадут. После смерти Алены он прямо до чертиков допивался. Но теперь взял себя в руки. На свадьбы ходит, а меру выпивке знает.

— Он не женился еще?

— Пока нет. Похаживает часто к нашей учительнице. Говорит, задачки решать ходит, а народ уже посмеивается над ним. У всех его задачек, говорят, один ответ — свадьба председателя с учительницей. Знаешь ведь, как у нас зубы полоскать умеют...

После обеда Василий Андреевич спросил Ганьку:

— Ты где остановился?

— На постоялом дворе у Фейгельманов.

— Я, понимаешь, до вечера буду занят. Дел у меня вот сколько, — провел он пальцем по горлу. — Ты отправляйся пока на постоялый, отдохни там. Вечером я забегу за тобой и заберу к себе. Поместиться у меня есть где. Деньги у тебя есть?

— Есть немного, да и то не с собой. Отдал я их на сохранку Чубатову.

— А все-таки сколько же у тебя денег? С чем ты приехал?

— Шесть с полтиной.

— Тогда на вот тебе три кружка, — подал он ему три серебряных царских рубля. — Купи на них чего-нибудь съестного, чтобы было чем нам поужинать... А теперь давай твой пропуск, я распишусь на нем, и ты иди.

23

Когда Ганька вышел на улицу, солнце стояло над зубчатыми сопками за Ингодой. На улицах уже загорались электрические лампочки. Приближался вечер.

Ганька, не торопясь, спустился на главную городскую улицу, пошел по тротуару вдоль парикмахерских, лавочек, часовых мастерских и каких-то «ателье», на вывесках которых были нарисованы красивые парни и девки, все в гладко отутюженных и ловко сидевших на них платьях и костюмах. Он так увлекся разглядыванием вывесок, что не заметил, как налетел на какого-то рослого парня в меховой куртке шерстью наружу.

— Эй ты, деревня! Полегче на поворотах! — закричал на него возмущенный парень. Голос его показался Ганьке знакомым.

Он вскинул глаза на презрительно усмехавшегося парня и узнал в нем Гошку Пляскина.

— Гошка!..

— Ганька!.. Черт ты этакий!.. Откуда ты здесь взялся?

— А ты что тут делаешь?

— Я учусь в школе политпросвета.

— А я на кооперативный съезд приехал.

— Тебя вдруг-то и не узнаешь. Усишками обзавелся, — провел Гошка пальцем по верхней Ганькиной губе, где за последний год у него появился золотистый пушок. — Чего ты их не сбреешь? Они тебе всю фотографию портят.

— Сбрей их раз, а потом не рад будешь.

— А что ты по улицам шляешься?

— Дядя велел чего-нибудь на ужин купить.

— Василий Андреевич? Значит, ты у него остановился?

— Нет, я пока живу на постоялом дворе с Чубатовым. А сегодня к дяде перееду.

— Это какой Чубатов? Тот самый, который вместе с нами от смерти спасся? Вот здорово! Надо мне с ним повидаться.

Они зашли в одну из частных лавчонок, купили колбасы и одного соленого байкальского омуля. Гошка сказал, что это очень вкусная рыба. Если Ганька разок ее попробует, всегда потом будет покупать.

Только они вышли из лавчонки, как услыхали пронзительные мальчишеские голоса. По тротуарам бежали оборванные ребятишки и, размахивая газетами, отчаянно горланили:

— Вот кому газета «Дальневосточный путь!»

— Кому «Забайкальскую новь!»

— Газета «Боец и пахарь!» В номере напечатаны подробности занятия Владивостока!..

— Привет освобожденному Приморью!— надрывался бегущий навстречу Гошке и Ганьке проворный оборвыш. — Читайте телеграмму Ленина!

— О чем телеграмма-то? — спросил Гошка, схватив белобрысого парнишку за рукав неимоверно замызганной телогрейки.

— Не цапайся грязными руками! — огрызнулся тот. — Купи газету, сам все узнаешь.

— А сколько твоя газета стоит? — спросил умиравший от нетерпения Ганька.

— Пятнадцать копеек серебром. Покупайте или уматывайте, а то я и на хлеб из-за вас не заработаю.

Ганька подал парнишке три гривенника. Тот сунул им в руки по газете и стремительно помчался дальше. Они тут же развернули газеты и принялись искать ленинскую телеграмму. Она была помещена на первой странице под крупным заголовком: «Привет освобожденному Приморью».

Текст телеграммы был набран косым светлым шрифтом:

«Чита. Председателю Совета Министров Дальневосточной республики.

К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие Народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Председатель Совнаркома РСФСР

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)».

— Вот это да! — сказал, прочитав телеграмму, Гошка. — Теперь мы будем жить вместе с Россией. Я не я, Ганька, буду, а обязательно теперь в Москве побываю. Давно я об этом мечтал. Вот закончу курсы, порабо-

таю, поднакоплю деньжат и дуну в Москву без пересадки. Здесь у нас захолустье, здесь и поучиться-то как следует негде. А Москва — это город!.. Там учись хоть на доктора, хоть на инженера. Там из любого чурбана человека сделают. Недаром туда нашего Кузьму Удалого на днях отправили в какую-то военную академию.

— А разве Удалов чурбан с глазами? — обиделся за знаменитого партизана Ганька.

— Нет, это не чурбан. Это настоящий самородок. Только ведь он неграмотный, а тут на тебе — сразу в академию. Туго там ему на первых порах придется. Зато потом, глядишь, полководцем в Красной Армии станет.

— Значит, уехал Удалов учиться?

— Уехал. Да и не один он, а многие уже в Москву укатили. Все туда рвутся. Кто подучиться, а кто и насовсем. Твоего дядю тоже наверняка в Москву отзовут и заставят комвуз кончать. Всех, кто показал себя в гражданскую войну героем, заставят учиться. Нам образованные люди до зарезу нужны. И если у меня получится с Москвой, я там время даром тратить не буду.

Ганька завистливо вздохнул.

— Да, тебе легко и в Москву укатить. Ты один, а у меня мать старуха. Ее не бросишь. Придется мне пока в секретарях ревкома болтаться.

— Ну, это ты зря! — напустился на него Гошка. — Да ты, может, вперед меня в Москву попадешь. Уедут туда Василий Андреевич с Романом и заберут вас с матерью к себе. Так что головы не вешай. Теперь твое от тебя не уйдет... Слушай, Ганька, а чего мы, как неприкаянные, на улице торчим? Давай пойдем к китайцам в харчевню, пообедаем, пропустим по одной за нашу встречу.

— Да ведь я не пью.

— Ну, одну-то выпьешь. Ничего тебе не сделается. Пойдем!..

Гошка так решительно звал Ганьку, что тот не посмел отказаться. Обижать товарища он не хотел.

По каким-то узеньким закоулкам они спустились вниз от главной улицы и оказались в районе китайских харчевок, где сильно пахло жареным на кунжутном масле чесноком, вареными китайскими пельменями и пампушками.

— Позавчера я вон в той харчевке обедал с партизаном Косяковичем, — показал Гошка на обмазанную глиной и неизвестно из чего выстроенную хибарку с подслеповатыми маленькими окнами. — Он меня запросто угостил. Только там шибко грязно. Давай сегодня получше харчевню выберем.

Выбрали они двухэтажный деревянный домик с вывеской над входными дверями: «Харчевня Фынь Хун-саня. Обеды и ужины по сходным ценам. Всегда свежие позы».

В прихожей их встретил китаец с подковкой седых усов, с благообразным желтым лицом и веером в руках. Одет он был в черную курму и еще какую-то похожую на юбку одежду. Он почтительно поклонился им и сказал:

— Здрастьте!.. Что желаете?

— Нам бы пообедать, — ответил Гошка.

— Пожалюста, пожалюста! Ваша раздевайся, ходи наверх.

Через пять минут Ганька и Гошка сидели в комнате на втором этаже за столиком с довольно грязной скатертью и изучали захватанное жирными пальцами меню, вложенное в прейскурант со спиртными напитками.

— Мне тарелку щей и хватит, — сказал Ганька. — Я и есть-то еще не хочу.

— Какой же это обед из одних щей! — презрительно фыркнул Гошка. — Давай не будем скупиться. В кои годы встретились, а ты хочешь щами обойтись. Ты ел когда-нибудь китайские позы?

— Нет. А что это за позы?

— Это китайские пельмени, только каждый пельмень чуть не с кулак будет. Они их здорово, холеры, делают. Прямо пальчики оближешь. Давай закажем по десятку поз, какой-нибудь холодной закуски и самый маленький графинчик с водкой. Это не ради пьянства, а ради встречи. Да ты не смущайся, не робей!.. Никто нас за это не осудит.

Дюжий, стриженый под машинку китаец в белом фартуке и таком же колпаке, с красным распаренным лицом принял у них заказ. Пока его не подали, Гошка расспрашивал Ганьку о его жизни, о знакомых мунгаловских партизанах и больше всего о Семене Забережном, в полку которого он находился после своего возвращения из госпиталя до конца гражданской войны в Забайкалье.

Когда он удовлетворил свое любопытство, Ганька спросил:

— Антонину Степановну встречал потом?

— Встречал. Только пришлось на ней поставить крест. Она ведь здесь в главном военном госпитале работает. У нее, по-моему, на твоего брата глазки разбежались, когда он у них в госпитале лежал. Был я у Романа Северьяновича раза три, пока его от контузии лечили. Сидишь, бывало, у него, так она раза два, а то и больше в палату заскочит, то одно ей надо, то другое. Махнул я на нее и думать забыл. Что было — все прошло.

Когда краснолицый китаец принес им се-

ледку с луком и графинчик с водкой, Гошка живо наполнил рюмки и сказал:

— Ну, Ганька, за нашу встречу! — И тут же осушил свою рюмку до дна. Видя, что Ганька не решается пить, он напустился на него: — Ну, это ты брось! Ты не красная девица, а партизан. Ничего с одной рюмки не сделается. А больше я к тебе и вязаться не буду. Выпей раз — и точка. Остальное я без тебя осилю. Аппетит у меня сегодня разыгрался.

Когда они насытились, Гошка с блаженным видом развалился на стуле, сказал Ганьке:

— Ну что ж, хорошего помаленьку. Давай, расплачивайся и будем уходить.

— Как расплачивайся?! — испугался Ганька. — Да у меня же всего сорок копеек в кармане. Сдача с дядиной трешки.

— Так что же ты мне не сказал, что у тебя денег нет? Это, паря, не по-товарищески. Я же был в твердой уверенности, что ты при деньгах. Все-таки на съезд приехал.

— Есть у меня шесть с полтиной, да я их на постоялом оставил. Попросил Чубатова в сундучок их замкнуть.

— Вот еще неожиданное осложнение... А я, понимаешь, был совершенно уверен, что ты парень состоятельный. Подвел ты меня.

— А ты меня не подвел? — взорвался Ганька. — Что я тебе, богач какой-нибудь? Мне на дорогу до Читы всего шестнадцать рублей отвалили.

— Да тише ты! — зашипел испуганный Гошка. — Видишь, китаец уже ходит и косится на нас. Он кое-что заподозрил. Ты ему никакого виду не подавай... Жалко, что не лето. Летом мы могли бы в окно выскочить. Вон за ним какая береза. Уцепились бы за ветки, спрыгнули бы со второго этажа, а там — поминай, как звали.

— Вот беда так беда!.. Что же теперь будет?

— Бить будут, сволочи! С лестницы спустят и отбивных по ребрам дадут... Вот черт, какая досада! Главное, у меня и дома до стипендии ни копейки не найдешь. Жалко мне тебя, Ганька, подвел я тебя под монастырь, — терзался Гошка.

— А если мне сбегать за деньгами?

— Это далеко?

— На постоялый у Фейгельманов. Это за водокачкой. Я быстро могу слетать.

— Тогда, давай, беги. Только имей в виду: надо мне еще какой-нибудь жратвы заказать. Иначе меня попросят уходить, а тут-то и выяснится, что я жулик...

— Ладно, заказывай. Только смотри, чтобы хватило моих денег.

— Да я самую малость закажу.

Когда Ганька поднялся уходить, китаец с распаренным лицом, заподозрив неладное, вошел в комнату, спросил его:

— Твоя куда? Надо деньги плати, тогда уходи. Така положено.

— Ему надо по делу. Я заплачу за него и за себя. Да он меня еще здесь застанет, — с важным и внушительным видом говорил Гошка китайцу. — Пока он бегает, я еще немного подзакушу. Подай-ка мне рюмку водки и блинчиков с мясом.

Ганька не помнил, как он добежал до постоялого, до которого было не меньше двух верст. Но на его беду Чубатов куда-то отлучился. Ганька заглянул во все комнаты, в умывальню, в уборную во дворе, но Чубатова нигде не оказалось. Ганька метался как угорелый то в дом, то на улицу, не зная, что предпринять, и страшно переживал за Гошку, судьба которого зависела сейчас целиком от него. А тем временем ходики в столовой постоялого продолжали тикать и отсчитывать минуту за минутой. Так прошло целых пятьдесят минут.

И только на пятьдесят первой появился Чубатов. Оказывается, ходил он на толкучку. Пока он расспрашивал ставшего совершенно невменяемым Ганьку, что случилось, да пока доставал из сундучка завернутые в тряпку Ганькины капиталы, прошло еще пятнадцать минут.

Сунув завернутые в носовой платок деньги в карман штанов, Ганька понесся, как сумасшедший, на выручку друга. Прибежав на главную улицу, он не сразу нашел закоулок, в который следовало ему свернуть. Но наконец он все преодолел и в синие сумерки увидел впереди знакомую вывеску харчевни.

— Кажется, успел! — только подумал он, как увидел вылетевшего из харчевни Гошку. Свою меховую куртку он волок за собой по земле. А за ним с ревом гнались хозяева харчевни, один — с кочергой, другой — со шваброй. Ганька видел, как Гошку дважды огрели шваброй по загорбку. Но потом Гошка развил такую скорость, что оставил своих преследователей далеко позади.

Ганька на всякий случай нырнул в какую-то подворотню. Но когда выглянул оттуда, то увидел, что китайцы больше не гнались за Гошкой. Он быстро шел по тротуару, на ходу надевая свою изрядно истерзанную в схватке куртку. Завидев Ганьку, Гошка крикнул тонким плачущим голосом:

— Поздно!.. Уже побили!.. Что причиталось, все получили...

— А чего же ты не дождался меня?

— Да я решил, что ты бросил меня, — зло и обиженно всхлипывал Гошка. — Только ты ушел, они глаз с меня не спускали. Хотел я еще один заказ сделать — не приняли, потребовали, чтобы расплачивался и уходил. Тогда я вспомнил про наше партизанство и решил прорываться с боем вниз. Прорваться-то прорвался, да не без жертв. Один китаец меня раза три по загорбку чем-то твердым съездил, пока я полушубок схватил и на крыльцо вырвался... Буду я эту встречу с тобой помнить. По гроб жизни не забуду. И спина болит и так на душе мерзко, что хоть иди да топись в Читинке. Я партизан, я комсомолец, а меня поганой шваброй побили, как собаку.

Ганьке пришлось его утешать, хотя он и был на него страшно зол. Кое-как утешив, он стал звать Гошку на постоялый двор повидаться с Чубатовым, но Гошка наотрез отказался и пошел к себе в общежитие, пообещав наведаться к Ганьке завтра, когда он перейдет на квартиру к Василию Андреевичу.

Прощаясь, он попросил:

— Только ты, Ганька, будь другом, не говори ничего дяде Васе. Он мне такую проборку даст, что всем чертям тошно станет. Он ведь меня и в школу устроил и стипендию мне выхлопотал...

Ганька заверил его, что никому ничего не скажет.

24

Василий Андреевич уже дожидался Ганьку на постоялом, беседуя с Чубатовым.

— Где это шатаешься, товарищ? — встретил он Ганьку вопросом. — Для чего тебе потребовалось за деньгами прибегать? Знакомого, что ли, встретил?

— Встретил.

— Ну, и пришлось угостить его, да? — И, не дождавшись ответа, сказал: — Эх, Ганька, Ганька!.. Здесь ты ушами не хлопай, не будь дурачком. Много здесь развелось любителей выпить за чужой счет. Многие наши партизаны по Чите без дела болтаются, ищут знакомых, чтобы денег у них выклянчить. Кое-кто здорово опустился. Работать не хочет, отвык. Каждый день к нам такие люди заходят, бьют себя в грудь, старые заслуги вспоминают, помощи требуют. Беда с таким народом. И все это деревенские, те, у кого дома никакого хозяйства нет. С рабочими в этом отношении куда легче. Они вернулись домой и сразу пошли работать. Они не считают зазорным идти на любую работу, лишь бы не сидеть на шее у государства.

— Это верно, — согласился с ним Чубатов. — У нас дома тоже многие батраки, вернувшись из партизан, нигде устроиться не могут. Прямо не знаю, что нам делать с такими.

— Да, трудное это дело. Чтобы каждый нашел свое место в жизни, для этого не один год потребуется.

Распрощавшись с Чубатовым и пригласив его заходить к себе, Василий Андреевич сказал Ганьке:

— Ну, пойдем ко мне. Я сегодня хочу пораньше лечь, чтобы выспаться. Завтра у меня тяжелый день будет.

Василий Андреевич жил в двухэтажном каменном доме недалеко от главного почтамта. На втором этаже занимал он большую комнату с лепными украшениями на потолке, с балконом и высокими стрельчатыми окнами. В комнате у него стояли два стола — письменный и круглый, накрытый пестрой скатертью с кистями. По обе стороны от белой филенчатой двери находились две узкие железные койки. Одна была застлана серым солдатским одеялом, другая — пикейным веселой светлой расцветки. Над одной койкой висел коврик с вытканным на нем изюбром, распластанным в стремительном беге, над другой — казачья шашка с побитыми ножнами и бинокль в коричневом футляре. В правом переднем углу стояла черная этажерка с книгами. Но Ганьку больше всего заинтересовали какие-то собранные в гармошку трубы, расположенные как раз под окнами. В трубах что-то изредка пощелкивало и бурлило.

— Что это за штуки у вас? — спросил он.

— Это батареи парового отопления. Они нам печку заменяют, — отвечал, посмеиваясь, Василий Андреевич. — Ты что, впервые их видишь?

— Впервые. А как же их топят?

— В подвале у нас есть кочегарка. Там разводят в топке огонь и нагревают воду в котлах. А потом электрический мотор гонит из котлов воду по трубам на оба этажа. Горячая вода нас и греет.

Ганька подошел к батареям, по очереди ощупал их.

— Верно, горячие! Вот красота! Тут живи — не тужи, не то, что в деревне. — Помолчав, он спросил: — А зачем это у вас две кровати?

— На одной сплю я, на другой жена.

— Разве вы врозь спите?

— Врозь. Так, брат, принято здесь.

— Зачем же тогда было жениться, если врозь спите?

Василий Андреевич залился легким румянцем, хлопнул Ганьку по плечу:

— Эх ты, деревня-матушка! Даже покраснеть заставил... Пойдем на кухню, умоемся и чайник на примус поставим.

Василий Андреевич взял через плечо полотенце и повел Ганьку на кухню, находившуюся в конце коридора.

Показав на белую раковину, над которой торчал из стены медный кран, он сказал:

— Давай, умывайся, а я примус разожгу.

Ганька стал умываться. Вдруг за спиной у него что-то загудело. Он оглянулся и увидел на плите желтую медную банку на трех ножках. Из банки било и жужжало похожее на венчик синее пламя. Василий Андреевич положил на банку металлическую подставку и поставил на нее чайник.

— Это еще что за диковинка? — спросил Ганька.

— Вот это и есть примус. Очень удобная штука. Десять минут — и вода в чайнике закипит.

— И чего только не выдумают люди! — воскликнул пораженный Ганька. — Скажи об этом дома, так в глаза наплюют. Скажут, брешешь, как сивый мерин... А хорошо бы это все в деревнях иметь. Сразу бы жизнь-то другая сделалась.

— Со временем все это и в деревнях появится. Мы и революцию для того делали, чтобы всеми житейскими благами мог пользоваться рабочий в городе и мужик в деревне. В Америке или в передовых европейских странах обеспеченные люди имеют такие житейские удобства, которые нам еще и во сне не снились.

— Что же это за удобства такие? Неужели и ты не знаешь всего, что там навыдумывали?

— А кто я такой, чтобы все знать-то? — усмехнулся Василий Андреевич. — Я ведь в этом деле недалеко ушел. Сам я лишь вот здесь, в Чите, увидел вот этот самый примус. А за границей, говорят, его уже на свалку сдали. Там есть уже штуки почище. Но ничего я тебе о них рассказать не сумею... Смешно сказать, а я только в тюрьме, брат, познакомился, например, с теплой уборной и с водопроводом.

Конечно, уборная — это мелочь. Но вот из таких мелочей и складываются наши житейские удобства... Теперь, когда мы победили в гражданской войне, все силы бросим на борьбу с разрухой и голодом, с нищетой и отсталостью, доставшейся нам в наследство. Начнем, конечно, с главного. Прежде всего нам хлеб нужен. Будет хлеб для рабочих — задымятся у нас заводы и фабрики, заработают рудники и шахты. Мы вот здесь за годы гражданской войны забыли, что такое керосин. В деревнях у нас сплошь и рядом освещаются лучинками да жирниками. А в России этого керосина можно столько добывать, что его на весь мир хватит. То же самое можно сказать и про хлеб и про мясо. Страна у нас, Ганька, большая. В ней все есть, чтобы сделать ее богатой, а весь народ — сытым, грамотным и счастливым. И наша рабоче-крестьянская власть добьется этого. А пока у нас очень трудное положение, в массе народа — тяжелая нищенская жизнь. Слыхал ты что-нибудь про голод в Поволжье? Нет? А голод был страшенный. Случилась засуха, хлеб у крестьян не уродился, и начали целые деревни вымирать от голода, от сыпняка.

Из носка чайника ударила сизая струйка пара, потом начала подпрыгивать крышка.

— Ну, кипяток готов! Пойдем ужинать — и на боковую.

За ужином Василий Андреевич, видя, что Ганька почти ни к чему не притронулся, окончательно убедился, что он где-то успел подкрепиться. Пряча в усах усмешку, он спросил:

— Кого же ты все-таки встретил сегодня?

— Да одного знакомого партизана.

— И он позвал тебя в столовую или харчевню?

— Позвал.

— Ты, конечно, не мог отказаться и пошел с ним?

— Пошел.

— А потом у твоего знакомого не оказалось денег. Он попросил тебя уплатить за съеденное и выпитое. А у тебя с собой ничего не оказалось. Пришлось тебе бежать за деньгами и выбросить их собаке под хвост. Верно ведь?

— Верно! — вынужден был признаться Ганька. — Ты прямо, как по книге читаешь. Можно подумать, что ты с нами был... Только одно ты не угадал. Уплатить мне не пришлось.

— Это почему же? — удивился в свою очередь Василий Андреевич.

И тогда Ганька, не называя Гошки, рассказал ему все, что случилось с ними в китайской харчевне.

— Вот видишь, в какую ты неприятную историю влип, Ганька! А если бы китайцы вас задержали да доставили в милицию, ведь

это же был бы позор и тебе и мне. Не хорошо, брат, не хорошо! Ладно еще, что твой знакомец проявил в отношении тебя благородство. Он мог бы выйти, скажем, в уборную и смотаться потихонечку, оставив тебя расхлебывать всю эту некрасивую историю. Хорош бы ты тогда был!.. Нет, рано ты по съездам ездить начал. В городе легко с пути истинного сбиться. Ты помнишь, конечно, Гошку Пляскина? Очень способный парень! У него тут недавно в одной газете даже стихотворение напечатали. А он, как приехал сюда в прошлом году, то тоже чуть было с пути не сбился. Начал выпивать, со стариками партизанами шататься по всяким обжоркам и притонам. Пришлось мне за него взяться. Устроил я его пополам с грехом в школу, небольшую стипендию у правительства выхлопотал. Теперь он учится и ничего плохого о нем я не слышу.

Едва дядя заговорил про Гошку, как Ганька почувствовал, что у него начали гореть щеки. Он невольно отвернулся, уставился глазами на коврик с оленем. А Василий Андреевич, ничего не замечая, продолжал:

— Завтра я позвоню Гошке. Скажу, что ты здесь. Надо вам повидаться. Он тебя тут и в театр сводит, и в городской музей.

Ганька ничего ему не ответил.

Когда они уже укладывались спать, Василий Андреевич, сидя на койке, сказал:

— Знаешь, Ганька, недавно довелось мне в одной из газет увидеть фотографический снимок. Человек я, как ты знаешь, не слезливый. Но этот снимок заставил меня прослезиться. Честное слово! Заснят на нем Владимир Ильич Ленин во время субботника. Вместе с простыми рабочими и красноармейцами трудится он на выгрузке дров. На нем какая-то немудрящая кепчонка, кургузый пиджачок. Несет он вместе с другими на своем плече тяжелое бревно. Несет старательно и вместе с тем как-то неумело, неловко. Видишь, что он и сам это чувствует, от этого и улыбается своей доброй и сконфуженной улыбкой... А ты подумай только, кто этот человек? Это наш вождь, глава рабоче-крестьянского правительства, величайший в мире революционер. В восемнадцатом году его тяжело ранила отравленной пулей какая-то жалкая, гнусная тварь. И вот этот человек, до сих пор не оправившись от ранения, идет из своего кабинета, где решает государственные дела огромной важности, на субботник и работает вместе со всеми. И прослезился я не от жалости к нему, а от мысли о том, что во главе нашего правительства стоит такой удивительный человек. Тут тебе и скромность, требовательность к себе и искреннее желание быть всегда с народом, делить вместе с ним тяжелое горе и радость. Вот на кого нам надо стараться походить хоть в самой малой степени. А у нас развелось сейчас немало таких людей, которые гордятся своими не ахти какими старыми заслугами, требуют к себе внимания и почета, а сами не желают ни учиться, ни работать. Конечно, со временем такие люди повыведутся. Но сейчас они есть. И я очень хочу, чтобы ни я, ни ты, ни Роман никогда не стали такими людьми...

Многое, Ганька, ты не в состоянии понять сейчас. Хоть ты уже и секретарь ревкома и ездишь даже на съезды, все равно ты темный, многого не понимающий человек. Извини меня, но это чистая правда. Тебе еще надо расти, учиться и учиться, чтобы все понять и найти в жизни трудную, но правильную дорогу. Если я останусь в Чите, я на следующую осень обязательно вытащу тебя к себе и устрою учиться. Как ты смотришь на это?

— С радостью приеду. Я знаю, что без ученья не обойдешься.

— А на кого бы ты хотел выучиться?

— На учителя, — ответил, смущаясь и краснея, Ганька.

Потом, когда дядя пожелал ему спокойной ночи и отвернулся к стене, Ганька лежал и пытался представить себе, как он будет учиться и читать каждый день все новые и новые книги, о которых он слышал краешком уха, но никогда не держал в руках.

25

После долгой и снежной зимы особенно дружной бывает весна в Забайкалье. Бурно тают в горной тайге снега, вскрываются реки и речки. Какая-нибудь маленькая, пересыхающая летом речушка становится тогда могучим и грозным потоком. Гулкой весенней ночью далеко-далеко слышен ее будоражливый, неумолкаемый шум. Она выходит из берегов, топит прибрежные кусты и огороды, рвется через мельничные запруды, ломает и сносит все мосты. Белой от пены, шалой и неукротимой рекой летит она в солнечную даль. Кто хоть однажды видел ее буйный веселый разлив, тот запомнит его навсегда...

С утра ничто не предвещало в Чите никаких перемен. В положенный час, пробившись из сивой тяжелой мглы, показалось солнце. Белесое небо над городом делалось выше и просторней, наливалось голубой эмалью. Окружающие его зубчатые сопки заблестели серебром своих вершин, ярче зазеленели сосны в нагорных рощах.

Весь день на песчаных улицах текли по тротуарам тоненькие, часто иссякающие совсем ручейки пешеходов. По булыжным мостовым громыхали тяжело груженные телеги, проезжали пролетки, изредка проносился отчаянно дребезжавший, с дымным хвостом грузовик. Со станции железной дороги, где время от времени поднимался кучевыми облаками пар, доносились пронзительные гудки паровозов и приглушенный расстоянием стук колес.

А синим звездным вечером началось. Взыграла, загудела, забурлила, как река в половодье, вся Чита.

В восьмом часу за Ганькой забежал радостно возбужденный, сгоравший от восторга и нетерпения Гошка. Забыв поздороваться, всполошил он Ганьку сердитым криком:

— Ты что это дома отсиживаешься? Собирайся, давай!

— Куда собираться?

— А ты знаешь, что сегодня в городе творится? Прозеваешь — всю жизнь потом жалеть будешь. Весь народ на улицы высыпал. Такая манифестация будет, что закачаешься.

— Это еще что за манифестация?

— Пойдем, пойдем! Сам все увидишь!..

Над центром города стояло зарево электрического света. Оттуда доносился глухой и непрерывный, охвативший полгорода шум.

— Слышишь? — спросил, выходя из калитки на улицу, Гошка у Ганьки и тут же приказал ему: — А ну, приурезали! Не отставай от меня!..

Когда они выбежали на соборную площадь, на ней уже бурлила и разливалась все шире огромная толпа народа. Из всех улиц и переулков непрерывно вливались то беспорядочными кучками, то небольшими колоннами все новые и новые люди. Они несли с собой красные знамена, плакаты и лозунги.

На тротуарах у почтамта и аптеки с цветными шарами в окнах толпились зрители. Кругом, то нарастая, то спадая, плескался прибой голосов, поднимался в небо сизый пар. Ничего подобного Ганька никогда не видал. Владевшее этим человеческим сборищем возбуждение передалось и ему. На душе у него стало весело, празднично и немного тревожно. Все время ему хотелось двигаться, толкаться, слушать других и шуметь самому.

— Ну, видишь теперь, зачем я торопил тебя? — спросил у него Гошка с таким видом, словно все, что творилось кругом, было его затеей. — Здесь пока еще только одни городские. Рабочие еще не подошли. Они с Дальнего вокзала и Большого острова пойдут. Вот на них стоит посмотреть. Аж земля загудит, как двинется рабочий народ. Ты рабочих-то еще и в глаза не видывал. Давай пробираться к вокзалу, иначе самое главное проморгаем...

Они стали спускаться вниз к привокзальной площади. На тротуарах нельзя было протолкнуться, и они шагали прямо по мостовой. Пестрая живая стена тянулась непрерывно. Она кашляла, шевелилась, смеялась, разговаривала. У Ганьки зарябило в глазах от множества мужских и женских лиц, от белых и оранжевых полушубков, от дошек, пальто и шинелей, меховых и ватных курток. До слуха его долетали то веселые и насмешливые, то восторженно-удивленные, то полные нескрываемого раздражения и тревоги голоса.

Чем дальше уходили Гошка и Ганька от Соборной площади, тем реже становилась толпа. Пересекая темную боковую улицу недалеко от театра, они увидели вынырнувшую откуда-то из мрака рессорную пролетку. Пассажир в пролетке вдруг поднялся на ноги, истерически взвинченным голосом обратился к публике:

— Товарищи! Граждане свободной и демократической Дальневосточной республики! Что вы делаете? Разве вы не понимаете, что грозит нам завтра? Пока еще вы вольны выражать свою волю, организуйте контрманифестацию...

— Вишь, чего захотел! — воскликнул Гошка. — Морду бы ему за эту контру набить. Сразу видно, что недорезанный.

— Да помолчи ты, дай послушать!..

Оратор тем временем продолжал выкрикивать:

— Требуйте от правительства сохранения самостоятельной, независимой от Москвы, ДВР! Не надо нам чекистских подвалов и чрезвычаек!

Едва толпа поняла, чего добивается оратор, как сразу же стала редеть и рассеиваться. Воровато оглядываясь по сторонам, хорошо одетые люди спешили на всякий случай убраться подальше. Скоро около оратора остались какие-то подростки, дряхлый старичок в белых фетровых ботах и беличьей шапке с длинными ушами и Ганька. Даже Гошка куда-то скрылся.

Увидев, что слушателей почти не осталось, оратор смутился и умолк. Старичок воспользовался этим и насмешливо крикнул ему:

— Не тех агитируете, гражданин Трупп! Вы на площадь поезжайте. А здесь ничего не выйдет. Здесь неорганизованные...

Оратор с такой смешной фамилией, как оказалось, знал старичка. Он укоризненно бросил ему:

— Значит, вы здесь, Алексей Кириллович? Тоже пришли воссоединения требовать? Не ожидал я этого от вас, не ожидал!..

Задиристый старичок не остался в долгу.

— Плевать мне, ждали вы или не ждали! — закричал он резким дрожащим голосом. — Я всегда считал буфер пустой и ненужной затеей. Я не большевик, но я русский человек. Жить в этой дыре в отрыве от России мне тошно. Это не жизнь, а прозябание. Вы порочите Советскую Россию, а я считаю, что какая бы она ни была, но хуже прежней не будет... Вот так-то, уважаемый!..

— Вы просто выжили из ума! — прошипел оратор. — Вы старая... — Закончить он не успел. С противоположного тротуара к пролетке метнулся с палкой в руках Гошка. Он огрел палкой извозчичью клячу раз, другой и третий. Кляча дернулась, рванула вперед. От неожиданности извозчик, стыдливо прятавший лицо в воротник тулупа, едва усидел на козлах. А Трупп не устоял на ногах и вывалился из пролетки. Рявкнув по-медвежьи от боли и возмущения, вскочил он и понесся догонять пустившегося наутек извозчика.

Разъяренный Гошка грозил вслед убегающему Труппу и кричал:

— Держи его!..

А подростки на тротуаре свистели и улюлюкали...

— Гошка! Черт ты этакий! Чего это ты развоевался здесь? — кинулся к Гошке с тротуара откуда-то появившийся Чубатов. — Я только, паря, подошел сюда. Гляжу, а тут ты воюешь. С чего это ты разбушевался?

— А ты разве не слыхал, что тут этот тип говорил?

— В том-то и дело, что не слыхал. Иначе бы тоже ввязался.

Гошка бросил палку и подошел к старичку, который все еще продолжал возмущенно и презрительно фыркать.

— Что это за тип, папаша, был?

— Это, батенька, лидер правых эсеров, член Нарсоба. Тебе бы, батенька, надо было его палкой-то... Лошадка тут ни при чем.

— Рук об него марать не хотелось... А у него что, в самом деле такая смешная фамилия?

— Да, да! — расплылся в улыбке старичок. — Фамилия, можно сказать, символическая и для него и для господ эсеров.

Чубатов тем временем спрашивал Ганьку.

— А что такое, паря, происходит? Я никак понять не могу. Переворот затеяли, что ли?

— Какая-то манифестация, а не переворот.

— Манифестация?! Ну, тогда без переворота не обойдется. Значит, буфер свергать будут. В семнадцатом году в Петрограде тоже началось с манифестации, а потом слышим-послышим, царь с престола слетел. Вот помни мое слово, что и здесь то же будет...

— Да здесь же царя-то нет?

— Зато министры найдутся, которые против Советской власти...

От вокзала донеслись звуки духового оркестра. Они ширились и росли. Рассеявшаяся было публика снова затопила весь тротуар у театра.

— Идут! — раздались взволнованные голоса.

Послышался тяжелый и мерный топот множества ног. Все застыли в нетерпеливом ожидании, и Ганька понял, что сейчас он увидит рабочих.

Прошли томительные минуты, и вот надвинулась, затопила всю улицу от края до края живая река. Сперва Ганька увидел поднятые красные знамена, а потом здоровенных, как на подбор, знаменосцев. Это были молодые, сурово торжественные парни в одинаковых ватных стеганках и шапках-ушанках. Чуть покачивались и подрагивали древки знамен в их вытянутых вперед, сильных мускулистых руках. Презирая мороз, они шли без рукавиц. Рукавицы были пренебрежительно заткнуты у них за кушаки и ремни.

— Черновские!.. Шахтеры... — сказал кто-то за спиной у Ганьки.

Следом за знаменосцами, крепко отбивая шаг, шли все пожилые, с бравой солдатской выправкой, люди с винтовками на ремнях. Вился над ними белый пар, по пояс застилала их взбитая сапогами песчаная пыль.

Шеренга за шеренгой выплывали они из мглы, и Ганька видел серьезные, преисполненные решимости лица, то сумрачно насупленные, то веселые.

— Почему они с винтовками? — спросил Ганька у Гошки. Но ответил ему не Гошка, а кто-то другой:

— Все это красногвардейцы и партизаны.

Крайним в одной шеренге шел гигантского роста широколицый и седоусый шахтер в косматой черной шапке. У него озорно и молодо блестели озаренные внутренним светом глаза. Проходя мимо Ганьки, он не удержался и подмигнул ему. Потом сильным, слегка хрипловатым голосом затянул:

Долго мы в тюрьмах страдали,
Долго нас голод томил...

Люди в шеренгах радостно вздрогнули, подтянулись и слаженно подхватили сотнями голосов:

Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Обретая в этой поддержке новую силу, еще уверенней и красивей продолжал запевать седоусый:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда.

Вся колонна подтвердила воедино слившимися голосами:

И водрузим над землею
Красное знамя труда...

Еще не улеглась поднятая шахтерами пыль, как появилась другая колонна. И опять кто-то не выдержал, во всеуслышание сообщил:

— Дальний вокзал!.. Деповские...

Увидев запрудивших тротуары зрителей, деповские, выравнивая ряды, пошли широким пружинистым шагом. Тотчас же над одетыми в черные шинели и дубленые полушубки шеренгами всплеснулся звонкий, дрожащий от нетерпения тенор:

Слушай, рабочий!
Война началася,
Бросай свое дело,
В поход собирайся.

А потом грянул обжигающий душу припев:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это.

Неотрывно и жадно вглядывался Ганька в проходивших мимо молодых и старых, в усатых и безусых рабочих, в женщин и девушек, в подростков с запрокинутыми набекрень шапками, с горящими озорством и задором глазами. Он видел, что люди шли на этот раз с охотой и удовольствием.

— Теперь нам надо к Нарсобу! — сказал Гошка. — Самое интересное там начнется... Вот, товарищ Чубатов, до чего дожили. Разве думали мы в заграничном госпитале такого дождаться?

— Мы еще и не этого дождемся, — ответил ему Чубатов. — Мы — народ крепкий, мы и до мировой революции доживем. Как ты, Ганька, думаешь?

Ганька не успел ответить Чубатову, как рядом раздался чей-то насмешливый голос:

— Далеко загадываешь, гражданин!

— Ничего не далеко, — закипятился Чубатов. — Теперь дело пойдет. Объединимся с Россией, оправимся и такую житуху у себя устроим, что и умирать не захочешь. Тогда, глядя на нас, и все заграничные рабочие и мужики переворот устроят.

В это время несколько человек сошли с тротуара и пристроились в хвосте колонны рабочих Большого острова.

— Давайте и мы с ними! — предложил Гошка. — Этак всего вернее будет. Нарсоб-то, гляди, как милицией оцеплен.

— Это можно! — согласился Чубатов.

Они сбежали с тротуара и спросили у шагавших последними смешливых и острых на язык девушек:

— Можно нам с вами?

— Давайте! Если вы холостые, то с нашим удовольствием. Вашего брата теперь в обрез, давно на всех не хватает. Приходится всякого привечать, — говорила проворная толстенькая хохотушка, разглядывая Гошку и Ганьку.

— Тогда давайте знакомиться! — сказал Чубатов. — Веселых мы любим. Сам-то я, правда, женатый, да зато мои орлы холостые. Они ребята бывалые, три года в сопках партизанили. Это вот Гошка, а это — Ганька. Держитесь, девки, за них, не отпускайте!

Гошка довольно похохатывал, смущенный Ганька краснел и молчал.

— Он у вас не немой ли? — показывая на Ганьку, спросила кареглазая круглолицая дивчина в сером полушалке и синем ватнике.

— Нет, он только стеснительный. Не приучен еще за вашей сестрой ухаживать, — говорил Чубатов, заставляя Ганьку еще больше краснеть и злиться.

По пути к Нарсобу манифестанты проходили мимо здания Дальбюро ЦК РКП(б). Там с балкона второго этажа приветствовали их секретари и члены Дальбюро.

— Да здравствует героический рабочий класс России!

— Да здравствует Народно-революционная армия, освободившая от интервентов и белогвардейцев Приморье и Владивосток!..

— Ура! Ура! — отвечали манифестанты, размахивая руками, кидая в воздух шапки и папахи.

— Товарищи рабочие! Требуйте немедленного воссоединения с Советской Россией!..

— Да здравствует великий вождь рабочих и крестьян товарищ Ленин!

И снова рвалось в звездное небо, оглушительно раскатывалось над колоннами многоголосое восторженное «ура». Вместе со всеми самозабвенно горланили охрипшие Ганька, Гошка, Чубатов и молодые работницы. С озаренными глазами, с торжественно-счастли-

вым лицом Чубатов не раз хватал Ганьку за плечо, кричал ему прямо в ухо:

— Подвезло нам с тобой, Ганька! Счастливые мы, паря! Вовремя мы в Читу угодили. Теперь хоть будет что вспомнить...

Огромное здание Нарсоба вытянулось на целый квартал. Большие квадратные окна его были залиты ярким светом. Там все еще заседали члены буферного парламента, явно доживавшего последние дни.

Подходя к Нарсобу, манифестанты подтягивались, выравнивались, громче отбивали шаг.

— Подготовиться! — командовал кто-нибудь. — Раз, два!.. Начали! — И в колоннах начинали дружно и яростно горланить:

— Долой буржуазный буфер!

— Долой говорильню!..

— Да здравствует Советская власть!..

И только услыхав эти слова, Ганька разобрался до конца в том, что происходило в городе, зачем шел к Нарсобу народ. Светло и радостно стало у него на душе. «Значит, будем вместе с Россией, вместе со всем русским народом», — подумал он. И ему было жалко, что нет в этот момент рядом с ним ни доктора Карандаева, ни приискателя Семиколенко, ни всех остальных, кто погиб в госпитале на Быстрой, в боях под Убиенной и Богдатью, под Зерентуем и в даурских степях.

Целых два часа двигались мимо Нарсоба окутанные морозным паром, полные сознания своей силы и мощи народные толпы. Пройдя со своей колонной перед Нарсобом, Ганька и Чубатов покинули ее и остановились на одном из тротуаров. Там они простояли до конца манифестации. А Гошка уже настолько подружился с толстенькой хохотушкой, что пошел провожать ее на Большой остров...

Долго в ту ночь не мог уснуть Ганька. Одна за другой вставали перед ним картины пережитого. В ушах звучали песни и лозунги, смех и говор, исполненные радости и угрозы мощные клики. Перед глазами плыли и плыли, как в белом тумане, старые и молодые, суровые и добродушные лица шахтеров и железнодорожников, мужчин и женщин. В ту ночь он впервые отчетливо представил себе, как велик и могуч его родной народ, в крови и жестоких муках завоевавший право на власть и на жизнь, на строительство нового мира.

Назавтра во всех читинских газетах были напечатаны отчеты о манифестации трудящихся Читы и телеграммы о таких же манифестациях в Благовещенске и Хабаровске, в Никольске-Уссурийске и Владивостоке.

...Пятнадцатого ноября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет объявил ДВР составной частью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

А через неделю Ганька Улыбин уезжал из Читы домой. Пребывание в городе оставило в душе его неизгладимо яркие впечатления. Домой он возвращался с горячей юношеской решимостью добиваться счастливой жизни для себя, для матери, для всех вековечных горюнов и тружеников родного поселка. Он не знал еще, какая это будет жизнь, но верил, что будет она большой и красивой.

Поезд уходил из Читы морозным и ясным утром. На востоке из оранжевого тумана поднималось над сопками зимнее солнце. Навстречу этому солнцу и вечно зеленым сосновым лесам уносил его стремительный поезд. И на душе у него было безоблачно и светло, как было светло на снежных просторах отчего края.

Конец

П. Маляревский

ПОЭМА О ХЛЕБЕ

Романтическое представление в 3 актах,
8 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов Иван Андреевич, агротехник.
Сибиряков Кузьма Никитич, председатель колхоза.
Сеня, комбайнер.
Маша, помощник агронома.
Караулов, начальник областного земельного управления.
Каратанов Николай, агротехник.
Климов, старый большевик.
Секретарь Климова.
Филиппо Альди, итальянский скрипач.
Берто, подросток 14 лет.
Мадлен Жеро, французская журналистка.
Отто Рунге, немецкий фашист.
Начальник станции.
Мальчик, продавец газет.
Мактейлл, миллиардер, руководитель международного пшеничного пула, владелец предприятий, производящих удобрения и сельскохозяйственные машины.
Ральф Андерс, племянник Мактейлла.
Доктор Торн.
Миссис Маргет.
Сестра.
Джим, слуга.
Паркер, маклер.
Лукаш, крестьянин, уроженец одной из стран Восточной Европы.
Староста деревни Дорожаны, 50 лет.
Трактирщик, 50 лет
Иозеф, 25 лет
Ружена, 40 лет
Янек, 40 лет
Вашек
Анча
Гаек
— крестьяне деревни Дорожаны.
В. И. Ленин.
Русские, американские, английские солдаты.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина 1

Тюлевый занавес. По занавесу плывут облака. И вот на нем, словно в тумане, вырисовываются контуры карты земного шара. Слева вверху — центр Западной Европы, правее — восточноевропейские страны, дальше — бескрайные просторы Советского Союза, Великий, или Тихий, океан и берега материков Америки.

Музыка. В ней слышится радость победы, цветение израненной, искалеченной, но прекрасной земли, страстная вера в то, что человеческая жизнь может быть чудесной и солнечной. Но изредка, словно глухое, подспудное клокотание ненависти и безумия, еще вчера терзавших мир, в оркестре возникают зловещие, грозные ноты.

Луч прожектора высвечивает ту часть занавеса, где написано: «Германия». В оркестре слышится мелодия жизнерадостной наивной песенки.

За тюлем видна часть перрона. Вдали — небольшой немецкий городок.

Уходит тюлевый занавес.

За столиком сидят капитан Иванов, старшина Сибиряков и рядовой Лукаш. На столе бутылка вина.

В глубине медленно в обнимку идут американские, английские и русские солдаты, один из них — негр. Негр играет на губной гармошке. Американцы поют, подтанцовывая.

Песенка

Конец войне, ребята,
Мы скоро будем дома.
В родных далеких Штатах
Ждет бравого солдата
Мартина,
Джона,
Тома —
Ведь каждого ждут дома —
Девчонка Мэри,
Девчонка Мэгги,
Девчонка Дженни.

Негр *(русскому солдату)*.
Иван, спой песню русскую про Волгу.

Все. О, Волга, Волга! Запевай, Иван!

Солдат *(растянул баян, запевает)*.
Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью,
По широкому раздолью...

Все. По широкому раздолью...

Уходят. Вошел человек в берете и клетчатой куртке. В руках скрипка в футляре. Это Филиппо Альди. С ним идет Берто. В руках у него вещевой мешок.

Кузьма *(глядя вслед ушедшим солдатам)*.
Германия! Эльба! А поют о Волге!

Альди *(чуть покачивая головой в такт песне, обращается к Берто)*.
О, песня русская! Ты слышишь?
Хорошо! *(Пошатнулся.)*

Берто. Вам дурно! Сядьте. С самого утра... *(Достает из кармана кусок хлеба.)*

Альди. Не надо. Спрячь. Ты позабыл о завтра.

Иванов. Вы нездоровы?

Альди. О, пустое, слабость.
Сейчас пройдет.

Иванов протянул Альди стакан вина.

Благодарю, синьор!

Кузьма пригласил Альди и Берто к столу.

Иванов. Вы итальянцы?

Альди. Да, идем в Неаполь.
А вы, вы русский? Ваш язык учил я
В тридцать шестом, в Испании.

Иванов. Сражались
С фашистами?

Альди. Я музыкант, скрипач
Филиппо Альди. До войны играл
В Неаполе, Милане и Париже.
Но раз война, то скрипку надо прятать

И брать ружье. *(Показывая на Берто.)*
С его отцом и с ним
Был в Бухенвальде. Там отца...

Берто всхлипнул. Альди сурово взглянул на него.

Не надо.
Не надо, Берто. Помни, ты мужчина.
Его отца убили. Вот вдвоем
Идем домой, в Неаполь. Мир, и надо
Работать, жить.

Вдали опять слышна песня о Волге. Прислушался.

Поют. У нас в бригаде
В Испании был русский. Он любил
Петь вашу песню. Как это?.. А-а, вспомнил.

Взял скрипку, тронул струну смычком, возникла мелодия. Альди полузапел. Берто подтягивает.

Он хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.

Кончил играть.

Его убили в Барселоне. О-о!
Он был герой... Простите, нам пора.

Кузьма порывисто вытащил из вещевого мешка несколько банок консервов и буханку хлеба и протянул их Альди и Берто.

Кузьма. Вот на дорогу.

Берто моляще взглянул на Альди. Тот еле заметным движением головы разрешил взять. Кузьма сунул банки в мешок Берто. Альди взял хлеб, торжественно поднес к губам, поцеловал.

Альди. Русский хлеб. Спасибо,
Товарищ, друг.
Берто. Спасибо. До свиданья.

Ушли. Иванов взял жалкий кусок хлеба, забытый Берто.

Иванов. Земля со жмыхом!
Кузьма. Горе! Поскорей бы
Домой вернуться, до земли добраться.
У нас в Сибири не земля, а диво:
Воткнешь сухую палку, а назавтра,
Глядишь, она листвою зашумела.
Пудов по триста, а не то и боле
Собрать там можно с одного гектара.
Иванов. Не о таких нам урожаях надо
Мечтать сейчас. Я помню, мой учитель
Профессор Корнев часто говорил:
Земля скупа, но щедро она платит
Нам за труды.
Кузьма. Не-ет, больше не возьмешь
С земли того, что дать она нам может.
Иванов. Чудак, Кузьма. Лет сто тому назад
Земля давала людям много меньше,
Чем мы сейчас берем с нее. Вот я
У Корнева на опытных делянках
Такое видел!..
Лукаш. Расскажите.
Иванов. При мне однажды он посеял, помню, зерна,
Покрыл землей. И вдруг увидел я,
Как из земли, стремясь навстречу солнцу,
Ростки пшеницы радостно и буйно
Тянулись вверх. Казалось, на глазах
Рождались стебли. Через тридцать дней
На этом месте нива золотая,
Высокими колосьями шумя,
Как солнечное море колыхалась.
Лукаш. А почему об опытах своих
Не рассказал он?
Иванов. Не успел их кончить:
Смерть помешала. Странно умер он.
Лукаш. А что случилось?
Иванов. Корнев жил вдвоем
С старухой матерью. Пришел однажды к ним
Какой-то незнакомый человек.
Мать слышала, что в кабинете крупный
Шел разговор. Вдруг распахнулась дверь,
И посетитель выбежал. Его
Из дома Корнев вышвырнул.
Кузьма. Узнали,
Кто приходил?
Иванов. Нет. Корнев не успел
Сказать ни слова. С ног его свалил
Сердечный приступ. Через час он умер.
А ночью в кабинете у него
Пожар возник. Сгорели все бумаги
И записи. Прокуратуре я
Все сообщил. А через пару дней
Война нагрянула и я, Москву оставив,
Пошел на фронт.

Кузьма. Да-а, темная история.

Вдали запели «Катюшу». В песне потонули мрачные ноты, прозвучавшие в рассказе Иванова. Он в такт песне кивнул головой, словно отбросил невеселые мысли.

Иванов *(Лукашу).*
Твоя любимая. Да-а, вот
сегодня мы
С Кузьмой в Россию. Ну а ты,
Лукаш,
В родные Дорожаны
возвратишься.
Кузьма. Забудешь нас.
Лукаш. Нехорошо, Кузьма,
Так говорить. Нет, вас я не забуду.

Отогнув рукав, взглянул на номер, выжженный на руке.

Майданек, номер тысяча шестой...
Знак смертника. Его сам Отто
Рунге —
Начальник лагеря — мне выжег.
Если б вы
К нам не пришли, лежал бы я
в могиле
В чужой земле. Сроднился
с вами я,
И песни ваши стали мне родными.

Подхватывает звучащую недалеко песню.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла.

Входят начальник станции и доктор Торн.

Торн. Черт знает что! Поймите, нам
вагоны
Нужны для раненых.
Начальник. Но я...
Торн. Без всяких «но».
Мы через час должны начать
погрузку.

Начальник, пожав плечами, уходит.

Иванов. А вы меня не узнаете, доктор?
Торн. Не узнаю... Позвольте... Неужели!
Мой русский беспокойный
пациент?
Ну как же, помню! Вы в одной
палате
Лежали с Маргетом.
Иванов *(подвинув стул).* Прошу.
Торн. Благодарю.
Не откажусь. Весь день, как
студебеккер,
Ношусь по городу, ругаюсь,
словно возчик.

Показывая на Кузьму и Лукаша.

Друзья?

Иванов утвердительно кивнул головой. Налил Торну вина.

Спасибо, пациент, спасибо. *(Кузьме, Лукашу.)*
С ним в госпитале ссорились мы
часто. *(Иванову.)*
Вы помните?
Иванов. Ну что вы, доктор, что вы!
Торн. Забыл, забыл!
Все ночи напролет
Вы с Джеффом Маргетом сидели
на окне
И спорили о чем-то до рассвета.
Иванов. А вы сердились. Помню, доктор,
помню.
Да, где-то Джефф...
Торн. А знаете, вчера
В Нейвальде я с ним встретился.
Иванов. Да что вы!
Торн. С какою-то комиссией в Европу
Приехал он. Весь вечер
мы сидели
И пили виски. Ночью Джефф
хотел
Уехать в Лондон.
Маргет — фантазер.
Подумайте, он уверял меня,
Что урожай в Европе за два года
Во много раз он мог бы увеличить.
Иванов *(Кузьме).*
Ну что, Фома неверующий,
слышишь?
Торн. Какое-то нашел он удобренье.
Иванов. О-о, Маргет — умница!
Он Корнева идеи
Сумел понять. И все же Джефф
неверным
Идет путем. Решение проблемы
Он видит в том... Простите,
я забыл...
Торн. Что мы об агрохимии имеем
Довольно-таки смутное понятье.
А все-таки как было бы чудесно,
Когда б у нас, в Америке,
в Европе
Вдруг наступило царство
изобилья:
Обилье хлеба, мяса, молока.
Друзья мои, я врач, и знаю цену
Простым вещам. Три четверти
болезней
Питают голод, горе и нужда.
Но то, что Маргет говорит, увы,
Фантазия.
Иванов. Нет, это не фантазия.
Торн. А что?

Иванов. Мечта.
Торн. Так выпьем за мечту.

(Пьют. Иванов наливает вина.)

Иванов. Теперь за вас. Ведь если бы не доктор,
Я с вами бы не чокался, друзья.
Торн. Он не забыл. Его к нам привезли
С тяжелой раной.

Вынул часы с цепочкой, показал на брелок.

Узнаете, а?
Осколок от фашистского снаряда
Из вашей раны, красный офицер.
Его извлек армейский доктор Торн,
Союзник ваш. О, я его храню
Как дружбы знак!

Поднял стакан.

Иванов. За дружбу! *(Пьют.)*
Торн. Вы домой?
Иванов. Домой.
Торн. Завидую. Соскучился по дому
И по семье.

Достал фотографию, показывает.

Сынишка...
Кузьма. Ладный парень.
Торн. Да! Дай-то бог, чтоб никогда мой Джон
Войны не знал. Вернусь к себе домой,
Долой мундир и, сидя за рулем,
По фермам буду ездить и детишек
Лечить микстурами. Вот если вас судьба
В мою страну забросит, приезжайте
Ко мне.
Иванов. Спасибо. Может быть. Война
Сдружила нас.
Торн *(взглянул на часы)*.
Да, глядя на часы,
Я каждый раз вас буду вспоминать,
Камрад, товарищ...

Торн простился, ушел. Вдали слышна плясовая песня.

Кузьма. В эшелоне нашем
Ребята пляшут.
Иванов. Разузнай, когда
Отправят нас.
Кузьма. Есть разузнать!
(Лукашу.) Идем.

Кузьма и Лукаш уходят.

Иванов. Один в Неаполе играть на скрипке будет,
Другой — лечить микстурами детишек.
Вчерашние солдаты, что сражались
На Волге, Висле, Одере и Эльбе, —
Придут домой. В разбитых городах,
В сожженных селах снова забурлит
Живая жизнь. И на заре крестьянин
В солдатской просоленной гимнастерке
На поле выйдет сеять хлеб.

Берет кусок хлеба, оставленный Альди.

Да, хлеб.
Земля со жмыхом.

Входит Кузьма.

Кузьма. Гвардии полковник
Вас ждет к себе, товарищ капитан.

Уходят. Входит Мактейлл и начальник станции.

Мактейлл *(прислушиваясь к песне)*.
Что, русские?
Начальник. Да.
Мактейлл. Поезд из Нейвальда
Еще не прибыл!
Начальник. Через три минуты
Он будет здесь.
Мактейлл *(взглянув на часы)*.
Уже двенадцать.
Начальник. Да.

Слышен шум подходящего поезда.

А вот и поезд.

Начальник станции уходит. В глубине сцены пробегает мальчишка-газетчик.

Газетчик. Последние известия! Отклики на соглашение.
В Потсдаме! В Нейвальде убит известный
Агротехник Джефф Маргет...

Входят Андерс и Рунге.

Мактейлл. Что это значит, Рунге?
Вам велели
Портфель его похитить и бумаги,
А он убит!
Рунге. Мы не могли иначе
С ним поступить. Когда мои ребята
На Маргета напали, он двоих
Свалил на землю.
Мактейлл. Молодчина, Джефф!
Рунге. Успел портфель я выхватить, но Маргет
Догнал меня. А тут еще машина...

Мактейлл. А где портфель?
Андерс. Он у меня.
Мактейлл. Бумаги?
Андерс. В гостинице, где жил он, сделан обыск.
Бумаги взяты.
Мактейлл. Слава богу. Да,
Вы говорили что-то о машине?
Рунге. На мой удар он выстрелом ответил,
Но промахнулся. Вдруг из-за угла
Машина. Я укрылся за забором...
Шофер и женщина, взяв раненого в виллис,
Уехали.
Мактейлл. А кто она?
Андерс. В больнице
Мы встретились.
Мактейлл. Фамилья?
Андерс. Журналистка,
Француженка Мадлен Жеро.
Мактейлл. И с нею
Он говорил?
Андерс. Не приходя в сознанье,
Скончался Маргет.
Мактейлл. Грубо, очень грубо
Работаете, Рунге. Вот билет —
Немедленно на запад. Если здесь
Задержат вас, ни цента я не дам
За вашу жизнь. Они вам не простят
Майданека. Все. Можете идти.

Рунге уходит. Мактейлл взглянул на Андерса.

Но что с тобой?
Андерс. Убит. Мы с ним учились.
Дружили мы.
Мактейлл. Я знаю. Видит бог,
Мы не хотели этого. Но должен
Я был узнать, что он открыл. Я должен
Был задержать, хотя бы на год, на два,
Его открытие. Подумай, что бы стало,
Если б идеи Корнева...
Андерс. О да!
Ведь если Джефф действительно открыл
Чудесный способ ускоренья роста
Пшеницы, ржи... кто стал бы покупать
Зерно у вас? И акции на бирже...
Мактейлл. Истерика! Что б с нашим миром стало,
Когда бы мы... *(Пошатнулся, тронул грудь.)*
Нехорошо. Но это...
Но это возраст, это — шестьдесят.
Я б не хотел, чтоб сын моей сестры,
Племянник мой, помощник и наследник,
В большой игре, которую ведем мы,
Дрожал и хныкал. Мы столкнулись с Джеффом
Лицом к лицу. Он или мы! Другого
Исхода не было, а Рунге только серп
В руках Всевышнего.

Входит Мадлен Жеро в дорожном костюме, с саквояжем.

Андерс. Мадемуазель Жеро!
Какая встреча!
Мадлен. Вместе из Нейвальда
Мы ехали. Я на одной из станций
Вас на перроне видела.
Андерс. Позвольте
Вас познакомить. Мадемуазель Жеро.
Мистер Мактейлл. С мадемуазель в Нейвальде
Мы встретились. Она мне рассказала
О смерти Джеффа Маргет...
Мактейлл. Бедный Джефф!
Я знал его, мадемаузель. Работал
Он у меня — мечтатель, фантазер!
Но умница. Скажите, задержали
Виновных?
Мадлен. Нет.
Мактейлл. А вы, мадемуазель,
Куда-то едете?
Мадлен. В Лион, на совещанье
Участников сопротивленья.
Мактейлл. Но
Войне конец, в Европе — мир, и вы
В семью теперь могли бы возвратиться.
Мадлен. Моя семья расстреляна в Париже...
В сорок втором...
Мактейлл. Да, да! Война, война!
И столько горя!

Входят Иванов, Кузьма, Лукаш, позднее — начальник станции.

Мадлен *(увидев Иванова)*.
Неужели вы?!
Мосье Иванов?
Иванов. Я!

Мадлен. О, что за встречи!
(Мактейллу.)
Мои друзья: советский офицер
Мосье Иванов, старшина Кузьма...
Кузьма Никитич.

Показывая на Лукаша.

Нас освободили
Они из лагеря в Майданеке.
А это —
Мистер Мактейлл и мистер
Андерс.

Андерс. Какая встреча! Франция, Россия! *(Показывая на Мактейлла)*
Мистер Мактейлл.

Андерс направляет фотоаппарат, дает его начальнику станции, сам присоединяется к группе. Начальник станции щелкает аппаратом. Андерс обращается к Мадлен.

Я снимок вам пошлю
В «Либерасьон».

Мадлен. Благодарю.
Иванов. За Эльбой
Я видел танки...
Мактейлл. Фирмы Мактейлл?
Иванов. Да.
Чудесные машины.
Мактейлл. До войны я
Комбайны делал, торговал зерном
С Европой, Азией. Кормил
полмира.
Вот и теперь...

Начальник станции что-то шепнул Мактейллу.

Пора. *(Андерсу.)*
Идем. Прощайте.

Мактейлл и Андерс уходят.

Начальник. О-о! Человек! Миллиардер!
Сенатор!
Кузьма. Э-эх ты, Европа!
Начальник. Через полчаса
Ваш эшелон отправят. *(Уходит.)*
Кузьма. Разрешите
Идти?
Иванов. Иди.
Кузьма *(показывает Лукашу глазами на Иванова и Мадлен)*.
Кумекаешь, Лукаш?

Кузьма и Лукаш уходят.

Мадлен. Вам не знаком Ральф Андерс?
Иванов. Незнаком.
Мадлен. Вчера в Нейвальде встретилась
я с ним
При странных обстоятельствах.
Но, бог мой,
Ведь нас теперь везде
подстерегают
Случайности. И разве не
случайность,
Что с вами мы вновь встретились
сегодня?
Иванов. Я сам себе сначала не поверил,
Увидев вас. Ведь мы расстались
с вами...
Мадлен. В апреле...
Иванов. Да, девятого апреля.
Мадлен. Вы помните?!
Иванов. Я вам писал в Париж.
Мадлен. Писали? Да? А я была
в Марселе,
Потом в Италии. Вся жизнь моя
теперь —
Аэродромы, поезда, машины.
Вот через час лечу в Лион. А вы—
В Россию?
Иванов. Да.
Мадлен. О, это далеко.
Наверно, больше никогда мы
с вами
Не встретимся.
Иванов. А вдруг «Либерасьон»
Отправит вас в далекую Россию?
Поедете?
Мадлен. О, если бы. Ну что же,
Приеду, разыщу вас. Может быть,
Вы мне покажете... Я не забыла,
нет,
О том, что вы рассказывали мне:
Проблема роста, новая пшеница.
Ах, как бы мне хотелось
написать
Сенсационный очерк о колосьях,
Растущих не по дням, а по часам!
Иванов. Вы шутите...
Мадлен. О нет, мечтаю я.
Смотрю на вас, и в памяти встает
Тот день, когда мы встретились:
Майданек,
Ворота лагеря, а в них стоите вы
В шинели опаленной, с автоматом,
А за плечами вашими поля,
Зеленый лес, и солнце, и свобода.
Таким я вас запомню навсегда,
Мой добрый друг.

Входят Кузьма и Лукаш.

Кузьма. Товарищ капитан,
Пора.
Иванов. Пора?
Кузьма. По русскому обычаю
Присядемте.

Все садятся. Кузьма снимает с груди ладанку.

В июне, в сорок
первом,
Я уходил из дома воевать.
На поле вышел — с малых лет
на нем

Пахал и сеял — горсть земли
родной
С собою взял. Возьми ее
на память. *(Дает ладанку Лукашу.)*
От русского крестьянина, товарищ!

Иванов *(дает Лукашу пистолет)*.
Храни. Трофейный. *(Читает надпись на пистолете.)*
«Волга, Висла, Эльба».

Лукаш. Спасибо вам, товарищи, друзья...

Радио. Через десять минут на восток отправляется эшелон номер шестьдесят два!

Мадлен. Прощайте!

Кузьма. Не-ет, прощаются у нас
На кладбище. Ведь не навеки мы
Расходимся. Теперь такое время—
Река с рекой сливается, гора
С горою сходится. Вот я, мужик
сибирский,
Вдруг заимел товарищей
в Париже
И Дорожанах...

Берет за руки Мадлен и Лукаша. Иванов взял руку Мадлен.

Нынче век такой.
Все сплетено: аукнется в Сибири,
А отклик получается во Франции.

Постепенно меркнет свет, опускается тюлевый занавес с изображением карты земного шара. Музыка. В ней слышится радостная песня мира, рождения нового, прекрасного дня. Луч прожектора скользит по карте вправо и останавливается на Москве. За тюлем исчезают контуры старого немецкого городка, перрон и группа стоящих на нем людей. Сразу же возникает новое место действия — комната в гостинице «Москва», и начинается вторая картина.

Картина 2

Комната в гостинице «Москва». Вдали панорама вечерней Москвы, силуэт Кремля.

Иванов *(говорит по телефону)*.
Приехал утром. Вот сижу и жду
Приятеля.
Ты где живешь,
Кузьма?
Как так нигде? Что-о! Негде
ночевать?
Кончай дела — и в мой блиндаж.
Да, да.
В гостиницу, шестой этаж. Я жду.

(Положил трубку, смотрит на понораму Москвы.)

Москва, Москва! Четыре года я
Тебя не видел. Каждый камень
твой,
Немолчный шум твоих бессонных
улиц,
Кремлевских стен торжественный
покой
Мне дороги. Я пареньком
вихрастым
С мешком заплечным, с ветхим
сундучком
Пришел к тебе. Как мать, ты
приняла
Меня в свой дом. О, сколько
светлых дум,
Надежд, желаний разбудила ты
В душе моей. Четыре долгих года
Тяжелыми дорогами войны
Я шел к тебе. И вот сегодня снова
Мы встретились. И все, о чем
мечтал я,
Мне кажется и близким и возможным.
Все впереди.

Стук в дверь.

Да, да!

Входит Каратанов в летнем пальто и шляпе.

Глазам не верю!
Здорово, друг!

Каратанов. Привет, Иван,
привет!

Обнялись.

Иванов. О, как я рад! С утра звонил,
сказали,
На даче ты.

Каратанов. Весь в орденах, медалях...
Герой, герой! Послушай, может
быть,
Ко мне поедем? Ждет внизу
машина.

Иванов. Нет, нет, садись. Я ждал тебя.
Вот видишь:
Вино, консервы, есть селедка
с луком...
А это — твой любимый винегрет.
Мне помнится, в студенческие
годы
Не обходилась ни одна пирушка
Без винегрета. За твое здоровье!

Пьют. Каратанов отпил полрюмки.

Каратанов. Благодарю. А ты в Москву
надолго?

Иванов *(чуть удивлен)*.
Я? Насовсем. Но что же ты не
пьешь?

Каратанов. Да я теперь... Вот разве
цинандали...

Иванов. А ты женат?

Каратанов. Женат.

Иванов. Так за жену! *(Наливает цинандали.)*
И дети есть?
Каратанов. Сынишка и дочурка.
Иванов. Завидую. А знаешь, Николай,
Ведь ты почти совсем не изменился.
Каратанов. Ну что ты!
Иванов. Разве потолстел немного.
Солидней стал.
Каратанов. Стареем, брат, стареем!
Иванов. Ты в институте?
Каратанов. Да.
Иванов. Над корневским наследьем
Работаешь?
Каратанов. А винегрет хорош...
Иванов *(наливает вино)*.
Еще одну. Ты знаешь, в эти годы
Урывками, а все ж я занимался
Проблемой роста.
Каратанов. Ну, и как же?
Иванов. Много
Есть мыслей новых. Кстати, за границей
Я встретил Джеффа Маргета. Ты помнишь,
Он был у Корнева в тридцать шестом году.
Каратанов. Да, да. И что же?
Иванов. Маргет кой-чего
Сумел добиться.
Каратанов. Вот как!
Иванов. Разве ты
Его статей не видел?
Каратанов. Не случалось.
Иванов. Ты собирал, я помню, материалы
Для диссертации, хотел назвать ее
«Идеи Корнева и ускоренье роста».
Так, кажется...
Каратанов. Да, память у тебя
Завидная.
Иванов. В работах Джеффа много
Есть мыслей острых, спорных положений.
Они тебе...
Каратанов. Но с этой темой я
Давно расстался.
Иванов. Неужели?! Жаль.
Ты с Корневым немало поработал,
Тебя ценил он. Ну да ничего.
К вам в институт устроюсь, мы вдвоем
Работу двинем.
Каратанов. Видишь ли, Иван...
За эти годы многое у нас
Переменилось.
Иванов. Вот как!
Каратанов. И о многом
Не знаешь ты.
Иванов. Чего же я не знаю?
Рассказывай.
Каратанов. Начну издалека.
Иванов. Я слушаю.
Каратанов. Когда старик скончался,
То в академии и нашем институте
Вдруг слух прошел...
Иванов. Да?
Каратанов. Нехороший слух
О том, что был он связан с заграницей...
Иванов. Какая чушь!
Каратанов. Внезапная кончина,
Пожар в квартире — все это будило
Догадки, домыслы. А тут еще статья
В журнале заграничном появилась.
Иванов. Статья? О чем?
Каратанов. Ссылаясь на беседы
Со стариком, в ней автор говорил,
Что Корнев очень резко осуждал
Стиль руководства всей научной жизнью
У нас в стране.
Иванов. Но это ложь! Ведь Корнев
Не думал так.
Каратанов. Ну, хочешь иль не хочешь,
Но это все рождало подозренья,
Бросало тень на Корнева.
Иванов. Но где
Ты был тогда? Как мог ты не вступиться
За честь учителя?
Каратанов. Не горячись, Иван,
А выслушай. Я вместе с институтом
В Ташкент уехал. Там узнали мы,
Что Алексеев, Корнева помощник
И друг его, в Москве был арестован
Как враг народа.
Иванов. Быть не может!
Каратанов. Факт,
Печальный факт. Как видишь, эти слухи
Шли неспроста...
Иванов. Да как ты мог подумать,

Что Корнев был...
Каратанов. Вначале я
не верил
Да до конца не верю и сейчас,
Но все же...
Иванов. Та-ак... А не в связи ли
с этим
Свою работу ты решил оставить?
Каратанов. Ну что ты? Нет!
Я продолжал ее.
Но, понимаешь, вникнув глубоко
В ученье Корнева, я понял, что
неверным
Он шел путем.
Иванов. Скажи, а ты сумел,
Проверив все, все взвесив,
показать,
В чем он неправ?
Каратанов. Меня опередил
Другой ученый.
Иванов. Кто?
Каратанов. Директор наш,
Профессор Вязов.
Иванов. Вязов! Эта бездарь,
Посредственность!..
Каратанов. Ты мало его знаешь.
Он образованный и умный
человек.
Так вот, в журнале Вязов
напечатал
Статью о Корневе. Ты не читал ее?
Иванов. Нет, не читал.
Каратанов. В ней Вязов показал,
И очень убедительно, что
Корнев —
Идеалист и что в трудах его
Немало путаных, неверных
положений.
Иванов. А опыты? Ведь это факт.
Каратанов. Иван,
Факт — штука хитрая. Он может
в заблужденье
Ввести ученого. И нужно каждый
факт
Исследовать, осмыслить, чтоб
понять
Его природу.
Иванов. Ну так изучай,
Исследуй!
Каратанов. Не-ет. Я этою
проблемой
Переболел. Другую тему взял я
Для диссертации.
Иванов. Ты пишешь?
Каратанов. Написал
И защитил.

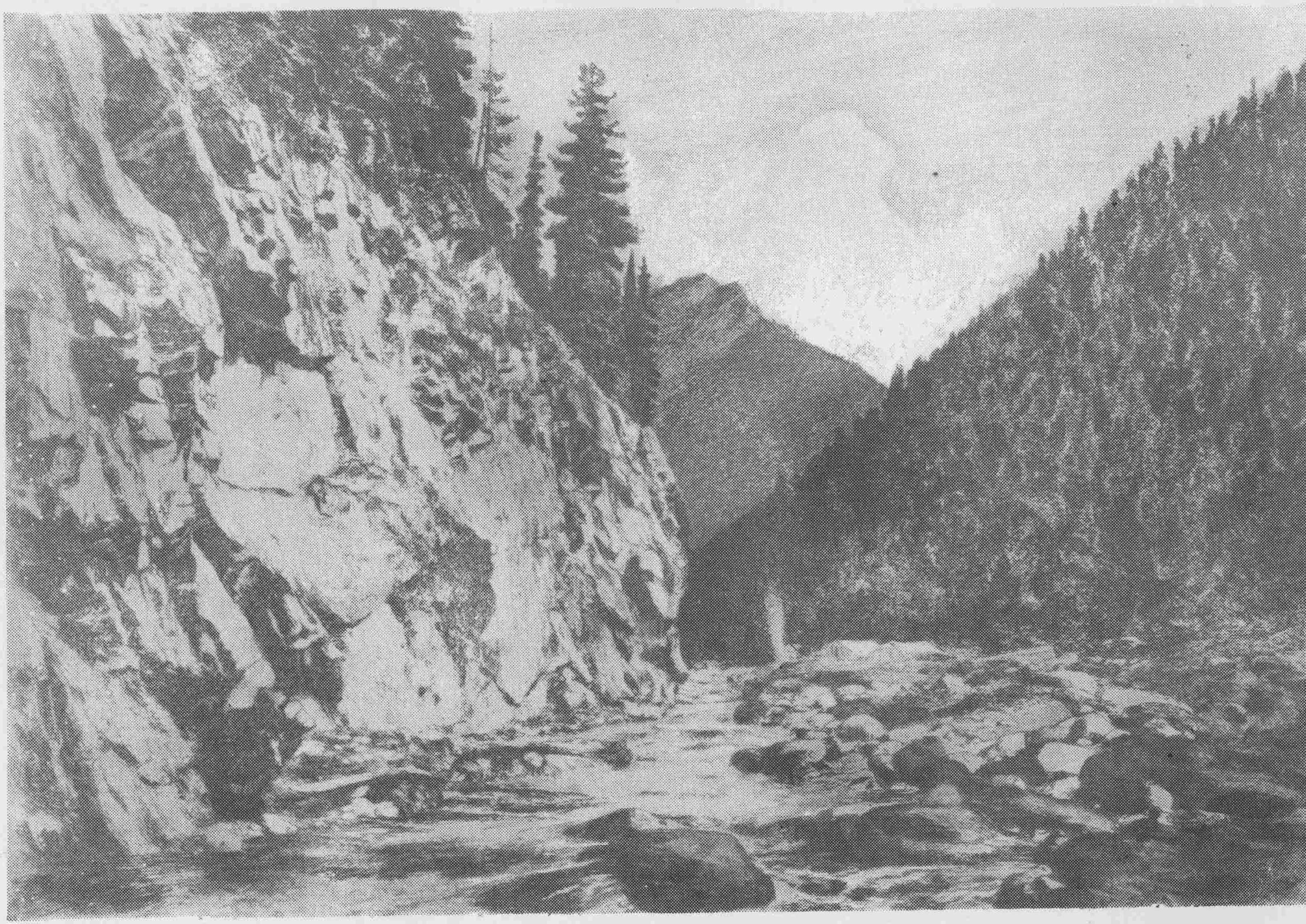
Иванов. А твой руководитель
Профессор Вязов?
Каратанов. Да.
Иванов. Я все понять могу
И все простить: ошибки,
заблужденья,
Горячность, необдуманный
порыв,
Но трусости простить я не могу.
Ты — трус!
Каратанов. Иван!
Иванов. Ты трус. И я на фронте
Тебя встречал. Ты был там
дезертиром,
Предателем, изменником,
убийцей!..
Каратанов. Да как ты смеешь!
Иванов. Нет, как ты посмел,
Как мог предать ты Корнева!
Каратанов. Иван!
Я требую...
Иванов. Он мертв, он беззащитен.
Ты знал его, как самого себя!
Ты должен был бороться
с клеветой!
Каратанов. Ты упрощаешь,
ты не понимаешь
Всей сложности. Ты знаешь...
Иванов. Не хитри!
Каратанов. Я не позволю!..
Иванов. Что ты не позволишь?
Ты торговал наукой, ты менял,
Как лавочник, свои былые
взгляды
На званье кандидата, на машину,
На дачу...
Каратанов. Я?!..
Иванов. Ты, отойдя в сторонку,
Смотрел, как грязные невежды
и враги
В сумятице военных дней
пытались
Наследье Корнева у нашего
народа
Украсть...
Каратанов. Ах, вот как! Я не
потерплю...

Иванов широко открыл дверь, показал на выход.

Иванов. Ты стерпишь все!

Каратанов берет пальто, шляпу, уходит.

На фронте я терял
Товарищей, но в памяти моей
Они живут как близкие мне люди.
А вот сейчас... Ведь мы делили
с ним

В Саянах.

Офорт на меди худ. *Б. И. Лебединского.*
(Экспонирован на выставке Советской графики в Стокгольме).

Все наши радости и горести.
Я верил
Ему во всем... Так Корнев
ошибался!
Не может быть! Ну что же,
я проверю
Все до конца. О, как он лгал!
Одно
Мне говорил, а я в глазах его
Читал другое. Кто же он?
Откуда?
Чем он живет, чего он ищет
в жизни,
Мой бывший друг? Успеха,
положенья
И сытого, как щи, благополучья...
В каких глубоких тайниках души,
В колодцах сердца, в темных
гнездах мозга,
Таясь от близких, прячась
от друзей,
Скрывалось злое, маленькое «Я»
С несытым взглядом, жадными
руками?
Какие силы вызвали его
С задворок прошлого? А может
быть, и я
Виновен в этом? Что-то
проглядел я
В те дни, когда дружили мы. Но
поздно:
Теперь дороги наши разошлись.

С рюмкой в руке стоит перед зеркалом и говорит своему отражению.

Ну что ж, давай, товарищ, выпьем,
Как на поминках...

Пьет. Стук в дверь.

Кто там?

Входит Кузьма.

А-а, Кузьма!

Кузьма. Иван Андреевич! Э-э, да вы
один?
А где приятель?

Иванов. Я его, Кузьма,
Похоронил. Нет, не шучу.
Я ждал
Товарища, и вдруг пришел ко
мне...
Трусливый, маленький и подлый
человечек.

Махнул рукой.

Ну все, Кузьма! О нем ни слова
больше!

Во время разговора Иванов приглашает Кузьму к столу, включает радио. Передают скрипичный концерт. В музыке слышится страстная вера в человека, в будущее. В мелодию вплетается мотив песни «Гренада». Иванов и Кузьма слушают. Концерт окончился.

Радио. Мы передавали концерт итальянского скрипача Филиппо Альди.

Иванов. Ах, Альди! Помнишь встречу на
вокзале,
Со жмыхом хлеб и песню о Гренаде...

Кузьма *(запел, Иванов подхватил)*.
Он хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам
отдать.
Прощайте, родные, прощайте,
друзья,
Гренада, Гренада, Гренада моя.

Иванов *(налил вино.)*
За скрипача, за песню,
За солнечный Неаполь! *(Пьют)*.
Ну, когда
К себе в Сибирь?

Кузьма. Денька через четыре.

Иванов. Сибирь, Сибирь...

Кузьма *(достал письмо)*.
Пришло письмо. В колхоз
Зовут меня: ведь я почти пять лет
Был председателем.

Иванов. Так, так. А агроном
В колхозе есть?

Кузьма. Вот агронома нету,
А без него хозяйства не поднять.

Иванов. А если я с тобой, Кузьма, поеду?
Возьмешь меня?

Кузьма. Иван Андреич, что вы!
Все шутите. Ведь вы в Москве
хотели
Остаться.

Иванов. Да, хотел. Но передумал.
Все изменилось.

Кузьма. Я... Иван Андреич!
Так буду рад!..

Иванов. Но уговор такой:
В колхозе ты поможешь мне,
Кузьма,
Поставить опыты. Мне многого
не надо.

Кузьма. Все сделаю.

Иванов. А главное, чего я
Жду от тебя, — доверия,
поддержки.

Кузьма протягивает Иванову руку. Опускается тюлевый занавес, за ним медленно угасает свет. Высвечиваются только Иванов и Кузьма на фоне окна, в котором видны контуры кремлевских башен. Гаснет свет, и сразу же начинается третья картина.

Картина 3

Луч прожектора скользит по тюлевому занавесу от Москвы вправо и, высвечивая надпись «Сибирь», останавливается недалеко от озера Байкал. Музыка. В ней слышатся широкая русская песня, шум лесов, говор полноводных рек и радость большого человеческого труда. За тюлем возникает сибирский пейзаж и на фоне его — хата-лаборатория в колхозе «По ленинскому пути». Портрет Корнева, фотография Маргета. Большой календарь, на нем листок с датой «15 сентября». В окно видна теплица. Перед лабораторными весами сидит Маша. Она что-то взвешивает, записывает и тихо напевает: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...»
Входит Кузьма.

Кузьма. Ты все колдуешь?
Маша. К опыту готовлюсь.
Иван Андреич мне велел.
Кузьма. Ну, ну.
Большие я надежды возлагаю
На опыт ваш. Эх, жизнь! Вот оглянусь
На прошлое: как будто сотни лет
Прошло с тех пор, как я мальчишкой в поле
Шел за сохой. Не матерью тогда
Была земля, а мачехой. Со страхом
Деревня вся встречала каждый день.
То вдруг дожди, то засуха, и солнце
Калеными, нещадными лучами
Посевы жгло. С молебнами ходили
Вкруг поля мы. Корявыми крестами
Старухи, дети, девки, мужики
Молили бога, чтоб послал он дождь.
А вот теперь с землею по-другому
Мы говорим: по-братски, по-хозяйски.
Заставили мы залежные земли
Дать нам зерно. Теперь степей голодных
Узнать нельзя. А все-таки земля
Упрямится, и до сих пор еще
С ней справиться не можем до конца мы.
Вот ежели наукой и трудом
Заставим землю мы работать так,
Как надо нам, тогда, Машутка, жизнь
Такая будет... песня, а не жизнь!
А ты грустишь?
Маша. Да нет, Кузьма Никитич...
Кузьма. Ой, не хитри! И все из-за Семена?
Маша. Да я Семена вот уж две недели
Не видела...
Кузьма. Ума не приложу,
Что с ним творится! Плохо стал работать,
Шаляй-валяй.
Болтают, будто он
Обратно в город думает уехать.
Маша (*встревоженно*).
Не может быть!
Кузьма. Вот ты бы, Маша, с ним
Поговорила.
Маша. С ним? Да что вы! Нет.
Кузьма. Где агроном?
Маша. В правление пошел.
Кузьма. Пойду и я. (*Ушел.*)
Маша. Да что ж это такое?
Как туча, ходит, встречи избегает.
Вот нынче в клубе с Груней танцевал,
А на меня и не взглянул он даже...
Уехать хочет. А ведь мне казалось,
Что я ему...

Входит Сеня.

Сеня. Ты здесь...
Маша (*сухо*). Как видишь, здесь.
Сеня. А председатель?
Маша. Он ушел куда-то.
Сеня. Все носится. С собаками его
Найти нельзя. Пойду...
Маша. Сюда хотел он
Прийти сейчас.
Сеня. Ну что ж, я обожду. (*Садится.*)
Мешаю, может?
Маша. Мне-то что, сиди. (*Работает.*)
Сеня. Ну, все-таки ведь опыты, наука!
А ты теперь... Да, дернуло меня
В деревню ехать.
Маша. А тебя сюда
Никто не гнал. С путевкой комсомольской
По собственной охоте к нам приехал.
Сеня. Опять попреки! Надоело! Хватит!
Ошибся я. На митингах кричали:
«Колхозный фронт!», «Пшеничные моря!»
Романтика! А на поверку что?
Деревня, глушь. С утра до поздней ночи
Торчишь на поле, а тебе еще
Выговора, мораль читают...

Маша. Раньше
Другим ты был.
Сеня. Все в голос: раньше! раньше!
Живу, меняюсь. Ты вот тоже раньше
Другой была...
Маша. Другой?..
Сеня. Ну ладно, ладно.
Об этом хватит. Да-а, совсем иначе
Я в городе деревню представлял.
По радио, в романах и в кино
Так вашу жизнь расписывали, ну...
Ну, красота! А здесь — медвежий угол,
Дыра-дырой!
Маша *(возмущенно)*. Ну, знаешь ли...
Сеня. А что?
Не правда разве? Никакой культуры.
Пойдешь в кино — десятый раз подряд
Одно и то ж — «Свинарка и пастух».

Перебирая брошюры, лежащие на столе.

Библиотека! «Памятка доярки»,
«Силосный корм», «В поход за кукурузу»...
Все здесь не так, как в городе. Вот разве
Девчата те же: так же, как везде,
Закрутят парня, завертят, закружат —
И посмеются...
Маша. Ты это о чем?
Сеня. Так, ни о чем. *(Включает радио.)*
Радио *(скучно)*.
Чтобы повысить удои молока,
надо организовать правильное
кормление коров...
Сеня *(вырвал вилку)*.
А ну тебя! И это жизнь? Тоска!
Маша. Ты городской, а что же сделал ты,
Чтоб жизнь была здесь краше?
Сеня. Надоела
Мне эта агитация.
Маша. Тебя
Сюда послали, чтобы как хозяин
Ты жил у нас, а ты, как иждивенец,
Скулишь и хнычешь...
Сеня. Иждивенец! Хнычу!..
Видали, а?
Маша. Ведь вот Иван Андреич
К нам из Москвы приехал...
Сеня. Где уж нам
Равняться с ним. Н-да, ясно все!
Маша. Что ясно?
Сеня. Так, вообще. Потребую расчет.
Подамся в город.
Маша. Что же, поезжай.
Сеня *(потрясен)*.
И ты... так говоришь!
Маша. В глуши, в дыре, в деревне
Жить незачем.
Сеня. Ага! Вот ты сама...
Маша. А для меня нет краше на земле
Деревни нашей. Здесь девчонкой в школу
Я бегала. Здесь каждый перелесок,
Сосновый бор и запах земляники
Мне дороги.
Сеня. Конечно, всяк кулик
Свое болото хвалит...
Маша. Что-о! Болото?!
А я — кулик?!
Сеня. Ты ж города не знаешь...
Маша. Не знаю? Я?! Я в городе жила,
Училась там. Сюда по доброй воле
Вернулась.
Сеня. И год второй торчишь
Помагрономa. Тоже мне, работа!
Где перспектива? Ну чего, чего
Добьешься ты, в деревне этой сидя?
Маша. А я хочу, чтобы село мое
На всю Сибирь гремело бы. Да, да!
Хочу, чтобы о наших урожаях
Писали в «Правде».

Показывает на далекий сибирский пейзаж.

Видишь наши земли:
Какой простор, бескрайные поля,
Не тронутая плугом целина.
Они нас ждут. О, как бы я хотела,
Чтобы вокруг, насколько видит глаз,
Шумели бы колосья золотые.
Сеня *(его захватила горячая увлеченность Маши)*.
Как говорит! Поет!
Маша. Хочу, чтоб клуб у нас
Был самым лучшим, чтобы наша школа...
Сеня. Фантазия!

Маша. А опыты — фантазия?
(Показывает газету.)
Читал статью?

Сеня. Читал.

Маша. Ты понимаешь,
Что, если прав Иван Андреич, мы
Такое сделаем, весь мир...

Сеня. Ах, ах, весь мир!
Вот то-то каждый день
В лаборатории сидите дотемна.
Эксперименты! Опыты! Весь мир!
Романтика! А может быть...

Маша. Ты что-то
Сказать хотел?

Сеня. Ведь вилами пока
Написано все это на воде.

Маша. Иван Андреич...

Сеня. Ах, Иван Андреич!
Опять.

Маша. А что?

Сеня. А то, допустим, он
Открытье сделает. А ты, ты здесь при чем?
Ты думаешь, что он своею славой
Делиться будет?

Маша *(потрясена)*. Как слова такие
Ты мог сказать? *(Идет к двери.)*

Сеня. Ну, Маша, не хотел я...
Ну, сорвалось.

Маша ушла, взяв со стола газету с портретом Иванова.

Портрет его хранит
На столике. Все ясно, все понятно.

Включил радио, врывается отрывок арии из «Пиковой дамы»: «Пусть неудачник плачет...» Сеня выключил радио.

«Пусть неудачник плачет»... Про меня.
Ну, если так, уеду! С глаз долой —
Из сердца вон! Поеду на Саяны,
А может, на дрейфующую льдину.
А там... Кто знает, всякое возможно.
Меня, быть может, так же, как его,
И не в какой-нибудь газетке районной,
А в «Правде» напечатают. Приеду
К ним на село: в зубах морская трубка,
Здесь ордена... Посмотрим, может быть,
Еще и вспомните, Мария Тимофевна,
Семена Тропина. *(Вынимает из кармана заявление.)*
Так решено, подам.

Входит Иванов.

Иванов. А, комбайнер, ко мне?

Сеня. Кузьма Никитич
Зачем-то звал.

Иванов *(просматривая бумаги, лежащие на столе)*.
А Маша где?

Сеня. Не знаю.
Интересуетесь? Была — ушла.

Иванов. Ну, ну.
Ты почему в Зеленой пади хлеб
Не убирал?

Сеня. При наших площадях
И о каких-то трех гектарах даже
И говорить смешно.

Иванов. Вот ты какой!

Входит Кузьма.

Кузьма. Иван Андреич, принесли письмо
Из Дорожан, от Лукаша.

Иванов. Да что ты!
(Берет письмо, начинает читать.)
Читал?

Кузьма. Читал. Неурожай у них,
Весь хлеб сгорел.

Сеня. Кузьма Никитич, к вам я.

Дает заявление.

Прошу прочесть.

Кузьма *(надел очки)*. Ну, прочитал, что дальше?

Сеня. Какую ж резолюцию дадите
На заявление?

Кузьма дает заявление Иванову.

Иванов *(прочитал заявление)*. А если бы, Семен,
Мы это заявление послали
В деревню Дорожаны, в Прикарпатье,
Товарищу, который вместе с нами
Шел на Берлин в те годы, когда ты
От соски материнской отвыкал?

Сеня. Ну, знаете...

Иванов. Молчи. *(Показывает на письмо Лукаша.)*
В его стране
Поддержки ждут, а вот в колхозе нашем
В Зеленой пади по вине Семена
Не убран хлеб.

Сеня. Но я же...

Иванов. Замолчи!
Я не с тобой. *(Кузьме.)*
С путевкой комсомольской
Он послан к нам. Товарищи его
В полях Поволжья, на кубанских землях
Работают не покладая рук,
Не зная отдыха.

Кузьма. А он в кусты, как заяц.

Сеня. Себя марать я не позволю, я...

Иванов *(глядя на письмо Лукаша)*.
Солдат Лукаш, какой бы приговор
Ему ты вынес?

Сеня. Это что же, суд?

Иванов *(резко, в глаза Семену)*.
Да, это суд. *(Кузьме.)*
Я думаю, Лукаш
Так написал бы: гнать, как дезертира!

Кузьма. Вот именно!

Иванов *(дает заявление Кузьме)*.
Пиши.

Сеня. Иван Андреич!
Кузьма Никитич! Как же это так...
Не может быть!

Иванов. Да ты и трус к тому же.

Сеня. Я — трус?! Я — трус?!

Иванов. А стоит ли, Кузьма,
Мараться нам? Обжаловать начнет,
В суд побежит... *(Берет заявление, пишет.)*
Уж так и быть, напишем:
Согласно заявленью, по желанью
Освобожден. *(Дает заявление Сене.)*
Бери и уезжай.

Сеня. Да я... да я... *(Не взяв заявления, Сеня убегает.)*

Кузьма. Ушел. Ну, может быть,
За ум возьмется.

Слышен гудок машины; Кузьма взглянул в окно.

Э-э, приехал к нам...
Начальник областного управленья.

Иванов. А-а, Караулов.

Входит Караулов в кожаном пальто, с портфелем.

Караулов. Здравствуй, председатель.
И агроном здесь, здравствуйте.
Читал
Я вашу сводку. Молодцы, хвалю.
На первом месте в области.
Не шутка.
Убрали все?

Кузьма. Да кой-какая мелочь
Еще осталась.

Караулов. Рук не опускай,
Но кончи в срок. И чур, не зазнаваться,
Чтоб никакого головокруженья.
Вот так и свой народ ориентируй:
Вперед и выше. Понял, председатель?

Кузьма. Как не понять.

Караулов. План будущего года
Придется вам, пожалуй, увеличить
Процентов на пятнадцать.

Кузьма. Трудновато,
Сергей Петрович...

Караулов. Трудностей боишься?
Бороться с ними надо, председатель.
Поговоришь с народом, разъяснишь,
Что и к чему. Народ тебя поддержит.
Вот агроном поможет, человек
Ученый он. Видал, какую здесь
Лабораторию устроил, красота!
Пробирки, колбы... Опыты ведете?

Иванов. Ведем.

Караулов. Ну, ну, читал в газетке я
Об опытах статейку.

Кузьма *(дает газету)*. Вот она.

Иванов. Зря напечатали. Я говорил, что рано
Писать об опытах. *(Показал на портрет.)*
А тут еще...

Караулов. В статье
Ссылаются на Корнева?

Иванов. И что же?

Караулов. Как это — что? Наивный человек.
Ведь всем известно: Корнев сам себя
Дискредитировал...

Иванов. Но это ложь! Ведь Корнев
Не опорочен.

Караулов. Да, официально,
Пожалуй, нет. Но слухи... Без огня
И дыма нет. Не наш, не наш ученый.

Иванов. Ну, знаете!..

Караулов. Да, да. В энциклопедии
В статье о нем написано, что он
Идеалист...
Иванов. Но это же неправда!
Караулов. Каков! Каков!
Иванов. Наш опыт говорит,
Что Корнев прав.
Караулов. Не много ли берете
Вы на себя?
Иванов. А разве надо мало
Брать на себя? И неужели дело
В статейке этой?
Караулов. Это что, допрос?
Ну, знаете.
Иванов. Мы думали, вы нам
Поможете.
Караулов. Есть нужды поважнее,
И мы не можем так, не разобравшись,
Бросать средства́.
Иванов. Так вы и разберитесь.
Караулов. Вот брошу все и стану заниматься
Делами вашими! Не до того: аврал,
Уборка. Хлеб! *(Кузьме.)*
Ну, понял установку:
Кончай, и в срок. *(Иванову.)*
А вы мне дайте сводку.
Иванов. Сейчас пришлю. *(Ушел.)*
Караулов. Заносчивость, зазнайство...
Сидит в колхозе, а ведет себя,
Как академик. Институты есть,
Пускай исследуют. Его же дело — сеять
И убирать. А выше головы
Опасно прыгать. *(Показывая на газету.)*
Агроном-новатор!
Самореклама!
Кузьма. Тут он ни при чем.
Караулов. Ну, ну, допустим.
Нынче из Москвы
Был представитель, обратил вниманье
Он на статью. Да-а, есть такое мненье,
Что это вылазка — попытка протащить
Порочные и чуждые нам взгляды.
Кузьма. Ну, взгляды взглядами, но ведь, Сергей Петрович,
Есть факты. Вот на опытном участке
Добились мы хороших результатов.
Хоть не таких, каких он ждал, но все же.
Караулов. А как же он добился?
Кузьма. Удобренье
Давал земле, по-своему зерно
Готовил он.
Караулов. По-своему? А как же?
Кузьма. Не говорит.
Караулов. Секретничает, значит...
Не наша установка. Да-а, с душком
Твой агроном.
Кузьма. Вы так, Сергей Петрович,
Не говорите. Опыты пока
Не кончены, так что же по-пустому
Болтать о них.
Караулов *(показывая на портреты)*.
Что это за портреты?
Кузьма. Вот это — Корнев.
Караулов. Так. А это кто?
Кузьма. А это — Маргет.
Караулов. Иностранец?
Кузьма. Да.
Караулов *(разглядывая фотографии)*.
И с надписью.
Кузьма. Знакомые. Не раз
Они встречались.
Караулов. Что ты говоришь?
Встречался лично с Маргетом? Ну, ну!
Вот, говорят, из Франции частенько
Он письма получает.
Кузьма. Ну и что ж?
Караулов. Не нравится мне это, председатель,
Нехорошо.
Кузьма. Зачем, Сергей Петрович,
О нем вы с подозреньем говорите?
Иван Андреича в обиду я не дам.
Четыре года вместе воевали
Плечом к плечу...
Караулов. В плену он не был?
Кузьма. Нет.
А что?
Караулов. Да так. Немало у него
Есть пережитков прошлого. Ну что же,
Перевоспитывай, присматривайся: помни,

О бдительности забывать нельзя.
(Взглянув на часы.)
Н-да, задержался. До ночи мне надо
Еще в пяти колхозах побывать.

Входит Маша.

А это кто?

Кузьма. Помощник агронома.

Маша. Вот сводка за последнюю декаду.

Караулов. Печать на месте, подписи. Порядок.

Сунул сводку в портфель. Кузьме.

Готовишь смену? Хорошо! О кадрах
Заботишься. А кадры, председатель,
Решают все. Ну, добренько. Бувайте!

Караулов и Кузьма уходят. Маша перебирает зерна, лежащие на столе.

Маша. Какие зерна крупные. Вот скоро
Посеем их, и если, если опыт
Удастся нам...

Увидела заявление Сени, лежащее на столе рядом с газетой. Читает.

«Прошу освободить...»
Как! Заявленье! Значит, уезжает?
А как же я?!.. Ведь я его люблю...

В окне появляется Сеня. Он слышит последнюю фразу Маши. Маша не видит его.

Сеня. Ну да, конечно, снова над портретом.

Маша. Люблю его, а он уехать хочет...

Сеня. Как? Уезжает? А еще меня
Ругал сегодня...

Маша *(взяла со стола кепку, забытую Сеней, прижимает ее к груди)*. Если бы сейчас
Тебя увидела... вихрастого, родного...

Сеня. Меня! *(Прыгает через окно в комнату.)*
Я здесь!

Маша. Ты?!

Сеня *(показывая на газету)*.
Значит, не его,
Меня ты любишь?

Маша. Глупый, как же ты
Подумать мог...

Сеня. Так не его? Меня!

Маша. Тебя, тебя!

Сеня. Ой, Маша, дорогая!
Любимая, хорошая моя! *(Обнимает Машу.)*

Маша. Оставь, войдут...

Сеня. Ну что ж, пускай приходит
Хоть весь колхоз!

Маша. А как же заявленье?
Уедешь ты?

Сеня. Да я... Да что ты, Маша!

Комкает заявление и бросает его на стол.

Видала? Вот!

Маша. В глуши, в дыре, в деревне
Останешься?

Сеня. Ой, Маша! Да с тобой!..

Маша *(взглянула в окно)*.
Кузьма Никитич и Иван Андреич
Идут сюда.

Сеня. Они меня сегодня
Так чистили! Но я им докажу,
Каков таков Семен Иваныч Тропин!

Маша. Иди, иди...

Сеня выпрыгивает в окно. Стоит у окна.

Сеня. Так любишь?.. Любишь?

Маша. Да...

Сеня. В клуб приходи. Сегодня там кино.

Маша. А что идет?

Сеня. «Свинарка и пастух».

Исчезает за окном. Входят Кузьма и Иванов.

Иванов. Ты, Маша, здесь? Ну что ж, Кузьма Никитич,
Начнем сегодня новый опыт наш.
Готово все?

Маша. Готово.

Иванов *(просматривая записи Маши)*.
Молодец.
Открой теплицу. *(Кузьме.)*
Видишь, наше поле —
Клочок земли. Немалый труд в него
Вложили мы. Вот семена. Сейчас
Ты, Маша, доброй, щедрою рукою
Посеешь их, и ровно через месяц
В теплице нашей спелую пшеницу
Увидим мы.

Маша уходит.

Кузьма. И верю, и не верю.

Иванов. Земля ленива, нехотя она
Растит зерно, а наши удобренья
И обработка новая семян
Все силы тайные, что спрятаны в земле,
Подымут на ноги.

Входит Маша.

Маша. Иван Андреич, я
Посеяла.

Кузьма. Ну, в добрый час.

Иванов. Спасибо.
Вот через месяц мы тебя, Кузьма,
На праздник урожая позовем.

Совсем стемнело. *(Зажигает свет.)*

Кузьма. Да, пора на отдых.

Маша. Я в клуб пойду.

Кузьма. Идем, Иван Андреич.

Иванов. Нет, я еще чуток позанимаюсь.

Кузьма и Маша уходят. Иванов подходит к портрету Корнева.

Вот, наконец, пришел наш день; как долго
Мы шли к нему.
Сейчас в моей теплице
Бушует все, и древняя земля,
Привыкшая работать кое-как,
Сил не жалея, трудится сегодня.
Зерно набухло. Вот уже ростки
На волю рвутся из земного плена.
(Берет письмо Лукаша.)
В твою страну, Лукаш, стучится голод.
Он в пыльный зной сожженными полями
Бредет среди печальных деревень
И сонных сел. Он входит по-хозяйски
В притихшие немые города.
Хлеб нужен миру. Помню, эту фразу
Ты, мой учитель, часто повторял.
Хлеб, выращенный доброю рукою,
Согретый щедрым, бескорыстным сердцем.
И он растет.

Комната погружается в сумрак. Музыка. В комнате освещен только календарь, на нем дата — 15 сентября. С календаря падают листки — первый, второй, третий... И вот уже видна дата — 15 октября. Вновь освещается хата-лаборатория. Кузьма, Маша. У календаря стоит Иванов.

Иванов. Наш день настал. Ну, Маша, покажи,
Пусть молодые руки открывают
Дверь в новое!

Маша открыла теплицу. В золотистом сиянии видна семья высоких колосьев.

Маша. А-ах!

Кузьма. Глазам не верю!

Иванов *(портрету Корнева).*
Андрей Сергеич, видишь, получилось!

Кузьма. Открытие масштаба мирового.
Ведь если только мы засеем землю
Такой пшеницей, если вся земля
Науку эту примет, то тогда
Конец нужде.

Иванов. О, впереди еще
Работы тьма! *(Маше.)*
Бери журнал, пиши.

Иванов протягивает Маше журнал. Маша садится за стол.

Иванов *(диктует).*
«С 15 сентября по 15 октября тысяча девятьсот...

Порыв неожиданно налетевшего ветра заглушает голос Иванова, свет медленно гаснет. Видна теплица с семьей колосьев, освещенных золотистым сиянием. За окном метель. Издалека слышится голос Иванова.

...в Сибири, в колхозе «По ленинскому пути», был сделан первый опыт посева по методу Андрея Сергеевича Корнева...»

За окном снежная буря. Медленно опускается тюлевый занавес. Все еще видна теплица и колосья и слышен уходящий вдаль голос Иванова. Луч прожектора идет по занавесу от Сибири вправо. В музыке слышатся колыхание бескрайных нив, мерный шум тайги, вой метели, пенье ветра, летящего над степями Забайкалья, величавое молчанье тысячелетних гор и гул океана. Луч приближается к берегам материков Америки. Все сильнее звучит в оркестре та грозная, недобрая нота, которую мы слышали в музыке, звучавшей перед первой картиной. И там, где только что угадывалась потонувшая во тьме хата-лаборатория и видны были высокие колосья, возникают контуры огромного кабинета в институте агрохимических исследований Мактейлла. Медленно высвечивается письменный стол. На столе телефон. На стене календарь. Он висит примерно на том же месте, где висел календарь в хате-лаборатории. На календаре дата — 15 октября. За столом Мактейлл. Он говорит по телефону.

Мактейлл. Ральф, слушаю. Что-о?
Опыты в Сибири?
Опять проблема ускоренья роста?
А кто? Иванов? Заходи, я жду.

Меркнет свет. Опускается основной занавес.

АКТ ВТОРОЙ

Картина 4

Кабинет в институте агрохимических исследований Мактейлла. Андерс и Мактейлл.

Андерс (*протягивает Мактейллу папку*).
Статья Иванова. Она еще в печати
Не появилась.

Мактейлл. И о чем он пишет?

Андерс. О новых средствах ускоренья роста.
Он говорит...

Мактейлл. А кто такой Иванов?

Андерс. Советский агрохимик. Он учился у Корнева.

Мактейлл. Вот снова Корнев!

Андерс. Да!

Мактейлл (*листает статью*).
Пустые домыслы, фантазья. Не об этом
Должны мы думать. Голод в Прикарпатье —
Вот чем я занят. Понимаешь, Ральф?

Андерс. А если это не фантазия? Взгляните,
Андунская газета. (*Дает газету.*) В ней статья
Об опытах Иванова.

Мактейлл. Андун?
А это где?

Андерс. В Сибири.

Мактейлл. А-а, в Сибири! (*Просмотрел газету.*)
Потуги на сенсацию.

Вглядывается в портрет Иванова.

Позволь...
Ведь это же тот русский офицер,
С которым в Готенбурге на вокзале
Мы встретились!..

Андерс. Да, это он.
(*Показывает фотографию*).
Вот снимок,
Он в Готенбурге сделан мною.

Мактейлл (*разглядывая фотографию*).
Да...
Припоминаю. Он назвал себя
Ивановым. Как тесен этот мир!
Позволь, позволь!.. Ну да, фамилью эту
Я слышал в сорок первом. Ты в то время
В Москве был занят Корневым. Увы!
Тогда тебя постигла неудача.

Андерс. Но я...

Мактейлл. Да, да, ты сделал все, что мог,
И все ж бумаги Корнева погибли,
Их нет у нас. (*Показывает на газету.*)
О, если это так...
Не верю. Нет. Фантазья, утка, блеф!
А если нет?.. (*Глядя на портрет Иванова.*)
Взгляни, в его лице
Есть воля, ум. Такие люди зря
Слов не бросают. Что ты предлагаешь?

Андерс. Профессор Гарман в сборнике трудов,
Который подготовлен институтом,
Подвергнет резкой критике статью
Иванова.

Мактейлл. Не то, не то.
У русских
Есть поговорка: Если враг чернит
Твои труды и мысли, это значит,

Что ты стоишь на правильном пути.
Пусть Гарман дифирамбы пропоет
Иванову. Вот основные мысли
Его статьи.
Пиши.

Мактейлл диктует, Андерс записывает на обороте статьи Иванова.

«Победа
Ученья Вейсмана».

Андерс. Но ведь Иванов
Далек от вейсманизма...

Мактейлл. Пустяки.
Пусть Гарман, развивая эти мысли,
Обратное докажет. Он ученый,
И я ему плачу большие деньги.
Но мало этого. Нам надо опорочить
Иванова. Ты помнишь, в сорок первом
На Корнева мы тень сумели бросить.

Нажимает кнопку звонка.

А вот сейчас нам нужно...

Стук в дверь.

Да, войдите!

Входит секретарь института миссис Маргет, пожилая седая женщина в темном платье.

Андерс. О-о! Миссис Маргет!..

Маргет. Мистер Андерс...
Ральф!
Как редко в нашем институте вы
Бываете.

Андерс. Дела.

Мактейлл. Я попрошу
В бюро научной информации найти
Досье Иванова.

Маргет (*записывает*). Иванова...

Мактейлл. Да, да.

Миссис Маргет уходит. Андерс, стоя спиной к Мактейллу, смотрит в окно.

Не надо, Ральф, не надо. Все забыто.
Мы не в долгу пред Джеффом. Миссис Маргет
Я обеспечил.
Гибели его
Мы не хотели. Так случилось.
Джеффа
Бог покарал. На ниве жизни был он
Травою сорной. В библии, ты помнишь,
Написано: пусть пахарь выйдет в поле
И вырвет плевелы...

Андерс. Как жаль, что в Готенбурге
Не знали мы, что этот офицер —
Иванов.

Мактейлл (*он угадал мысль Ральфа, и ему нравится реакция Андерса*).
Да.

Входит миссис Маргет. В руках у нее папка.

Маргет. Вот здесь все материалы.
(*Читает.*)
«Иван Андреевич Иванов».

Мактейлл. Вы свободны.

Миссис Маргет уходит. Мактейлл листает бумаги в папке.

Тридцать девятый год. Его статья в журнале,
Заметки Каратанова, а это
Твое письмо о Корневе. Немного.

Закрыл папку, взял фотографию.

А знаешь, Ральф, мне нравится твой снимок.
Удачно снято. Видишь, рядом я
Стою с Ивановым... (*Словно думая вслух.*)
А если переснять
И сделать так, чтобы на снимке были
Я и Иванов. А под снимком подпись... (*Пишет.*)
Пусть снимок напечатают в журнале.
Ну, что еще?

Андерс вынул из кармана тоненькую брошюрку в желтом переплете.

Андерс. Взгляните, вот брошюра
Иванова. Он подарил ее...

Мактейлл (*взяв брошюру*).
А-а, Маргету. (*Читает.*)
«На память Джеффу Маргету —
Единомышленник».
Где ты достал ее?

Андерс. В бумагах Джеффа. Помните, в Нейвальде
Мы взяли их...

Мактейлл. Тогда газеты много
Кричали о таинственной пропаже
Его бумаг. А что, если пропажу
Записок Маргета сумеем мы связать
С Ивановым? Пусть наши журналисты

Займутся этим.

Вбегает Паркер.

Паркер! Что случилось?

Паркер. Вот каблограмма.

Мактейлл *(взглянув на каблограмму)*.
А-а, из Прикарпатья.
Я ждал ее. *(Дает каблограмму Андерсу.)*
Ты знаешь шифр, читай.

Андерс *(читает)*.
«Хлебные запасы в Прикарпатье иссякают. Через месяц в стране наступит голод. Министры-социалисты требуют, чтобы правительство обратилось за помощью за океан».

Мактейлл. О, наконец-то! Мы должны прийти
На помощь к ним. Сейчас их коммунисты,
Наверное, пытаются в России
Найти поддержку.

Андерс. Право же, теперь,
После войны, Россия не сумеет
Дать хлеба им.

Мактейлл. Ты плохо знаешь русских.
Они на все способны. Мы должны
Опередить Россию. *(Паркеру.)*
Завтра утром
Пять миллионов бушелей пшеницы
Должны уйти в Восточную Европу.

Паркер уходит. Мактейлл подошел к карте.

Хлеб — это ключ, которым мы откроем
Путь на восток. Тебе придется, Ральф,
Лететь туда. Наверно, Отто Рунге
Ты встретишь там.

Андерс. Да.

Мактейлл. Если б в Прикарпатье
Свои позиции нам удалось вернуть
И от страны Советов отколоть
Восток Европы, мы бы получили
Огромный рынок. А какой простор
Для наших баз! Я не политик, нет.
Я финансист. Но в той большой борьбе,
Которую навязывают нам
Москва и Прага, Венгрия, Китай,
Не можем мы не принимать участья.
Я эту операцию назвал «Троянский конь».
Но въедем мы в Европу
Не на коне, а на мешках с пшеницей

Взглянул на часы.

Но мне пора. Отдай распоряженье
И жди меня.

Мактейлл отдал Андерсу папку с бумагами Иванова и ушел. Андерс позвонил, вошла миссис Маргет.

Андерс. Прошу вас, миссис Маргет,
Когда приедет Гарман, передайте
Вот эту папку. *(Отдает папку.)*
Знаете, вчера
Я подписал к печати книгу Джеффа.

Маргет *(растроганно)*.
Ах, Ральф, позвольте называть вас так,
Ведь для меня вы все еще студент,
Веселый юноша, который вместе с Джеффом
Ходил в колледж. Как вам я благодарна,
Что в институт, где он работал, вы
Меня устроили. Здесь все мне говорит
О Джеффе.

Всхлипнула, достала платок.

Андерс. Миссис Маргет, успокойтесь.
Ведь память Джеффа...

Входит Мактейлл.

Мактейлл. Старые друзья
Беседуют! Увы, увы, я должен
Вас разлучить. Мы едем, Ральф. Прощайте!

Мактейлл и Андерс уходят. Миссис Маргет звонит по телефону.

Маргет. Редакция! Из кабинета шефа.
Да, секретарь. Когда сюда приедет
Профессор Гарман, позвоните мне.

Стук в дверь.

Войдите!

Входит Мадлен Жеро. Через плечо у нее фотоаппарат.

Мадлен. Здравствуйте! Простите, я могла бы...

Маргет. Мистер Мактейлл уехал.

Мадлен. Нужно мне
Увидеть миссис Маргет...
Маргет. Это я.
Мадлен. Вы, вы Элеонора Маргет?
Мать Джеффа Маргета?
Маргет. Да, да.
Мадлен. Я журналистка,
Мадлен Жеро.
Маргет. Садитесь.
Мадлен. Миссис Маргет!
Как мне ни горько, буду говорить я
О смерти сына вашего...
Маргет. Вы знали...
Вы знали Джеффа?
Мадлен. Я его не знала.
Но так случилось, что
в Германии я
Была свидетельницей гибели его.
Маргет. Вы?..
Мадлен. Да. Десятого июля в сорок
пятом
Я ехала в машине из Нейвальда.
Вдруг выстрел, крики... Мой
шофер Густав
Остановил машину. У дороги
Лежал, раскинув руки, человек...
Маргет. Мой Джефф?
Мадлен. Да, да. Я тут же, как
могла,
Перевязала рану, и в машине
Его мы в госпиталь доставили,
и там...
Маргет. Какая дикая, нелепая
случайность!
Мадлен. Нет, это не случайность, миссис
Маргет.
Прошу вас выслушать все то, что
я скажу...
Я в тот же день уехала во
Францию.
Шли месяцы, и вот недавно вновь
Меня судьба забросила
в Нейвальд,
И там опять я встретила Густава.
Да, да, шофера. Он мне
рассказал,
Что утром, после моего отъезда,
В своей машине под сиденьем он
Нашел вот эту записную книжку.

Показывает записную книжку.

Скажите, миссис Маргет, этот
почерк
Знаком ли вам?
Маргет. Да, это почерк
Джеффа.
Мадлен. Когда его везли мы, из
кармана
Его костюма выпала она.
Ваш сын работал над проблемой
роста,
Над методом, который бы помог
Повысить урожайность?
Маргет. Да, мой Джефф
Мечтал об этом.
Мадлен. Судя по всему,
Он сделал очень важное
открытье.
Вот записи.

Читает запись из книжки.

«Мой метод дает возможность резко повысить урожайность. Еду в Европу. Европе грозит голод. Мое открытие может спасти миллионы людей».
Маргет. Ах, если бы вы знали,
мадемуазель,
Как Джефф был добр.
Мадлен. Вот что он записал
В Германии. *(Читает.)*
«Веду переговоры с редакцией английского журнала о печатании моих статей, в которых я открываю свой секрет. Вчера ко мне пришел Ральф...»
Маргет. А-а, это Ральф, Ральф Андерс,
друг его.
Мадлен. Они дружили?
Маргет. Да.
Мадлен *(читает)*. «...ко мне пришел Ральф. Он сказал, редактор английского журнала сообщил о моих статьях Мактейллу. Ральф от имени Мактейлла предложил мне продать концерну мой секрет. Они хотят мое открытие спрятать в сейф».
Маргет. Я... Я не понимаю, что он
пишет...
Мадлен *(читает)*. «Я наотрез отказался. Ральф улыбнулся и сказал, что я пожалею об этом... Что это — угроза?»
Маргет. Угроза?! Ральф, Ральф Джеффу
угрожал?..
Не может быть!
Мадлен. Простите, миссис
Маргет.
В гостинице, в которой жил ваш
сын,
Мне сообщили, что в последний
вечер
К нему пришел его приятель —
Торн.

Приехав из Парижа, разыскала
Я Торна.

Маргет. Да?

Мадлен. И на мое письмо
Ответил он. Вот что мне пишет Торн:

Вынула письмо, читает.

«В эту ночь Маргет должен был улететь в Лондон. Он вез туда очень важные материалы о новых стимуляторах роста пшеницы. Мы провели с ним весь вечер. Прощаясь, я, показав на портфель, шутливо сказал Джеффу: «А вы не боитесь, что по дороге у вас украдут ваши материалы?» Он как-то странно улыбнулся и ответил: «Может быть, и боюсь...»
Когда я сына вашего нашла,
На месте том, где он лежал, портфеля
Не оказалось...

Маргет. Да?.. Но, может быть...

Мадлен. В день смерти Маргета в тот номер, где он жил,
Явились полицейские.

Маргет. Бандиты.
Под видом полицейских вещи Джеффа
Похитили...

Мадлен. Не вещи, а бумаги
Они искали. Удалось найти мне
Портье гостиницы, который находился
При обыске. Ему я показала
Вот этот снимок, сделанный в Германии.

Достала из сумки фотографию. Миссис Маргет рассматривает ее.

Маргет *(смотрит на снимок)*.
Мистер Мактейлл, а рядом... рядом Ральф.

Мадлен. Портье гостиницы, увидев этот снимок,
Сказал, что вещи Джеффа были взяты
Не кем иным, как Андерсом.

Маргет. О боже!..
Не может быть... Ведь это... это значит...

Мадлен. Что нападение на Джеффа, похищенье
Портфеля и бумаг совершено
По поручению мистера Мактейлла
И Ральфа Андерса...

Маргет. Но Ральф помог издать
Работы Джеффа, дал мне место здесь,
Где Джефф работал.

Мадлен. Думаю, что это
Все сделано затем, чтоб отвести
Тень подозрения.

Маргет. Как смеет приходить он
Ко мне, в мой дом!... Как смеет говорить
О дружбе с Джеффом... У него есть мать,
Жена и дети... Боже, как он мог...

Мадлен. Таких людей в фашистских лагерях
Встречала я.

Маргет. Мадемуазель, вы были...
Вы были в лагере?

Мадлен, отвернув рукав, смотрит на знак, выжженный на руке.

Мадлен. Два года.

Маргет. Боже мой!
Так молоды и столько испытали!

Мадлен *(встала)*.
Я очень рада, что мне удалось
Увидеть вас. О вашем сыне книгу
Пишу сейчас. Во Франции и Англии
Я много матерьялов собрала
О Джеффе Маргет, много сообщил мне
Его знакомый русский офицер.
Он, как и сын ваш, хочет, чтобы в мире
Царили изобилие, богатство.
Но, к счастью, он живет в такой стране,
Где мистер Мактейлл или мистер Андерс
Ему вреда не могут причинить.

Маргет. А как его фамилия?

Мадлен. Иванов.

Маргет. Иван Андреич?

Мадлен. Да.

Маргет. Мадемуазель Жеро,
Вы ошибаетесь. *(Протянула Мадлен дело Иванова.)*

Мадлен. Но это же о нем!

Маргет. О-о, мистер Мактейлл что-то замышляет
Против него *(Перелистывает папку.)*

Вот видите, статья
С пометками.

Мадлен. И снимок тот же самый,
Что у меня.

Маргет. На нем рукой Мактейлла
Написано...

Мадлен *(читая надпись на обороте снимка)*.
Они... они готовят
Против него удар из-за угла.

Маргет. Мадемуазель, нам надо что-то сделать,
Чтобы спасти его!

Мадлен *(взяв фотоаппарат)*.
Вы разрешите
Снять фотокопии?

Маргет. Да, да.

Мадлен. Но если эти фото
Появятся в печати, то Мактейлл
Поймет, что их мне дали вы...

Маргет. Ну что же!
Я потеряла сына!..

Показала на фотографию Иванова.

У него...
Ведь у него, наверно, тоже есть
Старуха мать.

Опускается тюлевый занавес. В сумраке тонут фигуры миссис Маргет и Мадлен Жеро, и начинается пятая картина.

Картина 5

Луч прожектора высвечивает на тюлевом занавесе надпись: «Восточная Европа». В оркестре на фоне зловещих грозных нот, которые мы слышали перед началом четвертой картины, растет призыв к борьбе, вера в победу, вечное, неиссякаемое стремление человека к счастью. Вновь возникший поток звуков борется с грозными мрачными нотами, которые еще властно звучат в оркестре.

За тюлем возникает трактир в горной деревушке Дорожаны. Вдали видны высокие скалы.

Уходит тюлевый занавес. За столиком в трактире староста и Вашек играют в домино. За другим столиком — Лукаш, перед ним кружка пива. У стойки — трактирщик с газетой.

Вашек. Вот в городе у хлебных лавок с ночи
Народ толпится...

Староста *(кладет кость)*. Я кладу пятерку.
А в Дорожанах лучше? Семена
Везем в помол. А что мы сеять будем?

Лукаш. Зерно припрятали, вот хлеба-то и нет.

Староста. А кто припрятал?

Лукаш. Может быть, и ты.

Староста. Как говорит! Как говорит! И с кем?
Со старостой! *(Вашеку.)*
Ты так, а я вот этак...

Кладет кость.

Трактирщик. Н-да, довели отечество до ручки
Правители!

Лукаш. Кого ругаешь? Ты же
Социалист. Не ваши ли министры
Хозяйством правят?

Староста. А премьер-министр?
Он — коммунист, он ваш, чего смотрел он?

Трактирщик. В газетах пишут: из-за океана
Уполномоченный Ральф Андерс прилетел
В столицу к нам. Вот договор подпишут —
Ешь не хочу.

Вашек. Дай, господи!

Лукаш. Э-эх ты,
Бедняк-темняк! Им только палец дай —
Так по плечо они отхватят руку!
Вот это старосте с трактирщиком, пожалуй,
И на руку...

Трактирщик. Как только твой язык
Такое вымолвил!

Лукаш. Когда здесь немцы были,
То всех крестьян из Дорожан они
Прочь выгнали. А ты в трактире фрицев
Кормил-поил. Здесь пес фашистский Шранке
Твой шнапс хлестал да «хайль» кричал, а ты...
Ты спину гнул да задом тряс и деньги
В кубышку клал... *(Трактирщику и старосте.)*
Теперь за океаном
Хозяев ищете! Мы—коммунисты...

Староста. Ах!
Мы — коммунисты! Завелась в селе
Одна овца паршивая и блеет.

Кладет кость.

Вашек. Тебя послушаешь — и этот враг и тот.

Показывает на трактирщика и старосту.

Кругом враги. А староста мне нынче
Ссудил деньжат...
Староста. Слыхал?
Лукаш (*Вашеку*). Эх ты, карась!
У щуки просишь помощи!
Староста. Я щука!
Ну погоди, вот вышлю я тебя
Из Дорожан.
Лукаш. Что-о! Ты? Меня?!

Вскочил, положил руку на пистолет, висящий на поясе.

Староста. Оружье?!
Кто разрешил тебе носить его?
Отдай! Отдай!
Лукаш (*показывая на скалы*).
Скорее рухнут скалы
Таросского ущелья, чем я его
Отдам тебе.
Староста. Вы слышите, он мне
Не подчиняется!
Лукаш. Мне этот пистолет
В подарок дал советский офицер...
Он здесь под Дорожанами сражался
За нашу землю.
Трактирщик. Бабушкины сказки!
Нас, видите ли, русские спасли!
Да кабы не союзники...
Вашек. Мартин,
Ты это брось. Я русских сам встречал
В горах Таросских на границе нашей.
Лукаш (*трактирщику*). Слыхал? Не нравится?
Трактирщик. Да замолчи ты, хватит!

Трактирщик включает радио.

Радио. На заседании Совета Министров министры-коммунисты, несмотря на острый продовольственный кризис, отвергли помощь, предложенную прилетевшим из-за океана Ральфом Андерсом. Министры-социалисты подали в отставку.
Трактирщик. Ну что, Лукаш! Премьер-то ваш оставил
Без хлеба нас?..
Староста. А русские дружки
Не помогли...
Лукаш. Да как тебе не стыдно
Так говорить! Ведь Гитлер полстраны
Пожег у них.
Вашек. Союзникам-то, значит,
Покажем зад, а жрать что будем, а?

Грозит репродуктору.

Хозяева!
Радио. Слушайте экстренное сообщение. На заседании палаты премьер-министр заявил, что в результате переговоров в Москве Советское правительство отправило в нашу страну эшелоны с пшеницей. Первые эшелоны уже подходят к нашей границе. Их сопровождает делегация советских колхозников.

Музыка.

Лукаш. Ну, кто помог нам? Знаю, трудно им,
Ведь у себя, наверно, оторвали
Они кусок, а помогли.
Вашек. Слыхали?
Вот русские опять, как в сорок пятом,
Пришли на помощь.
Лукаш. Скоро эшелоны
Через Таросское ущелье в Дорожаны
Пройти должны.
Вашек. Гостей нам встретить надо!
Староста. Какая встреча? Нет распоряженья.
Лукаш. И без тебя мы соберем народ.
Вашек. Идем, Лукаш!
Лукаш. Пошли!

Лукаш и Вашек уходят.

Староста (*в сторону репродуктора*).
Сороки чернохвостые! Ведь вот
Протесты пишут, подают в отставку.
А коммунисты под носом у них
Раз-два — и нету голода!
Трактирщик. Не зря
Вчера на пограничную заставу
Пришел отряд усиленный. Боятся,
Чтоб на границе с этим эшелоном
Чего-нибудь такого не случилось...
Староста. Дай бог, дай бог!
Трактирщик. Бог что, он далеко.
На бога-то надейся, да и сам...
Как он сказал? Скорее рухнут скалы
Таросские... Ну, ну... А если рухнут?
Староста. Ты... ты о чем?
Трактирщик. Так, ни о чем.

Староста. Пойду.
Народ, наверное, волнуется, шумит.

Староста уходит. Трактирщик убирает со стола. Входит человек. Он одет, как ремесленник. Шляпа низко надвинута на лоб. Трактирщик пристально смотрит на него. Человек снял шляпу. Это Рунге.

Рунге. Привет от Стефана...
Трактирщик. Привет. А где
Божена?
Рунге. Божена в Ружицу уехала, к сестре.
Трактирщик. Вы посланы Густавом
Шранке?
Рунге. Да.
Меня зовут Ян Плушек. Получили
Инструкцию?

Трактирщик утвердительно кивнул головой.

Сегодня ночью должен
Пройти через ущелье эшелон.
Рубильник где?

Трактирщик подошел к стене, на каменном выступе которой грубо высечен барельеф — пивная кружка, нажал кнопку, барельеф отошел в сторону, за ним — рубильник.

Трактирщик Вот здесь.
Когда у нас
Немецкая была погранзастава,
Тут Шранке жил. Я должен был
ущелье
Взорвать тогда, но провод
повредили.
Сейчас его восстановили мы.
Рунге. Запомните, как только эшелон
Войдет в ущелье *(жест в сторону скал)*,
На белых скалах
Взлетят ракеты, и тотчас же мы
Включим рубильник. Я ночую
здесь.
Опасно?
Трактирщик. Нет. Частенько
у меня
Прохожие ночуют.

Входит староста.

Староста. Вся деревня
Шумит о встрече... *(Увидел Рунге.)*
Это, это кто?
Трактирщик. Тсс, староста!
Из Вестера, Ян Плушек.
Его сюда направил Шранке...
Староста *(обрадованно)*. Да?..

За окном шум.

Рунге. Что там за шум?
Староста *(взглянул в окно)*.
Народ идет сюда...

Вбегают крестьяне, с ними Вашек. Все возбуждены.

Иозеф. Эй, староста, сейчас
с погранзаставы
Звонили — первый эшелон уже
К границе подошел.
Гаек. И через час
Он будет здесь.
Трактирщик. Как через час?

Рунге взглянул на трактирщика. Тот осекся.

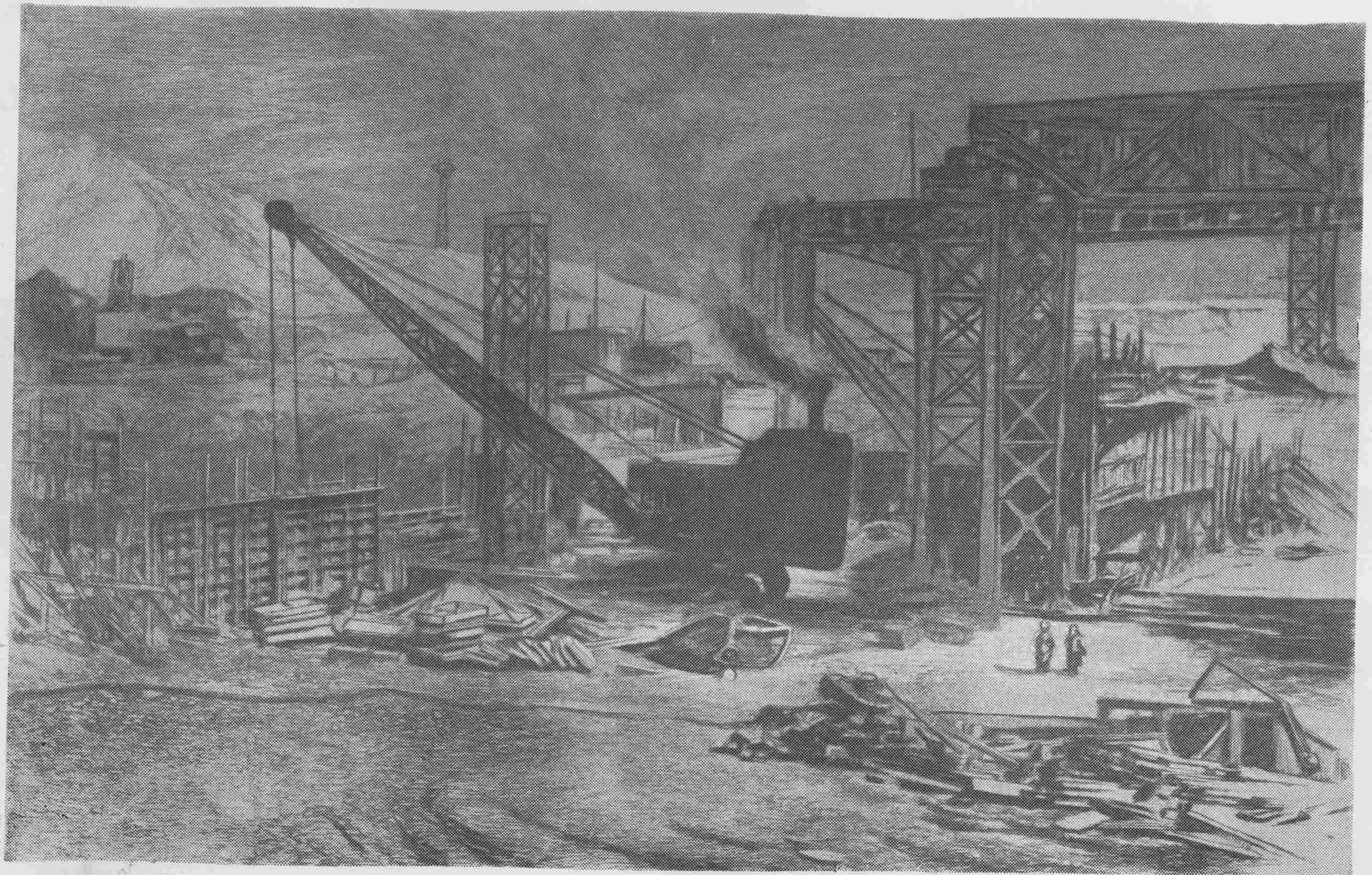
Ружена. Нам надо
Хлеб-соль готовить!
Янек. Пивом и сливянкой
Их угостить!
Анча. А ты сидишь в трактире!

Вбегает Лукаш.

Лукаш. Эй, кто тут есть? Скорей идем на
площадь!
Староста. Молчать, Лукаш! Здесь
староста не ты,
А я! *(Схватил Лукаша за руку.)*
Лукаш. Оставь! *(Оттолкнул старосту, повернулся и очутился лицом к лицу с Рунге. Выхватил пистолет, направил его на Рунге.)*
Эй, руки вверх!
Трактирщик. Да что ты!
С ума сошел? Напал на
человека...
Грозит оружием...
Лукаш. Да человек ли то...
(К Рунге.)
Дай документ.
Староста. А ты какое право
Имеешь требовать? *(Рунге.)*
Где документ?
Рунге *(дает документ)*. Изволь.
Староста *(глядя на документ)*.
Из Вестера, сапожник Плушек.
Что же,
В порядке все.
Лукаш. Не Плушек то, а Рунге!
Фашистский пес! Эй, рук не
опускай!
Староста. Чего стоите? Видите —
рехнулся!
На человека честного несет
Напраслину...

Слова старосты подействовали на крестьян. Кое-кто бросился к Лукашу, чтобы заставить его опустить пистолет.

Гаек. А это мы проверим.
(Лукашу.)
В чём дело, ну?
Лукаш. Три года я сидел
В Майданеке, и этот негодяй —
Начальник лагеря, фашист
немецкий — Рунге

В котловане Ангаргэс.

Офорт на меди *Б. И. Лебединского.*
(Экспонирован на выставке Советской графики в Стокгольме).

Морил нас голодом, травил нас в душегубках,
Живыми в землю зарывал... У-у, сволочь!

Рунге. Да как ты смеешь так меня позорить?
Вот документы!

Гаек. Документы что!
Бумага!

Трактирщик. Люди! Плушека я знаю,
Мы до войны с ним в Ружице встречались...

И снова слова трактирщика заставили крестьян поверить, что Лукаш ошибся.

Первый. Лукаш ошибся.

Второй. Путаешь, Лукаш!

Третий. На человека зря несешь. Ты слышал,
Трактирщик с Плушеком встречался до войны.

Лукаш. Он врет!

Трактирщик. Я вру! Слыхали, что он брешет!

Гаек. Постой, постой, Лукаш, скажи, какие
Улики есть?

Лукаш. Здесь на руке у Рунге
Пятно родимое. Мы в лагере его
За это меченым прозвали.

Все бросились к Рунге.

Первый. Покажи!

Схватил Рунге за руку, засучил рукав. И все увидели на руке Рунге родимое пятно.

Глядите все!

Второй. Попался, гад!

Иозеф *(вынул из кармана Рунге пистолет)*.
Эй, люди!
Вот пистолет!

Рунге связывают, сажают на скамью. Трактирщик, воспользовавшись суматохой, выпрыгивает в окно.

Лукаш. Защитник-то сбежал!
Догнать его!

Часть крестьян уходит.

Сейчас же обыщите
Трактир от чердака и до подвала!

Часть крестьян уходит в заднее помещение трактира. Староста хочет уйти. Лукаш остановил его.

Не уходи!

Староста. Ты не имеешь права
Задерживать. Ведь я тут ни при чем.

Лукаш. При чем иль нет — мы после разберемся.

Входит Иозеф, вносит гранаты.

Иозеф. Лукаш! Лукаш! В картофеле нашли мы
Гранаты. Вот!

Входит Янек, в руках у него автоматы, кинжалы.

Янек. На чердаке он спрятал
Оружие: кинжалы, автоматы...

Вбегает Гаек. За ним — Анча. В руках у нее пустой мешок.

Гаек. Зерно! Зерно! В амбаре есть тайник,
А в нем пшеница!

Анча *(старосте)*. На мешках с зерном
Твое клеймо!

Ударяет старосту мешком по лицу. Показывает окружающим мешок с клеймом.

Его! Глядите, вот!

Староста. Да что вы, люди! Это клевета!
Тот хлеб не мой...

Все отвернулись от старосты.

Я рос с тобою, Вашек...
С твоим отцом, Иозеф, я дружил...
Вы старостою выбрали меня...
За вас всегда горою я стоял...

Вашек. Не признаем за старосту тебя мы:
В народе голод, хлеба нет, а ты...
У-у, гадина!.. *(Хочет ударить старосту.)*

Лукаш *(Гаеку)*. Возьми двух понятых,
При нем его амбары опечатай,
По телефону вызови с заставы
Солдат сюда.

Гаек уводит старосту.

Хотелось вместе с вами
Друзей советских встретить. Не судьба.

Показывает на Рунге.

Я сторожить его останусь здесь,
А вы идите.

Все уходят.

Так-то, Отто Рунге!
Вот мы и встретились. Зачем сюда пришел?
Уж не хотел ли встречу приготовить
Ты русским братьям? А?
Молчишь.

Слышен далекий гул поезда.

Подходит

К Таросскому ущелью эшелон.

Лукаш подошел к окну. Он стоит спиной к Рунге. Рунге освободил руки. Лукаш обернулся к нему. Рунге сделал вид, что руки у него связаны.

Не нравится? Советский хлеб
идет!..

Гул поезда все ближе и ближе. Лукаш прислушивается.

Все ближе, ближе...

Лукаш снова полуотвернулся к окну. Рунге, улучив минуту, схватил лежащий на лавке кинжал, бросился на Лукаша. Идет борьба. Рунге ударил Лукаша кинжалом. Лукаш упал.

Рунге (*открыл тайник*).
Тихо! Тихо!..
Сейчас сигнал...

Рунге стоит у окна. Между ним и тайником лежит Лукаш. Собрав последние силы, Лукаш взял пистолет, лежащий на полу. Рунге обернулся. Лукаш с трудом поднял пистолет.

Лукаш. Стой, сволочь...
Руки вверх!

Рунге поднял руки вверх.

А-а, гадина! Взорвать хотел...

За окнами вспышка ракеты.

Рунге. Ракета!

Рунге рванулся к рубильнику. Лукаш выстрелил. Рунге упал. Лукаш прислушивается к все приближающемуся гулу поезда...

Лукаш. Идет! Идет!

Вдруг гул смолк, и сразу наступила тишина. Лукаш облегченно вздохнул.

Прошел! (*Взглянул на пистолет.*)
Иван Андреич...
Спасибо, пригодился твой
подарок...

Без сил опустился на пол. Бредит.

Кузьма! Ты здесь? А Вашек где?
Ты видишь?
Враги! Враги! К оружью, взвод,
к оружью!
Пли по врагу! Вперед... вперед...
за мной!

За окном слышится песня «Катюша». Лукаш в бреду полупоет, полуговорит в ритме все ближе звучащей песни.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Лукаш умолк. Но вдали, все приближаясь, звучит:

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

И уже совсем близко.

Выходила...

Лукаш (*приподнялся и поет вместе со все ближе звучащими голосами*)
...Песню заводила...
Про степного...

Входит народ, увидали Лукаша. Песня оборвалась. Все замерли. В мертвой тишине слышен слабый голос Лукаша.

...Сизого орла...

Вашек. Лукаш! Здесь русские...
Лукаш. Хотел взорвать
ущелье...

Из толпы выходит Кузьма.

Кузьма. Лукаш!
Лукаш. Кузьма! Кузьма... Не может
быть!

Кузьма положил Лукаша на лавку, расстегнул куртку. На груди видна ладанка Кузьмы.

Кузьма. Скорее доктора!
Лукаш. Не надо. Поздно...
Друг...
Вот встретились. (*Говорит чуть нараспев.*)
Река с рекой сливается... Гора с
горой встречается. (*Вынул партийный билет.*)
Билет партийный, а кому отдать?
Один я в Дорожанах коммунист...
Да, не сумел...

Иозеф (*делает шаг к Лукашу*). Ты не
один. Меня
Считай за коммуниста.

Гаек (*делает шаг к Лукашу*). И меня.
Вашек. И я, я с ними!
Лукаш. Друг!.. Друзья... Спасибо. (*Дает Вашеку пистолет.*)
Возьми, носи.

Взял ладанку, приложил ее ко лбу.

О-о русская земля!
Кузьма, ты здесь?

Кузьма. Я здесь.
Лукаш. Скажи спасибо
Твоей земле за них, за все...
Прощай...
Мой брат, земляк...

Умирает. Все обнажают головы. Музыка. Торжественные звуки реквиема, поющие о величии смерти во имя жизни. Опускается тюлевый занавес. Луч прожектора высвечивает слова: «Восточная Европа». За тюлем высвечены только Лукаш и группа людей стоящих около него. Свет за занавесом меркнет. Луч прожектора скользит от Восточной Европы к Сибири. В музыке все шире слышится тема всепобеждающей жизни, за которую умер Лукаш.

За тюлем возникает комната в хате-лаборатории в колхозе «По ленинскому пути», и начинается шестая картина.

Картина 6

Комната в хате-лаборатории в колхозе «По ленинскому пути». В комнате Кузьма и Семен. У Кузьмы в руках ладанка Лукаша.

Кузьма. Билет его партийный передали
Музею мы.
А ладанку с землей
Мне отдали...

Сеня. Вот это да! Герой!
Убил шпиона, спас зерно...

Кузьма. Вот, видишь,
Что значит хлеб. Кто знает, может быть,
Среди зерна, которое везли мы,
Была пшеница, собранная нами.

Сеня. Мы комсомольцев соберем, и вы
О Лукаше расскажете. Мы с Машей
Сейчас напишем в клубе объявленье...

Кузьма. Ну что ж, пиши.

Сеня уходит. Входят Караулов и Иванов.

Караулов. А-а, здравствуй, председатель.
Твой агроном поймал меня и сразу
За глотку взял. (*Иванову.*)
Ну, слушаю.

Иванов. Есть много
Неясных и запутанных вопросов.
Чтоб их решить, нужна другая база
Для опытов. Вот я в своей статье...

Дает Караулову журнал.

Караулов. Читал, читал.

Иванов. Недавно агрономам
Доклад я делал. Многие из них
Нам помогают.

Кузьма. Опытники тоже
Нас поддержали.

Иванов. Ведь на станции мы
Сумеем шире опыты поставить.
(*Дает бумаги.*)
Вот план и смета.

Кузьма. Вот записка наша.
Мы просим в ней...

Караулов (*с раздражением*). Пока я отдыхал,
А ты на запад ездил делегатом,
Твой агроном зря время не терял...

Кузьма. Мы на два фронта — он на месте, я...

Караулов. А ты в Москву? Ну, мы об этом после
Поговорим. Записки, планы, сметы...

Взял журнал со статьей Иванова.

Статья! Статья! Вы что же, не читали
Рецензии?

Иванов. Рецензии?

Караулов. Да, да!

Достал из портфеля номер журнала.

Вот свежий номер. Я его в Москве
Позавчера с большим трудом достал.
Послушайте, что пишут... (*Читает.*)
«В своей статье Иванов пытается возродить давно осужденные нашей наукой полубредовые идеи А. С. Корнева. Вызывает недоумение позиция редакции, которая сейчас, когда наша наука ведет победоносную борьбу с реакционными буржуазными учениями в области биологии, нашла возможным поместить эту идейно порочную статью». (*Многозначительно.*)
Порочную и вредную.
И подпись —
Профессор Каратанов.

Иванов (*просматривая статью*).
Фразы, фразы,
А где же мысль?

Караулов (*Кузьме*). Видал, твой агроном
Не любит критики, а критика, она
Нужна, как воздух. И подумать только,
Авторитеты для него ничто.
Профессор пишет, доктор агрохимьи.

Кузьма. А наши опыты...

Караулов. Но в опытах последних,
Как говорят, зерно не дало всходов.

Иванов. Случилось с почвой что-то. На анализ
Мы образцы отправили.

Караулов (*Кузьме*). Вот, видишь?
И так всегда: в эксперименте все
Идет по маслу, а на поле — пшик.

Иванов. Вот мы на станции и сможем провести
Проверку опытом.

Караулов. И вы хотите, чтобы

После такой статьи втянули мы
В работу эту опытную станцию?
Ну, знаете!..

Кузьма. Сергей Петрович...

Караулов. Я бы
На вашем месте, прочитав такое,
Отмежевался от своих порочных,
Идейно вредных взглядов. Да, да, да!

Иванов. Ну что ж. Все ясно. Будем мы искать
Пути другие. Как, Кузьма Никитич,
Ты думаешь?

Кузьма. А так же, как и ты.

Караулов. Хотите действовать помимо нас? Ну что же...

Иванов. Помимо вас? Нет, действовать придется
Нам против вас. До вечера, Кузьма. *(Ушел.)*

Караулов. Каков! Каков! И ты хорош! В Москве
Шумиху поднял. Говорят, в обкоме
Три раза был.
А сколько без меня он
Дров наломал. Кто, кто ему позволил
Доклады делать, подымать шумиху,
Со станцией вести переговоры?

Кузьма. А мы без разрешения.

Караулов. Вот то-то.
Суетесь в воду, брода не спросясь.
А знаешь ты, в связи с рецензией этой
В газете подготовлен фельетон.
Сегодня утром мне его редактор
Дал прочитать. От одного названья
Бросает в пот...

Достал из портфеля фельетон, показывает.

«Алхимики в колхозе
Под покровительством начальника Облзо».
Ты понимаешь ситуацию, а?
Ведь если это попадет в газету,
Придется нам с тобою отвечать.
На конференции трибуну получил он
Для пропаганды чуждых нам идей?
Факт, получил. В теченье полугода
У нас под носом опыты он вел
Порочные и отвлекал вниманье
От нужд насущных. Факт ли это? Факт!
А кто в ответе? Я и ты!

Входит Маша.

Маша. Простите,
Иван Андреич здесь?

Караулов. Он молодежи
Мозги запутал. Мы же не сумели
В суть дела вникнуть, разъяснить народу,
Что эти опыты — пустое прожектерство.

Маша *(возмущенно)*.
Что-о! Прожектерство? Да какое право?..

Караулов *(волна раздражения захлестнула его. Кузьме)*.
Видал, заступница! *(Маше.)*
А за кого, скажите,
Вступаетесь? *(Кузьме.)*
Я говорил тебе,
Предупреждал.

Кузьма. О чем?

Караулов *(показывая на портрет Маргета)*.
Дружок за океаном.
Из Франции письма.

Кузьма. Что-то не пойму,
К чему вы клоните.

Караулов *(достает иллюстрированный журнал)*.
А ты вот это видел?

Кузьма. Очки забыл...

Караулов. Неважно. С кем он снят?..
Миллиардер.
В Москве такие слухи
Идут о нем...

Что-то тихо говорит Кузьме. Маша прислушивается.

Маша. Да что же... Что же это!

Караулов. А то, что мы про бдительность забыли.
Иванов же...

Маша. Как смеете о нем
Так говорить!

Караулов. Ну, девушка, без крика!

Маша. Кузьма Никитич, что же вы молчите?

Кузьма молчит.

Неужели вы... *(Не смогла кончить, выбежала.)*

Караулов. Не девушка, а порох.

Вся вспыхнула. Уж нет ли между
ними
Чего-нибудь?

Кузьма. Да что вы!

Караулов. Все возможно.
Хорош ты будешь, если у тебя
Под носом бытовое разложенье.

Кузьма. Сергей Петрович!

Караулов. Ладно, прекратим.
Вполне возможно, этот фельетон
В бюро обкома будет
обсуждаться
На этих днях. Ты чуешь?

Кузьма. Ну и что же?

Караулов. Как это что! А мы какие
меры
Предприняли?
Ну что же, председатель,
Теперь ты скажешь?

Кузьма. Думаю.

Караулов. Не думать,
А действовать нам надо.

Кузьма. И какой
Совет дадите?

Караулов. Надо нам найти
Позицию. Ты понял?

Кузьма. Понимаю.
Какую же?

Караулов (*показывая на записку*).
Записку эту спрячь.

Кузьма. Зачем же прятать?

Караулов. Будто ты ее
И не писал.

Кузьма. Так, так, а что же
дальше?

Караулов. Он на дыбы.

Кузьма. Еще бы!

Караулов. Заявленье
Подаст тебе. Освобождай и сразу
Мне напиши записку докладную.

Кузьма. О чем записку?

Караулов. Дескать, так и так,
Мы не сработались и прочее...
Я тотчас
Иванова отсюда отзову.
И всю исторью с опытами мы
На тормозах опустим. Докладную
Я набросал.

Кузьма. Так вот, Сергей Петрович,
Записку эту прятать я не буду
И в докладную подписи не дам.

Караулов. Так не подпишешь?

Кузьма. Я, Сергей Петрович,
Привык ходить не тропками
кривыми,
А большаком. Вот если б я
увидел,
Что опыты — нестоящее дело,
То я бы прямо, без обиняков,
сказал ему.
А хитрости, подвохи нам не
к лицу.

Показывая на иностранный журнал.

Тому, что пишут здесь, не верю я.

Караулов. Не верит!

Кузьма. Мы с ним вместе
воевали:
От Сталинграда до Берлина шли.
Да как же я могу его так с маху
Врагом признать?

Караулов. Все понимаю, все!
Да, нелегко. Дружили, воевали,
Но совесть-то партийная твоя
Тебе должна другое подсказать.

Кузьма. А у меня, Сергей Петрович,
совесть
Одна, не две...

Караулов. Смотри, не просчитайся.
Ты на виду. В Москву тебя на
съезд
Послали мы. Доверили тебе
Поехать в Прикарпатье
делегатом...

Кузьма. К чему вы это?

Караулов. Мы тебя хотели
В герои двинуть, ну, а если, если
Окажется, что у тебя под боком...
Сам понимаешь.

Кузьма (*сжав кулаки.*) Ох, Сергей
Петрович!
Да за слова за эти... я бы вас...

Караулов. Вот ты какой! Ну что же,
поступай
Как хочешь. Я тебя предупредил.
В правленьи буду. (*Уходит.*)

Кузьма. Слякоть.

Сидит в глубоком раздумье. Входит Маша.

Не видала
Ты агронома?

Маша. Нет, Кузьма Никитич.
Что делать будем?

Кузьма. Подбери бумаги
Об опытах, и завтра мы втроем
Поедем в область. Будем воевать.

Маша (*радостно*). Так значит, вы... Так
вы, Кузьма Никитич...

Кузьма. А то и значит: за пять лет войны
Привык я, Маша, верить не
бумаге,
А человеку.
Где Иван Андреич?

Маша. На ферме он.

Кузьма. Пойду поговорю.

Уходит. За окном слышатся звуки баяна, песни.
В окне Сеня.

Сеня. Ты что же, Маша?
Слышишь? Песни, танцы,
А я один...

Маша (*подбирая бумаги*). Мне, Сеня, не
до песен.

Сеня (*влез через окно в комнату*).
А что случилось?

Маша. Знаешь, Караулов
О наших опытах такое говорил,
Шумел, кричал, грозился, что
работать
Не даст нам дальше...

Сеня. Да какое право
Имеет он!

Маша. Он говорил еще...
Но это только, Сеня, по секрету.
(*Шепчет на ухо.*)

Сеня. Да?.. Жуткая исторья! Заграница
Мешается в Андунские дела.
А как же вы решили поступить?

В дверях Иванов. Сеня и Маша не видят его.

Маша. Поедем завтра в область.

Сеня. Тоже мне,
Решение!
А вот на мой характер
Я поступил иначе бы. Не так?
Не доверяете? Не надо. Ухожу!

Иванов. Щенок! Мальчишка!

Маша. Ох, Иван Андреич!

Иванов. По-твоему, мне надо бы сейчас
Обидеться, махнуть на все рукою,
Удрать в кусты?

Сеня. Иван Андреич, я...

Иванов. А на кого обидеться, скажи?
На власть советскую, на партию?
Они
Меня в колхоз послали. Перед
ними
В ответе я.

Сеня. Но, если Караулов...

Иванов. Что Караулов? Он просчет,
ошибка!
Сорняк без корня! Но вот, если я
Оставлю опыты, уйду, то
Караулов
Доволен будет. Ты же хочешь,
чтобы
Я перед ним трусливо поднял
руки.
Работа наша — это новый вклад
В великую борьбу за изобилье.
Во имя изобилья наши люди
На древние нетронутые земли
Ведут поход. Во имя изобилья
Работают ученые, шахтеры,
Колхозники. И с теми, кто
мешает
Идти вперед, будь это Караулов
Иль кто другой, партийный долг
велит
Бороться нам.

Сеня. Я ж понимаю!

Иванов. Нет,
Не понимаешь ты, что мы
в большом ответе
Перед страною нашей, перед
миром.

(*Берет из витрины ладанку Лукаша.*)

Сеня. Иван Андреич!

Иванов. Ты не понимаешь,
Как сложно все, как в нашем
тесном мире
Все связано — Андун и
Прикарпатье,
Кровь Лукаша из дальних
Дорожан
И грязная возня за океаном.
Все сплетено. Вот мы с тобой
в Сибири
Работаем, а за трудом твоим,
Моим, ее — весь мир следит.

Сеня. Но я же...
Иван Андреич, я же не хотел...

Иванов. Я помню, нынче осенью,
в уборку,
Когда за каждого дрались мы
человека,
Хотел сбежать...
Тогда я заявленье
Твое припрятал. (*Достает из стола заявление.*)
Вот оно, бери
Его себе. При первой же обиде
Им козыряй.

Сеня. Ну нет, Иван Андреич,
За это заявленье от стыда я
Готов сгореть...

Иванов. Вот это хорошо!
Как, Маша, думаешь, порвать
его?

Маша. Порвите!

Иванов. Тогда порвем! (*Рвет заявление.*)
Сейчас с Кузьмою мы
Договорились. Завтра к утру,
Маша,
Снять надо копьи с наших
протоколов.
Успеешь ли?

Сеня. Я помогу.

Маша *(собирая бумаги)*. Успеем.

Иванов. Ну, в добрый час!

Сеня и Маша уходят. Иванов стоит перед портретом Корнева.

Вот жизнь Андрей Сергеич!
Кто б мог подумать, что в селе сибирском
Впервые в мире мысли ваши дали
Чудесные, невиданные всходы.
И весть об этом темными путями
Ушла туда, в далекий, чуждый мир...
За океан.

Входят Караулов и Кузьма. В руке Караулова письмо.

Караулов. Ну вот, пришел в правленье
Ответ лабораторьи. Полюбуйтесь,
Что пишут в нем. *(Читает.)*
«Анализ посланных вами образцов земли показал полное разрушение почвы».

Иванов. Не может быть! *(Берет письмо.)*

Караулов *(Кузьме)*. Чем это пахнет, а?

Иванов. Так вот причина, почему зерно
Четвертый раз не дало всходов! Значит,
Я за три урожая у земли
Взял соки все, все силы, и теперь
Она мертва, она мертва, как пепел.

Караулов. Новаторы! Нам надо, чтобы почва
Теряла силу? На руку кому
Открытье это? Надо разобраться.

Иванов. Мертва, мертва.

Караулов. Ну, что теперь ты скажешь?

Кузьма. А то, что не при всякой неудаче
Теряться надо. *(Иванову.)* Нужно нам сейчас...

Караулов *(возмущен)*. Ну, знаете!

Входит Маша.

Маша. Кузьма Никитич, срочно
Вас к телефону требует обком.

Караулов. Тебя обком, ну, значит, на бюро
Стоит вопрос. Пеняйте на себя.

Все, кроме Иванова, уходят.

Иванов. Так неужели Каратанов прав?
И весь наш труд... Но нет, не может быть!
Ведь в эти годы на моем пути
Не раз встречались трудные задачи.
Порой казалось, я попал в тупик
И нету выхода. И каждый раз я снова
Путь находил. И вот сейчас... А если
Задачу эту разрешить нельзя,
То ведь тогда... А я мечтал, я думал...
И вот все рушится.

Опускается тюлевый занавес. За ним виден Иванов. Меркнет свет. Опускается основной занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

Картина 7

Тюлевый занавес. Луч прожектора высвечивает на карте надпись: «Москва». Музыка, полная спокойного величия и уверенности в будущем. За тюлем возникает большой кабинет. Простой, удобный стол, стулья, справа вертушка с книгами. Вдали панорама Москвы. В кабинете Климов и Каратанов.

Каратанов. Иванов на совете института,
Ссылаясь на ходатайство обкома,
Настаивал, чтоб мы его работу
Включили в план.

Климов. А с опытами вас
Знакомил он?

Каратанов. Знакомил.

Климов. Ну и что же
О них вы скажете?

Каратанов. Но это же не ново.
Такие опыты у нас и за границей
Пытались ставить.

Климов. Да?

Каратанов. И кой-кому,
Подхлестывая почву, удавалось
Ускорить рост. На практике, увы,
Все эти опыты кончались
неудачей.

Климов. На практике. Но, может быть, они
Обогащали чем-то наши знанья
И помогали глубже проникать
В законы роста?

Каратанов. Кой-какие крохи
Из наблюдений этих, может быть,
Войдут в науку. Но, простите, я
отвлекся.

Климов. Да, мы отвлеклись.

Каратанов. Иванов
Кладет в основу опытов своих
Ученье Корнева.

Климов. Он Корнева зовет
Своим учителем.

Каратанов. А корневские взгляды
Давным-давно осуждены в науке,
Как поздняя отрыжка
вейсманизма.
Как гражданин и как ученый я...
Я не имею права допустить,
Чтоб институт, руководимый
мною,
Стал очагом публичной
пропаганды
Антинаучных взглядов и тем
более
Сейчас, когда...

Климов. Я слушаю.

Каратанов. Статья
Иванова в кругах реакционных
За океаном поднята на щит.

Климов. За океаном?

Каратанов. Да.
Известный вейсманист
Профессор Гарман выступил
в защиту
Иванова. Вот что о нем он пишет.
(Вынимает из портфеля журнал, читает.)
Ну, в переводе
это...

Климов *(берет журнал, читает)*.
«Защитник стойкий подлинной
науки
В Стране Советов»...
«...вейсманизм не может
Не победить»... Да-а, это
любопытно.

Каратанов. Вы видите, что общая
оценка,

Конечный вывод, ясно говорят,
Кто опыты Иванова берет
В свой арсенал.

Климов. Мне помнится, что Гарман
Работает в одном из институтов
Мактейлла?

Каратанов. Да. *(Берет со стола протоколы опытов.)*
Я не берусь судить,
Где в этих опытах фантазия и где
Действительность. Но если даже верить
Их опытам и этим протоколам,
То результат практический не может
Не настораживать. Я вам послал на днях
Анализ почвы после обработки
По методу Иванова.

Климов *(берет со стола справку об анализе)*.
Да, да.

Каратанов *(стоя у стола, показывает на справку)*.
Судите сами, что дают в итоге
Эксперименты эти.

Климов. Результат
Убийственный.

Каратанов. Все это лишний раз
Красноречиво говорит, что метод
Иванова и Корнева порочен.
Порочен в принципе. Хочу вниманье ваше
Я обратить на то, что и у нас
Вокруг статьи Иванова газеты
И наши популярные журналы
Шумиху подняли. Кой-кто из молодежи
Эксперименты эти называет
Открытием. И если институт
Поддержит их, то мы в среду ученых
Внесем разброд, сомнения.

Климов. И что же
Вы предлагаете?

Каратанов. Прошу вас поддержать
Решенье института об отказе
Иванову. И думаю: наш долг —
Дать объективную суровую оценку
В открытой прессе всей этой исторьи.

Климов. В газете?

Каратанов. Да. Я написал статью,
И, если вы одобрите, мы в «Правду»
Ее пошлем. *(Дает статью.)*

Климов *(просматривает статью)*.
«Позорный рецидив»,
«Искоренить», «Мичурин», «Дарвин», «Вильямс»...
Н-да *(Прошелся по комнате.)*
Вот вчера Иванов тоже подал
Нам заявление.

Каратанов. В Цека?

Климов. Сибиряки
Народ настойчивый. *(Берет со стола заявление.)*
Он с вами не согласен.

Каратанов. О-о, разумеется! Но думаю, что вы,
Все выслушав...

Климов. Я думаю, полезно
Нам выслушать Иванова. Его
Я пригласил.

Звонит, входит секретарь.

Иванов здесь?

Секретарь. В приемной.

Климов. Так пусть зайдет.

Секретарь ушел.

Каратанов. Простите, я не знал,
Не думал я...

Входит Иванов.

Климов. Входите. Вы знакомы?

Каратанов. Знакомы.

Иванов. Да.

Климов. Я ваше заявленье
И протоколы опытов прочел,
А точку зрения совета института
Мне изложил товарищ Каратанов.
Так вы считаете...

Иванов. Я очень рад, что здесь
Директор института. Я считаю,
Что обсуждения, хотя оно на днях
В совете института состоялось,
По сути не было.

Каратанов. Как не было?!

Иванов. Да, да.
Кто в нем участвовал? Пришли на заседанье
Пять человек. Во время обсужденья
Вы подменили деловой анализ
Тех опытов, которые я вел,
Нападками на Корнева, попыткой
Связать его ученье с вейсманизмом.

Каратанов. Я был обязан указать, где корни
Ошибок ваших.
Иванов. Я же предлагал
Проверить нас, поставить в институте
Ряд опытов.
Каратанов. Но, право, без проверки
Нам ясно все. Достаточно осмыслить
Порочную идейную основу
Всех ваших домыслов, чтоб сделать точный вывод.
Иванов. Но метод наш дал зримый результат!
Каратанов. Что? Результат! Эксперименты ваши
Закончились, как сами вы признали,
Распадом почвы, полным истощеньем
Всех сил ее. И это результат?!
Иванов. Сегодня — да. Но завтра, верю я,
Найдем мы путь.
Каратанов. Ну, вера для науки —
Фундамент шаткий...
Иванов. А дешевый скепсис...
Климов (*прервав Иванова*).
Так вы считаете, что истощенья почвы
Нельзя избегнуть?
Каратанов. Помните, когда-то
Ученые, пытаясь отодвинуть
Границу старости, нашли могучий стимул:
Они подхлестывали дряхлый организм —
Он молодел. Казалось, человек
Вновь обретал утраченные силы.
А вот через полгода — катастрофа:
Упадок сил и гибель. Так и здесь.
Я говорил, подхлестыванье почвы
Вполне возможно. Но несет оно
Не жизнь, а смерть, и это неизбежно.
Иванов. Вы защищаете теорию предела.
Климов (*прерывая Иванова*). Я думаю, что было б несерьезно
На основанье ваших материалов,
Беседы нашей делать заключенье,
Что этот прав, а этот на неверных
Стоит позициях. Но ясно мне одно —
Есть факты новые. О них нам говорят
И протоколы опытов, и письма
Колхозников, и мнение обкома.
А раз есть факты — с ними не считаться
Не можем мы, тем более если
Им удалось во много раз ускорить
Колосьев рост.
Каратанов. Какой ценой!
Климов. Хотя бы
Ценой распада почвы, и тогда
Открытье это — крупная победа
Науки нашей.
Каратанов. Но открытье это
Несет нам смерть!
Климов. Но атом тоже смерть
Вначале нес, и если бы на ваших
Позициях ученые стояли,
То никогда они бы не сумели
Взять атом в плен и приказать ему
Вести на север мощный ледокол
И свет нести в колхозы Подмосковья.
Каратанов. Простите, я...
Климов. Вы в их эксперименты
Не верите? А вот в обкоме верят.
Так, значит, опыты нуждаются в проверке?
А если так, давайте проверять.
Каратанов. Позвольте! Как?!
Климов. Пусть в вашем институте
Иванов метод Корнева проверит.
Вы спорьте с ним, смелее вовлекайте
В дискуссию ученых, молодежь,
Сражайтесь фактами.
Каратанов (*встал*). Ну что же, на совете
Я доложу. Прощайте. (*Идет к выходу.*)
Климов. Вы забыли
Свою статью. (*Дает статью.*)
На вашем месте я бы
Другое дал заглавие.
Каратанов. Какое?
Климов. «Нужны в науке споры, а не окрик».

Каратанов ушел.

Ну, сибиряк, так думаете вы,

Что есть возможность истощенье почвы
Предотвратить?

Иванов. Когда впервые я
Узнал об этом, показалось мне,
Что это крах!

Климов. Ну, а сейчас?

Иванов. Я верю,
Что выход есть. Он должен быть.

Климов. Хотя
В политике, как и в науке, вера—
Фундамент шаткий, все же, признаюсь,
Я верю вам. Вы разбудить сумели
Могучие невиданные силы,
Так справьтесь с ними, подчините их.

Берет со стола заграничные журналы и газеты.

А ваши опыты вниманье привлекли
За рубежом: статьи, заметки, фото,
То похвала, то злая клевета,
А цель одна.
Ведь если мы заставим
Трудиться землю так, чтобы она
За малый труд втройне платила людям,
О-о, это сразу спутает игру,
Которую ведут за океаном
Против народов Азии, Европы
И Африки. Да, им не по душе
Широкий путь борьбы за изобилье,
Борьбы за мир.
Мы из работы вашей
Секрета бы не делали. О нет,
Я думаю, что мы о ней открыто
Сказали бы народам всей планеты.
И вот тогда... Я вам кажусь, наверно,
Смешным немного: старый большевик —
И размечтался. Знаете, я вспомнил
Двадцатый год. Голодная Москва...
В то время я в Кремле служил, в охране
У Ленина. Однажды в Кремль приехал
Герберт Уэллс. После беседы с ним
Ильич встречался с группой комсомольцев.
Я был на встрече... *(Взял со стола фотографию.)*
Вот, взгляните, снимок:
Ильич беседует с безусым комсомолом.
Да-а, много лет прошло с тех пор, а мне,
Мне кажется, что как сейчас я слышу
Речь Ильича.

Свет в комнате меркнет. Вдали в луче света возникает Ленин.

Ленин. Я только что встречался
С известным английским писателем Уэллсом.
Спросил меня он, правда или нет,
Что мы сейчас в голодной, полунищей
России трудимся над грандиозным планом
Строительства электростанций. Я
Ему ответил: это правда. Он
Назвал меня мечтателем. Ну что же,
Я думаю, что наша сила в том,
Что мы умеем пламенно и страстно
Мечтать о будущем и драться за него.
История пред вашим поколеньем
Поставила огромные задачи.
Вы коммунизм построите. Вам нужно
Уметь мечтать и, рук не покладая,
Трудиться вдохновенно, чтоб приблизить
День завтрашний.

Речь Ленина обращена прямо в зрительный зал. Во время последних слов включается свет. Комната снова становится обычной.

Климов *(Иванову)*. Все то, что нужно для работы вашей,
Мы сделаем.

Иванов. Все силы я отдам,
Чтоб оправдать доверье и поддержку.

Климов. Так в добрый час! Боритесь за мечту!

Опускается тюлевый занавес. Музыка. В поток мощных призывных созвучий то и дело врываются зловещие, грозные ноты. Луч прожектора скользит от Москвы к берегам материков Америки. За тюлем возникает комната в загородном доме Мактейлла.

Уходит занавес, и начинается восьмая картина.

Картина 8

На фоне цветущего сада часть роскошной комнаты в загородном доме Мактейлла. В центре стол, на нем три телефона. Около кресла столик с лекарствами. Почти вся задняя стена скрыта портьерой-гобеленом. Возле стола стоит сестра. Входит доктор Торн. Он поседел.

Сестра. Мистер Мактейлл не раз просил узнать,
Когда вы будете.
Торн. Я не домашний врач,
И не могу торчать здесь днем и ночью.
Сестра. Вы знаете, он верит только вам.
Когда после событий в Прикарпатье
Сердечный приступ с ним случился, вы
Спасли его.
Торн (*увидел телефон*). Послушайте, сестра!
Здесь телефоны. Я же двадцать раз
Вам объяснял...
Сестра. Они отключены.
Торн. Ни телефонов, ни газет, ни книг.
По телевизору эстрадные программы,
И никаких волнений, а не то
За жизнь его ручаться не могу я.
Сестра. Вот здесь позавчера установили
Телеэкран.

Чуть раздвигает занавес-гобелен. За ним огромный, почти во всю стену экран.

О-о, в целом мире нет
Экрана больше. Стоит он...
Торн. Наверно
Не менее, чем вся моя больница.
Сестра. Мактейлл богат, и может он позволить...
Торн. Богат, богат... Я знаю, в этой вилле
Полсотни комнат.
А в поселке люди
Живут в лачугах. Ах, сестра, как часто,
Прописывая капли и микстуры,
Я думаю, что наше врачеванье —
Обман и чушь. О, если бы я мог
Писать в рецептах: мясо, масло, хлеб,
И досыта!
Сестра. Да! (*Оборвала сама себя.*)
Что вы говорите!

Входит Андерс в дорожном костюме.

А-а, мистер Андерс! Вы забыли нас.
Андерс (*здороваясь*). Я очень занят.
Сестра. О, еще бы!
Андерс. Как
Здоровье дяди?
Торн. Лучше, много лучше.
Андерс. Где он сейчас?
Сестра. Гуляет в парке.
Андерс. Я
Пройду к себе. (*Ушел.*)
Торн. Не очень-то, сестра,
Племянника обрадовали мы...
Сестра. Ну что вы!
Торн. Он — единственный наследник,
Наверно, спит и видит... (*Вынул часы.*)
О-о, уже
Одиннадцать!
Сестра. Что за брелок у вас?
Торн. Осколок от фашистского снаряда.
Им ранен был советский офицер.
Сестра. Сегодня напечатано в газете,
Что русские...
Торн. На блюдцах прилетят
За океан? И сразу же устроят
Здесь революцию. О нет, сестра, они
По горло заняты.
И право же, газеты
Болтают зря.
Сестра (*испуганно.*) О доктор, ради бога!

Входит Мактейлл.

Мактейлл (*делая приветственный жест Торну*).
А-а, вы опять пугаете сестру?
Не отпирайтесь. Я же знаю, Торн,
Вы — радикал. Да, да! А мы с сестрою,
Мы консерваторы. Я ждал вас утром.
Торн. Но
Есть у меня другие пациенты,
И, право же, вливание сейчас
Сестра могла бы делать.
Мактейлл. Мы, больные,
Немного суеверны. К жизни вы
Меня вернули.
Торн (*сестре.*) Приготовьте шприц.

Сестра ушла. Доктор слушает пульс.

Мактейлл. Вы любите работу вашу, доктор?
Торн. О да, люблю. Я вижу результаты.
Но иногда противно.
Мактейлл. Да?! Противно?
Торн. Что ж, пульс хорош. (*С новым приступом раздражения.*)
Да, да, противно, мерзко!

Рецепт напишешь, а у пациента
Ни цента нет, чтобы купить
лекарство.

Мактейлл. Наверно, вы профессию
моювый
Не одобряете?

Входит сестра.

Сестра. Вот шприц и спирт.

Торн. Чудесно.
(Делает укол.)
Не больно?

Мактейлл. Нет.

Торн. Возьмите шприц, сестра.

Сестра уходит. Торн слушает пульс.

Мактейлл. А знаете ли, доктор,
я моложе
Вас выгляжу, хотя меня вы
младше.

Торн *(кончая слушать пульс)*.
Ну, все в порядке. Год тому
назад
Я поседел. Нелегким для меня
Был этот год...

Мактейлл. А для меня, пожалуй,
Он был удачен: в Индии резко
вырос
Спрос на пшеницу, и вот мы тогда
Хотя и с опозданьем, но пришли
На помощь к ним.

Вошла сестра.

Торн *(помрачнев)*. Да, в том году,
я помню,
Был сильный голод в Индии.
Простите,
Мне нужно вымыть руки.

Торн ушел.

Мактейлл. Чем-то он
Взволнован. Вы не знаете,
сестра,
Что с ним случилось год тому
назад?

Сестра. Тогда он в Индии служил
врачом.

Мактейлл. И что же?

Сестра. И в Индии голодный тиф унес
Жену и сына.

Мактейлл *(набожно)*. Неисповедимы
Пути господни, но не смеем мы
Роптать на волю божью.

В дверях Андерс.

Мактейлл. Входи.

Андерс входит. Мактейлл говорит сестре.

Скажите Торну, в полдень при-
глашаю
Его и вас на телепередачу.

Сестра уходит.

Андерс. Вам нужно пригласить
специалиста.
Ведь этот сельский эскулап...

Мактейлл. Молчи.
Торн — славный малый
и отличный врач.
Ведь если бы не он, то наш
концерн
Сейчас не я, а ты бы возглавлял...

Андерс. Бог знает, что вы говорите,
дядя!

Мактейлл. Не думал я, что выживу.
Удар,
Который нанесли нам
в Прикарпатье,
Был не из легких. Скоро сорок
лет,
Как мы с коммунистической
заразой
Ведем борьбу. А все попытки
наши
Кончаются не так, как мы хотим...
Вот в восемнадцатом году
пытались мы
Блокадой, голодом, оружьем
задушить
Большевиков. А кончилось
все это
Позорным крахом. Над одной
шестою
Земного шара красный флаг
взвился.
Нас разгромили. В сорок первом
Гитлер
Напал на них. Мы думали, что
рухнет
Советский строй. И что ж? —
После войны
Полмира встало под знамена
красных.
Боюсь, что после третьего удара...

Андерс. Ах, право же, вы до сих пор
вели
Полуборьбу. Нужны не полумеры.

Мактейлл. А что же нужно?

Андерс. Было время, мы
Одни владели атомною бомбой.
И вот тогда...

Мактейлл. Мне нравится,
что ты
Так говоришь. Ну что же, может
быть...
(Взглянул на часы.)

О-о, скоро полдень!

Включил телевизор. Экран засветился легким голубоватым сиянием.

Ну, а в институте
Что нового? Открыли вы секрет
Иванова?

Андерс. Да, это удобренье
Мы изготовили. *(Достает пробирку.)*
Вот образец его.
Вы знаете, действительно оно
Дает возможность резко ускорять
Рост колоса.

Мактейлл. Но если это так,
То русские тогда своей пшеницей
Мир наводнят. И ты молчал об этом!..
(Мактейлу нехорошо.)
Дай капли мне...

Андерс подает капли.

Какие меры вы
Предприняли?

Андерс. Но, дядя, вы напрасно
Волнуетесь. О, русские не смогут
Использовать открытье.

Мактейлл. Почему?

Андерс. По нашим данным, это удобренье,
Когда его повторно применяют,
Приводит почву к полному распаду.
Как видите, открытье не имеет
Значения.

Мактейлл откинул плед, встал.

Мактейлл. Щенок! Слюнтяй!

Андерс *(возмущен)*. Но, дядя!

Мактейлл. У нас в руках великое открытье.
В десятки раз нам надо увеличить
Те силы тайные, которые несут
Распад и гибель. Надо отыскать
Пути и средства, чтоб могли мы землю
В любой из стран бесплодной сделать. Джим,
Машину мне! *(Андерсу.)*
Мы едем.

Андерс. Что вы!

Мактейлл. Да!
О, если нам удастся то, о чем
Мечтаю я, то страшное оружье
Увидит мир. Ведь в случае войны
Поля Европы, Азии, России
Мы превратим в бесплодную пустыню.

Входит сестра, следом за ней Торн.

Сестра. Мистер Мактейлл, что с вами?

Мактейлл. Уезжаю.

Сестра. О-о, доктор, слышите!

Торн. Да вы с ума сошли!

Дает лекарство.

Лекарство!

Мактейлл. К черту!

Поднял вверх пробирку с образцом удобрения.

Вот мое лекарство.

Вбегает маклер Паркер. Он в расстегнутом пальто, шляпа сдвинута на затылок. Без сил валится в кресло.

Паркер. О-о, наконец! Никак не мог до вас
Я дозвониться. Ну, а вы... вы разве
Не слыхали?

Мактейлл. А что случилось, Паркер?

Паркер. Сегодня рано утром сообщили
По радио, что русские открыли
Какое-то чудовищное средство,
При помощи которого они
В десятки раз повысят урожайность.

Мактейлл. Я знаю, знаю. Применить его
Они не смогут. Это удобренье
В конечном счете разрушает почву.
Открытием воспользуемся мы.

Паркер. А вот сейчас они открыли способ,
Который сохраняет плодородье...

Торн. Ай, русские! Ай, молодцы!

Паркер. С утра
На бирже паника. И акции концерна
Летят к чертям. Около ваших банков
Толпятся люди...

Мактейлл *(пошатнулся)*. Рушится мой мир.
Нехорошо! *(Упал в кресло.)*

Торн. Припадок. Помогите!

Сестра и Торн около Мактейлла. Андерс звонит по телефону.

Андерс. А-а, Гарман, знаю. Надо в институте
Немедленно созвать пресс-конференцию.
Организуйте пару выступлений
Ученых с именем о том, что сообщенье

Советской прессы — агитация,
блеф!

Торн (*подходит к Андерсу*). Он очень
плох.

Андерс (*пожав плечами*).
Но что же делать, доктор?

Торн и сестра уводят Мактейлла. Звонит третий телефон. Андерс берет трубку.

Кто?
Редакция? Что? Появилась книга
Мадлен Жеро о смерти Джеффа
Маргет?
Все обвиненья — клевета! Да, да!
Неубедительно? О, черт!
Опровергайте!
Ну, в крайнем случае, скажите,
что Мактейлл...
Но я, я должен быть вне
подозрений.

Входит сестра.

Сестра. Мистер Мактейлл и доктор
просят вас.

Андерс. Но я не врач... (*Паркеру.*)
Мы едем!

Андерс и Паркер уходят. Сестра опустилась в кресло.

Сестра. Боже мой!

Входит подавленный Торн.

Что, доктор? Что...

Торн. Он только что
скончался...

Часы бьют полдень. Экран начинает светиться все сильнее, и одновременно комната погружается в сумрак. Слышны позывные Москвы. На экране Кремль, крупным планом башня со звездой и мухинская скульптура «Рабочий и колхозница». Крупным планом молот и серп. Музыка.

Сестра. Москва!

На экране диктор.

Диктор. Начинаем передачу для всех телестанций земного шара о новом открытии советских агрохимиков Корнева и Иванова. Товарищи телезрители, мы приглашаем вас в Сибирь на опытную станцию имени Андрея Сергеевича Корнева.

На экране на фоне сибирского пейзажа Иванов.

Торн. Ведь это он!

Иванов. Тысячелетья голод
Бродил по темным нищим
деревням,
Стучался в двери городских
окраин.
Из поколенья в поколенье люди
Мечтали и трудились неустанно,
Чтобы земля давала в изобилье
Свои плоды. И вот в стране
Советской
Мы научились, время обгоняя,
Растить колосья. Семена
пшеницы,
Посеянные нами, через месяц
Дают невиданно богатый урожай.

Во время монолога Иванова на поле появляются всходы. Они растут на глазах, и вот уже в поле колышутся колосья.

Торн (*делая шаг к экрану*).
Камрад! Товарищ!

На экране Иванов, Мадлен Жеро, Кузьма, Маша, Сеня. Иванов обращается прямо к Торну, а затем в зрительный зал.

Иванов. Товарищи, друзья-соземляки!
Советское правительство решило
Открытье наше сделать
достояньем
Всех тружеников Азии, Европы,
Америки, всех братьев и друзей,
Ведущих всенародную борьбу
За дружбу, изобилие и мир.

На экране все участники телепередачи, взяв друг друга за руки, повторяют последние слова:

За дружбу, изобилие и мир!

Радостная, солнечная музыка. Закрывается тюлевый занавес с картой земного шара, и уже не на экране телевизора, а на нем видны огромные, колышущиеся золотые колосья.

ЗАНАВЕС.

Стихи

Инн. ЛУГОВСКОЙ

ГЛАВНЫЙ РАЗГОВОР

Выйди-ка в Кудинскую долину,
На пахучий пашенный простор,
Да пощупай талую талину,
Да послушай вешний разговор!

Вербы — белоснежные барашки —
Вылезли на солнце греть бока,
В отчий край вернувшиеся пташки
Зернами посыпались в луга.

Птичий разговор от гор до гор...
Но не это — главный разговор.

Снова между пашен и черемух,
Растопив безжизненные льды,
Падает, сверкая на изломах,
Голубая молния Куды.

Ты скажи мне, быстрая Куда,
Падаешь, торопишься куда?
Шепчет речка милый разный вздор...
Но не это — главный разговор.

В небе стонут лебеди, как гусли,
Жаворонок колокольчиком висит,
И торчит пеньком оживший суслик,
И полынью ветерок сквозит,

И бормочет глухарями бор...
Но не это — главный разговор.

Перед солнцевсходом и закатом,
В полдень и под лунным серебром
Вдоль долины ходит перекатом
Приглушенный далью вешний гром.

Словно по немому уговору,
Под сквозной утиный перелет
В мареве весны мотор мотору
Свой железный голос подает.

Тишину долины сокрушая,
Эхо посылая через бор,
Разговор идет об урожае...
Вот он —
Главный вешний разговор!

* * *

Крикнет первый гусь и растревожит,
Крикнет и сольется с синевой...
И как будто сердце занеможет,
И в хребты иду я сам не свой!

Чудеса!
Вчера еще под броднем
Снег хрустел, был холодно-красив,
А сегодня стал он прошлогодним,
В тысячи ручьев заголосив.

Прошлогодний, сгибший под сосною,
Не ищу тебя и не найду...
Не люблю я вспоминать весною,
Только — жду,
Всего на свете жду!

Жду, как эха, от всего ответа,
Потому что жить нельзя не ждя, —
Жду от лета золотого света,
От высокой тучи теплого дождя.

Жду, когда из глуби напоенной,
Где туман на пахоту прилег,
Встанет синим миром изумленный,
Жизнью изумленный стебелек.

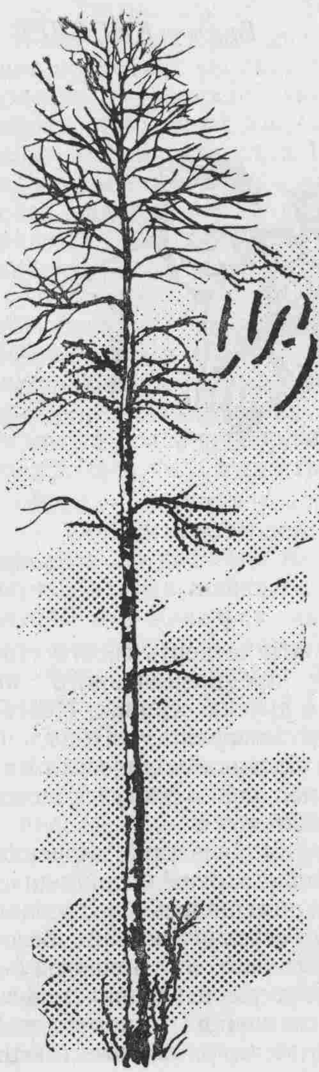
Жду и знаю —
Вон за тем увалом,
Где в кустах клубится полумгла,
Повстречаюсь с чем-то небывалым,
Что весна с собою принесла...

Виктор КИСЕЛЕВ

ШКОЛЬНЫЙ ДРУГ

Мне вспомнилась забытая обида,
Меня разволновавшая до слез.
В подъезде надпись: «Николай + Лида»,
А после знака равенства — вопрос.
Вопрос был в том, что с нами по соседству,
В домишке с палисадом голубым,
Жила-была моя подруга детства,
Красавица из сказок братьев Гримм.
Я был уверен, что никто не видел
Фантазий, увлекающих меня:
Как я дарил бизоньи шкуры Лиде,
Спасал ее от пули и огня,
Водил по сталактитовым пещерам,
Царицей мира водворял на трон...
Я, видно, фантазировал без меры,
Так как без меры в Лиду был влюблен.
Героям Буссенара и Майн-Рида
Своей отвагою утер я нос...
И вот в подъезде «Николай + Лида»,
А после знака равенства — вопрос.
В двенадцать лет серьезные вопросы,
Коль пожелаешь, так легко решишь.
Назавтра Лиду отодрав за косы,
Вернул свой пошатнувшийся престиж.
И я решил: все кончено меж нами.
Быть может, в том не виделось беды,
Что в школу шли мы разными дворами,
В кино садились в разные ряды.
Беда была не в маленьких размолвках,
А в том, что сам себе наперекор
Урок сидел я, словно на иголках,
А в перемену рвался в коридор
И, притаившись у оконной ниши,
Следил, не отрывая зорких глаз,
Кто дверью хлопнул, кто из класса вышел
И кто вошел в соседний пятый класс.
Ее фигурку, блузку, галстук красный
В толпе подруг мгновенно различал.
И день считал потерянным напрасно,
Коль в этот день я Лиду не встречал.
А жизнь листала новые страницы...
И вот уже к концу десятый класс.
Мы двести раз могли бы помириться
И поругаться снова двести раз.
Но этого, к несчастью, не случилось.
Не раз я примирения искал,
Она же не сменила гнев на милость.
А я-то, недогадливый, не знал
Наивного девичьего кокетства,
Когда любовь — забавная игра...
Прошла пора безоблачного детства.
Пришла суровой юности пора.
Мир заключен был ночью на перроне,
Он состоялся в первый день войны...
Навек запомню теплые ладони,
Ее глаза, что горьких слез полны.
Я шел навстречу пламени и стали,
С боями рвался в каждое село.
И вспоминал прощанье на вокзале,
Тепло и слезы, слезы и тепло.
А Лида как? Она осталась дома,
В плену у теток, старых и больных,
Но разве воевавшим незнакомо
Величие тех будней тыловых?
В ночь на дежурство к раненым в палату,
Хотя весь день стояла у станка.
И кровь свою пожертвовать солдату,
Не то ему б не жить наверняка.
И вдруг в солдатском тоненьком конверте
Известие однополчан моих:
«Ваш школьный друг погиб геройской
смертью».
А я ей кто? Не муж и не жених.
Никто тебя, наверно, не осудит,
Что ты меня с войны не дождалась,
Что в наши жизни, в молодые судьбы
Нелепых случаев вмешалась власть.
Оплакав невозвратную потерю,

Ты долго нелюдимою была,
Не сразу в сердце отворила двери,
Не вдруг любовь другому отдала.
А я вернулся в дом, где по соседству,
За палисадом светло-голубым,
Жила теперь моя подруга детства,
Счастливая с избранником своим.
Я встречи ждал с надеждой и опаской.
И этот миг волнующий настал:
Она катила детскую коляску,
В коляске той ее наследник спал.
Цветное шевельнулось одеяло.
Она под спинку подвернула край,
Тихонько имя сына прошептала,
И я услышал: «Коля... Николай...»
То не могло быть просто совпаденьем.
Я все простил, и не было обид.
Тот любит беззаветно, кто рожденьем
Своих друзей погибших память чтит.
Меня, наверно, тоже не осудят
За то, что я не впал в печали мрак.
Я жизнь люблю. И я люблю вас, люди.
Какой я к черту старый холостяк?
Моя жена не показала вида.
Ей ясно, почему и для чего
Мы нашей дочке дали имя Лида.
Она желала счастья моего.
Живут соседи дружно, полнокровно,
Ни ревности, ни подозрений нет.
Уж Лида стала Лидией Петровной,
А я, хоть немудрящий, но поэт.
Растут у нас девчонка и мальчишка.
Растут, переходя из класса в класс.
О них другой поэт напишет книжку,
А я уже кончаю свой рассказ.
Мне старая припомнилась обида,
Когда в подъезде появилось вновь
О наших детях: «Николай + Лида»,
А после знака равенства — «любовь».
Каракули я эти не стираю.
Не стыдно мне. Пусть видит их народ.
Из жизненного опыта я знаю —
Не нам, так нашим детям повезет.
Им, молодым, расти в такое время,
Когда ни войн, ни горечи разлук,
Когда не только в маленькой поэме
Любимым станет первый школьный друг.

Из лирической тетради

Александр ГАЙДАЙ

ЧЕРЕМУХА ЦВЕТЕТ

Тропинка, чуть приметная,
С тобою нас ведет
Туда, где по-над берегом
Черемуха цветет.
Черемуха, воспетая
Поэтами не раз
И все-таки по-новому
Прекрасная сейчас.
Нарядная и статная
В сверкающей росе,
Как будто первокурсница
Во всей своей красе.
Стоит в сиянье радужном,
Гордясь любым цветком,
Вскипает, белопенная,
Под легким ветерком...
В черемуховых зарослях,
Овеянных весной,
Мне оттого так радостно,
Что рядом ты со мной.
Я верю: как товарищи
По жизни мы пойдем,
Под ясными созвездьями,
Под ветром и дождем.
Пусть песней сердце полнится,
И два крыла — в разлет.
Пусть в новых вёснах молодость
Черемухой цветет!

ВСТРЕЧА НА АРГУНИ

Посвящается К. Ф. Седых

Это было в сорок пятом...
Позади тылы оставив,
С ходу вырвались солдаты
К пограничной переправе.

На Аргуни мы впервые.
Почему же нам знакомы
Эти волны голубые,
В даль плывущие паромы?

Кто открыл Аргунь пред нами
В громе грез, в сиянье красок?
Чьими зоркими глазами
Мы смотрели из-под касок?

Вспоминали мы страницы
Вдохновенного романа,
И даурские станицы,
И Улыбина Романа...

Но не знали мы, не скрою,
Что у книг есть продолженье,
Что в строю идут герои
С нами вместе в наступленье.

Не коней, а танки вздыбив,
Позабыв былую рану,
Генерал Роман Улыбин
Вел полки свои к Хингану.

А на сопках в отчем крае,
Где когда-то бились деды,
Дозревал, волной играя,
Урожай большой Победы...

Виктор КИСЕЛЕВ

Третья ось

Приключенческая повесть

СРОЧНЫЙ ДОКЛАД

Полночь.

Несмотря на поздний час, полковник Ярченко не уходил из своего кабинета. Только что с ближней станции звонил майор Голубев и просил дождаться его приезда.

Просторный кабинет, когда в нем выключен верхний свет и под зеленым абажуром горит настольная лампа, кажется маленьким, уютным: полумрак скрадывает его размеры. Ночная тишина нарушается мерным тиканьем стенных часов. Хозяин кабинета, перелистав страницы объемистого тома с аккуратно подшитыми бумагами, встал и включил радио. Диктор, голос которого в годы Великой Отечественной войны стал известен всему миру, читал «Последние известия».

В Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик.

В Жигулях гидростроители готовятся к пуску нижних шлюзов и к перекрытию Волги.

К властям Германской Демократической Республики явился агент одного из разведывательных центров в Западном Берлине Францишек Нейгебауэр и попросил помочь ему вернуться в Польшу.

Этот посланец из того мира, где отправка людей на смерть превращена в доходное ремесло, а торговля шпионскими сведениями — столь же обычное дело, как торговля кожами или домашней птицей, был амнистирован, и ему дали возможность выехать в родной город. Бывший агент генерала Рейнгарда Гелена, на шпионскую организацию которого американцы расходуют почти четверть своего стомиллионного фонда, предназначенного на шпионаж и диверсии в других странах, Нейгебауэр передал органам безопасности Польской Народной Республики большое количество материалов. К ним он имел ранее доступ в связи с занимаемым положением.

Не дослушав до конца известий, Ярченко выключил радио, подошел к окну и приподнял штору. Здание, где помещалось областное управление Комитета государственной безопасности, фасадом выходило на привокзальную площадь. Полковник увидел одинокие фигуры людей, изредка входящих в помещение вокзала и выходящих из него; ночные такси, ожидающие пассажиров с поездов, патруль железнодорожной милиции.

У западной калитки патрульные дружно откозыряли человеку в овчинном полушубке, который потом по диагонали пересек площадь. Через три минуты майор Голубев был в кабинете своего начальника.

— Докладывайте, — коротко приказал полковник.

— Крушение поезда в Глубокой Пади произошло в результате излома шейки оси у крытого четырехосного вагона, находившегося в середине состава. Паспорт вагона мною изъят. Клеймо скопировано. Колесная пара увезена на станцию Новая и сдана в вагонное депо для распрессовки.

— Ну, покажите все, что вы привезли.

Полковник долго всматривался в поданные ему документы, затем перевел взгляд на лежащий перед ним раскрытый том и как бы про себя сказал:

— Третий случай... Третья ось...

Голубев насторожился, но терпеливо ждал, пока полковник снова заговорит. Он знал, что Ярченко не выносит, когда вопросы подчиненных прерывают ход его мыслей. Однако полковник не спешил, и Голубеву вполне хватило времени, для того чтобы подумать, какое новое задание он получит и какой план ему придется разрабатывать для решения этого задания. А полковник хмуро сдвигал черные с проседью брови, указательным пальцем долго потирал левый висок, несколько раз снимал очки и, прищуриваясь, далеко от себя отставлял бумаги, всматриваясь в них, как бы полагая, что старческая дальнозоркость делает взгляд более прозорливым и помогает глубже проникнуть в существо дела.

Когда Ярченко заговорил, Голубев встал.

— Обратите внимание на следующее обстоятельство. За два года на нашей дороге третий случай излома шейки вагонной оси. В первом случае при маневрах на станции. Последствия — сход одного вагона. Во втором — излом на станке при насадке бандажа. И третий — катастрофа в Глубокой Пади.

Полковник перелистал папку с бумагами, отыскивая по закладкам нужные страницы, потом прихлопнул бумаги широкой ладонью и вопросительно посмотрел на Голубева, как будто все рассказанное услышал от майора.

— Слушайте дальше. При сличении трех клейм установлено, что номера плавок, из которых изготовлены все три вагонные оси, близки друг к другу: это — 2041, 2168 и 2292. Совпадают условные номера завода-изготовителя. Оси отлиты и колеса на них запрессованы на Крутилинском вагоностроительном заводе в один и тот же год и, очевидно, одним и тем же лицом. Нумерация осей также близка.

— Что ж, по-вашему, это диверсия?

— Я придерживаюсь такого мнения: один факт — это случайность, два — совпадение, а три — преступление. — И видя, что Голубев молчаливо ждет распоряжения, добавил: — Завтра в двенадцать дня прошу зайти ко мне с вашим планом расследования.

— Ясно, — промолвил Голубев.— Разрешите идти?

— Выполняйте.

Пока майор Голубев работает над составлением плана, мучаясь в догадках и предположениях, познакомим читателя с событиями, предшествовавшими этому ночному разговору.

ПОЕЗД № 1112

На отправочном пути узловой железнодорожной станции стоял тяжеловесный состав. До отхода поезда оставалось несколько минут.

Помощник машиниста и кочегар с факелами в последний раз перед отправлением в рейс осматривали машину, протирая концами пакли и без того сверкающие дышла паровоза. Вдоль состава, постукивая по колесам молоточком на длинной ручке, чутко вслушиваясь в однотонные звуки, быстро проходил вагонный осмотрщик. Девушка-смазчица проволочным крючком ловко приподнимала крышки букс и добавляла в них смазку. Из дежурки, в широченных тулупах, с горящими фонарями, появилась вагонный мастер и старший кондуктор. Наметив тормозные площадки для посадки, они, в ожидании сигнала отправления, не спеша покуривали, утаптывая на платформе и без того плотный снег. С маршрутным листом из помещения станции вышел главный кондуктор, а следом за ним показался и дежурный по станции.

В это время из вокзального репродуктора послышался повелительный голос оператора:

— Вагонный мастер поезда № 1112 Васильков, вы снимаетесь с рейса. Передайте смену вагонному мастеру Загорскому, после чего зайдите в узловой комитет комсомола. Повторяю...

Не слушая повторной команды, Андрей Васильков быстро направился в дежурку навстречу своему сменщику. Через несколько минут поезд отошел на восток...

В узловом комитете комсомола сидели двое: секретарь комитета Яша Потехин и майор государственной безопасности Василий Иванович Голубев. Открыв дверь, Андрей смущенно остановился у порога.

— Извините, что без стука. Может быть, мне зайти попозже?

— Нет, нет, — возразил Голубев. — Тебя-то мы и ждем...

СТАРШИНА ЗАПАСА

Демобилизованный старшина запаса Андрей Васильков возвращался домой с восточной границы. Определенного местожительства у него не было, и своим домом он мог считать любой уголок родины, куда бы ни занесла его удачливая судьба.

При отправке из воинской части он, недолго задумываясь, назвал далекую среднеазиатскую станцию, где воспитывался в детском доме, кончил железнодорожное училище и работал в вагонном депо вплоть до ухода в армию. Полковой писарь, выправляя Василькову до-

рожные документы, несколько раз вопросительно повторил:

— Станция Жанаарка, Карагандинской дороги? Удивляюсь, как это Орлеанская дева через полтыщи лет объявилась в Казахстане, преобразившись в железнодорожную станцию.

Писарь был человеком начитанным и, мысленно проведя ему одному понятную аналогию между предательским выстрелом в советского дипломатического курьера и костром католической церкви, на котором была сожжена французская патриотка, продекламировал:

В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
Чтобы,
умирая,
воплотиться
В пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Андрею ничего не оставалось больше сделать, как крепко пожать поэтически настроенному писарю его пухлую руку и двинуться на вокзал.

Откуда было знать поклоннику Маяковского, что Жанаарка в переводе с казахского означает Красная новь и ничего общего с французской патриоткой не имеет.

Билет Андрею достался в воинский вагон, где ехали демобилизованные солдаты и матросы. Предстояла десятидневная тряска на жесткой полке в родной солдатской среде, с новыми дорожными друзьями.

Первые дни в пути, как водится, прошли незаметно.

С утра до вечера всем купе зашибали «флотского козла» — соседями Андрея оказались тихоокеанские моряки. На коротких стоянках матросы чудом успевали купить у босоногих девчонок крупные соленые огурцы. Заскакивая в вагон на ходу, они уже с подножки рассчитывались с маленькими торговками, бросая им в протянутые руки помятые рубли и трешницы. К огурцам всегда находилась «московская». Ее тайком от строгой проводницы тети Даши проносили в вагон проигравшиеся в «козла». С виду крепкие, полнотелые огурцы вели себя предательски: при первом же укусе из них вытекал едкий рассол и выскакивали мелкие семечки. То и другое норовило обязательно попасть на гимнастерку и брюки. Чертыхаясь и отплевываясь, пострадавшие вытирали носовыми платками руки и одежду. И снова, перекликаясь со стуком колес на стыках, гремели «кости» и дружный хохот игроков сопровождал каждый промах противной стороны.

ДАР ВАЛДАЯ

На пятые сутки, когда позади остались нерчинские рудники, бурятские степи и озеро Байкал, Андрей отстал от поезда. Сделано было это, как выяснилось позже, преднамеренно.

В соседнем вагоне из Читы с совещания молодых специалистов возвращалась домой инженер вагонного депо Таня Загорская. Привлеченная громкими песнями, несущимися вразнобой из воинского вагона, она с двумя соседками по купе перешла к певцам и сразу захватила руководство нестройным до того хором.

Казалось, что репертуар ее неиссякаем. Вслед за старинными сибирскими песнями, прославлявшими священный Байкал, бродягу, бежавшего с Сахалина, дикие степи Забайкалья и знаменитый Александровский централ, полились современные лирические, бравые солдатские, озорные шуточные песни. А когда началось сольное исполнение и Таня одну за другой пропела несколько русских народных песен из репертуара Лидии Руслановой, игра в «козла» прекратилась. К группе поющих из крайнего купе пробился пограничник в форме старшины с трофейным аккордеоном.

— Кажется, здесь не хватает только аккомпанемента, — весело заявил Андрей, раздвигая толпу певцов и слушателей. — Подвинься-ка, браток, — подтолкнул он бритоголового солдата и подсел к увлеченной песнями Татьяне.

Знакомиться было некогда. Освобождая аккордеон от футляра, Андрей успел разглядеть, что обладательница звучного контральто была одета в железнодорожную форму. Черное шерстяное платье плотно облегало ее худенькую фигурку. Внимание Андрея привлекли серебряные погоны с двумя миниатюрными звездочками и с какой-то непонятной эмблемой. Не различая мудреных железнодорожных званий и знаков отличия, но прекрасно разбираясь в музыке и голосах, Андрей мысленно отметил, что не перевелись таланты на Руси, и растянул мехи. В купе, переполненное народом, вместе с музыкой ворвалась, гремя колокольчиком — даром Валдая, — знаменитая тройка почтовая.

Юноша и девушка подружились с одного взгляда, как могут подружиться и стать неразлучными только песня с музыкой.

Вечером, когда проводница тетя Даша, установившая в воинском вагоне строгий казарменный режим, скомандовала «отбой» и «отход ко сну», Таня, сопровождаемая Андреем, вернулась в свой вагон, где для пассажиров правила внутреннего распорядка были явно гражданскими.

Когда тебе двадцать три года и рядом у открытого окна девушка, твоя ровесница, и впереди темная ночь, а за окном мелькают таежные разъезды, тусклые огни полустанков, густые перелески и пестрые шлагбаумы, тогда для двоих времени не существует.

Ночь...

Сонь...

И эта встреча кажется дивным сном наяву. Разве не сон эти доверчивые серые глаза и яркие губы на смуглом лице, уже тронутом первыми лучами скупого на тепло сибирского солнца? И разве не сон эта прерывистая речь, когда оба спешат высказать о себе все... все...

Да, это сон, сон короткий, стремительный, после которого наступает пробуждение, полное светлой радости, надежд и ожиданий.

ПОЕЗД УХОДИТ БЕЗ ПАССАЖИРА

Проводник, облачившись в белую курточку, смешно сидящую на его грузной фигуре, разносил горячий крепкий чай и весело приговаривал:

— Не угодно ли напиться чайку из ангарской водицы?..

— Через два часа я схожу, — грустно промолвила Таня, отодвигая стакан с нетронутым остывшим чаем.

— Ну что ж, прощай, Танюша. Когда-то теперь встретимся?

Андрей пытался шутить, что нынче не то что человек с человеком, а и гора с горой сходятся. Шутка не получилась, и, порывисто пожав Танину руку, он поспешно ушел в свой вагон.

Встретились они через несколько часов.

Когда Таня на своей станции сходила с поезда, раньше чем ее увидел встречавший отец, к ней подошел дежурный по станции.

— Вам телеграмма, — сказал он и почему-то странно улыбнулся.

Только прочитав телеграмму, Таня поняла причину улыбки дежурного. С соседней станции телеграфировал Андрей, сообщая, что нечаянно отстал от поезда, просил снять его вещи и дождаться подхода следующего пассажирского, на котором он прикатит.

Вместе с отцом Степаном Кузьмичом, которому Таня коротко успела рассказать о дорожном знакомстве, они посмеялись над наивной хитростью Андрея.

Степан Кузьмич с помощью Тани перенес вещи отставшего от поезда старшины в дежурку. Моряки сокрушались, что лишились такого бравого попутчика и с наигранной веселостью просили Таню не оставить парня в беде. Принимая безобидные шутки, Таня обещала отправить старшину следом с курьерским, чтобы он мог догнать свою компанию.

Поезд отошел, и не успел еще Степан Кузьмич справиться о подходе следующего пассажирского, как с прибывающего товарного поезда, с первой площадки, на ходу спрыгнул сияющий Андрей. Все произошло так быстро и неожиданно, что Таня не успела даже решить, как ей себя вести с Андреем после «такого фокуса», как мысленно она назвала его выходку, и, главное, в присутствии отца.

— Знакомь, Танюша, с родителем, — потребовал Андрей, увидя приближающегося Степана Кузьмича.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Знакомство упрочилось за поллитровкой, которую отец прихватил в киоске к завтраку, приготовленному в честь приезда дочери.

Наскоро поев, Таня убежала на работу. Степан Кузьмич прилег отдохнуть перед поездкой — он работал вагонным мастером на грузовых поездах, — а Андрей долго разглядывал фотографии на стенах и в семейном альбоме. Он в первую очередь решил установить круг знакомых Татьяны.

Девушки-подруги в счет не шли. Фотографии же ребят, а их было много: вихрастые школьники, задумчивые студенты и степенные инженеры, заставили Андрея поволноваться. Особенно не по душе ему пришлись те физиономии, которые повторялись во всех трех комбинациях: вихрастых, задумчивых и степенных. Это говорило о долголетних и прочных знакомствах и настораживало, обостряло неприязнь к совсем незнакомым и, очевидно, неплохим людям. Такое чувство Андрей иронически называл «пережитком капитализма в своем сознании». Когда Андрей натолкнулся на серию любительских снимков, где Таня, фотографируясь с веселой компанией сослуживцев, постоянно оказывалась рядом с солидным мужчиной, он впал в отчаяние и решил, что трюк с отставанием от поезда — не что иное, как смешное штукарство, и его расчетов не оправдает.

Первым желанием Андрея было схватить вещи и, не простившись, скрыться из этого гостеприимного дома, чтобы навсегда забыть его милую хозяйку, а все случившееся посчитать минутным увлечением.

От порывистого движения Андрея, вскочившего со стула, проснулся Степан Кузьмич.

— Во, брат, как разоспался старик, — виновато улыбаясь, промолвил он. — Ну, пообе-

даем, да и пора в поездку. Что-то Танюшка долго задержалась?

Слушая воркотню словоохотливого старика, Андрей молчал. Ему казалось, что в прошедшую ночь он так много узнал о жизни Тани. Она рассказала ему, что на первом курсе института ее постигла непоправимая беда — умерла мать. На самолете Татьяна прилетела из Новосибирска на похороны, а потом решила бросить учебу, боясь оставить отца без присмотра в горе и одиночестве. Только через неделю Степан Кузьмич понял, что его Танька не вернулась на учебу. После продолжительного разговора он сумел настоять на своем. Теперь уже год, как она снова приехала в родной город инженером транспорта — специалистом вагонного хозяйства — и живет вдвоем с отцом.

«Может быть, чувство привязанности к отцу, дочерняя обязанность мешают ей создать свою семью?» — думал Андрей. И тут снова собственное поведение показалось ему легкомысленным. На что он может рассчитывать? Ведь даже и по образованию он ей не пара. Она — инженер, а он кто? Недоучка, вагонный слесарь, демобилизованный пограничник. И только это слово «пограничник» как-то подбодрило Андрея. В памяти всплыли эпизоды пограничной службы, охрана государственной границы, тихая война, когда демобилизованы армии, молчат пушки, замерли моторы танков и самолетов, но из-за каждого куста пограничнику угрожает пистолет, кинжал, кастет, яд. «Да разве могла бы она спокойно учиться и стать инженером, если бы я не стоял на посту?» — подумал Андрей. Отбросив минутную слабость и уныние, он решительно направился к столу.

— Степан Кузьмич, решил я остаться в вашем городе.

— Вот что, Андрюха, — подумав, ответил старый железнодорожник. — Пойдем-ка я тебя начальству представлю да пристрою в общежитие кондукторского резерва. Негоже тебе в моей квартире с молодой девкой оставаться. Сам понимаешь, — смущенно добавил он, — какие у нас длинные языки. Да и вам от соблазна подальше.

ВАГОННЫЙ МАСТЕР

В отделе кадров Андрея встретили приветливо. Стройная, подтянутая фигура старшины, еще не снявшего военную форму и погоны, сразу вызывала симпатию. Оформление на работу, постановка на воинский и комсомольский учет заняли два дня. На третий день Андрей под присмотром Степана Кузьмича выехал в первую поездку, а через неделю, пройдя стажировку, отправился в самостоятельный рейс сопровождать поезд вагонным мастером. Часы в поездках тянулись мучительно медленно, и для размышлений времени у Андрея было достаточно.

Днем и ночью, зимой и летом, в зной и мороз на железнодорожных магистралях страны в тамбурах грузовых и пассажирских поездов бдительно несут свою вахту поездные бригады. Перебрасываются миллионы тонн грузов, находятся в пути сотни тысяч пассажиров. И ничто не может сдержать стремительного бега поездов, когда на посту стоит многотысячная армия железнодорожников.

Вот промелькнула путевая будка, а вскоре показался и ее хозяин — путевой обходчик. Он медленно шел по своему участку, прощупывая каждый метр стального пути. Подняв желтый флажок, обходчик проводил поезд. Андрей приветливо махнул ему рукой, но, преисполненный достоинства, путевой страж даже не ответил на привет. Андрей подумал, что, будь у него талант, он обязательно бы вылепил скульптуру путевого обходчика, бдительно стоящего с высоко поднятым флажком и своим спокойствием утверждающего, что путь свободен. И опять Андрею вспомнилась граница. И здесь и там — на посту люди в черных и серых шинелях. Чем надежней закрыта граница, тем безопасней путь для поездов. Каждый задержанный при переходе рубежа шпион, диверсант, вражеский лазутчик — это несостоявшийся взрыв завода, моста, сохраненные секретные чертежи, предотвращенное крушение поезда. И он сегодня может спокойно сопровождать поезд только потому, что вчера крепко держал границу на замке и передал ее непроходимой сменившим его товарищам.

Андрея все больше беспокоили отношения с Таней. Чувство, которое он питал к своей случайной спутнице и которое заставило его поселиться на сибирской станции, казалось ему, было безответным. Таня при встречах была уравновешенной, сдержанной. Ее теплота, которую Андрей почувствовал в поезде, улетучилась. Однажды в кино Андрей совершенно непроизвольно положил руку на Танину и только тогда понял свою оплошность, когда она решительным жестом отстранила его горячую руку.

Андрей был доволен, что прямо с сеанса его вызвали в поездку, и, не досмотрев картины, ушел в общежитие переодеваться.

После этого случая он стал избегать Тани и в то же время огорчался: почему она сама

не ищет с ним встреч, а если и встретятся случайно, то не спросит, как прежде, о житье-бытье, а только поздоровается и пройдет дальше? Наступила непонятная для Андрея размолвка, и вел он себя, как школьник, которому мальчишеская гордость не позволяет первому подойти к обидевшей его, но нравящейся девочке.

Окончательно Андрея вывела из равновесия встреча с тем солидным мужчиной, которого он видел на фотографиях возле Тани.

В клубе проходило совещание вагонников. Андрей задержался в курилке и, когда в полутемном зале стал разыскивать себе место, в президиуме совещания увидел Таню, а рядом с ней мужчину. Он сразу узнал того, кто расстроил его еще при рассматривании Таниного альбома. Таня повернулась к мужчине вполоборота и что-то убежденно доказывала, а он невозмутимо разглядывал собравшихся в зале.

— Кто этот, рядом с Загорской? — спросил Андрей у соседа.

— Это Грохотов, Семен Игнатьевич — приемщик вагонов от министерства. Приехал из управления дороги помочь провести совещание.

Сосед Андрея оказался разговорчивым и рассказал ему, что подполковник Грохотов парень нашенский, раньше работал здесь в вагонном депо мастером, а теперь вот выдвинулся, но не зазнается, а приезжает к землякам чуть ли не каждый месяц, как домой.

Последняя фраза особенно возмутила Андрея: «Знаю, зачем ты, голубчик, приезжаешь,— подумал он. — Сходить разве в буфет, рвануть граммов триста, а потом испытать крепость твоих зубов», — советовался он сам с собой. Однако его крамольным желаниям не суждено было осуществиться: и на этот раз выручил спасительный вызов в поездку взамен заболевшего товарища.

Поднявшись на тормозную площадку, Андрей горько размышлял:

«Сейчас совещание должно кончиться. Приемщик пойдет провожать Таню, а у калитки наверняка полезет целоваться».

Эти мысли разозлили Андрея. Он резко вскочил на ноги и подставил лицо и грудь встречному ветру.

Свежий порывистый ветер остудил горячую голову Андрея. Уже спокойнее он думал, что, вернувшись из поездки, обязательно зайдет к Тане и разрешит все сомнения.

Его мысли прервал паровозный свисток. Поезд подходил к станции.

РЕШЕНИЕ

Когда Андрея сняли с поездки и вызвали в комитет комсомола, первая мысль его была о Тане. Она член комитета и в это время наверняка заседает с Яшей Потехиным и другими комитетчиками. «Хорошо бы сегодня с ней поговорить», — мечтал он, подходя к зданию узлового парткома.

Разочарованием от несостоявшейся встречи с Таней и было вызвано первое смущение Андрея, когда, перешагнув порог комитета комсомола, он не увидел в комнате никого, кроме Потехина и Голубева.

Андрею показалось странным, что майор сидит на секретарском месте. Ему сразу бросилось в глаза, что Голубев рассматривал папку с четкой надписью «Личное дело», внимательно вглядываясь в каждую бумажку. Интуитивно Андрей почувствовал, что это рассматриваются его документы. Неожиданно Голубев оторвал глаза от бумаг и взглянул на Андрея. Свет настольной лампы, стоящей слева, упал на лицо майора. Андрей обратил внимание на седой ежик над высоким лбом, пересеченным двумя глубокими складками, и шрам на левой щеке — след пулевого ранения. Глаза майора смотрели на Андрея с испытующей настороженностью.

— Товарищ Васильков,—обратился к Андрею Голубев, — я приехал и срочно снял тебя с поездки потому, что комитет комсомола рекомендует тебя, как бывшего пограничника и хорошего комсомольца, для оперативной работы в органах государственной безопасности. Как ты на это посмотришь?

— Соглашайся, Васильков. Решение уже подработано и согласовано со всеми членами комитета. Политотдел его также поддерживает, — тоном, не терпящим возражения, произнес Потехин.

Андрей был ошеломлен. «Все члены комитета? Значит, и Таня? Но как заранее можно предрешать судьбу человека, даже не спросив его мнения?» Противоречивые мысли боролись в нем.

Труд оперативника привлекал его той романтикой, которая раз и навсегда прочно входит в быт пограничника. Значит, опять незримый фронт, война с невидимым врагом. Опять бессонные ночи, полные опасностей и волнений. Снова пистолет, приставленный к чужому виску, угроза удара кинжалом из-за угла, ампула с ядом, обнаруженная у диверсанта.

И этот безапелляционный тон: «Соглашайся, Васильков»... Нет, надо подумать, взвесить, посоветоваться... Посоветоваться? А с кем? Таня уже высказала свое мнение на комитете...

Интересно, что она говорила?.. Что ж ты колеблешься, Андрей! Посмотри на майора, старого обстрелянного чекиста. Разве он когда-нибудь пожалел о том, что избрал этот опасный и тяжелый путь? Разве он когда-нибудь отступил, преследуя по едва заметным следам матерого врага, скрывающегося под личиной честного советского человека? Разве он сменит свою беспокойную профессию на тихую жизнь без тревог и опасностей? Такие люди до последнего дыхания служат любимому делу, до последнего патрона бьются за него.

Размышления Андрея прервал телефонный звонок. Яша снял трубку, одно мгновение подержал ее около уха и поспешно передал Голубеву. Андрей услышал, как чей-то взволнованный голос прохрипел из трубки:

— Товарищ майор, поезд № 1112 потерпел крушение на перегоне у Глубокой Пади. Имеются жертвы.

Майор поднялся из кресла.

— Выезжаю на место крушения.

Колебания Андрея кончились. Ему почудилось, что он на границе и дежурный по заставе крикнул: «В ружье!» Андрей ощутил тот знакомый прилив энергии, которым каждый раз сопровождалась эта команда.

— Товарищ майор! Я согласен. Разрешите ехать с вами?

— Едем! — коротко бросил Голубев, на ходу надевая полушубок.

КРУШЕНИЕ В ГЛУБОКОЙ ПАДИ

Степан Кузьмич, заменивший Андрея в поездке, устроился на тормозной площадке посредине состава. Дежурный по станции предупредил его, что состав тяжеловесный и машинист Кленов сегодня наметил очередной рейс без набора воды на промежуточной станции. Диспетчеры на всем протяжении обещали «зеленую улицу». Уже на ходу к Загорскому подсел шофер, сопровождавший платформы с автомашинами. Плотно закутавшись в тулупы, они сидели, прижавшись друг к другу, изредка перебрасываясь односложными фразами:

— Морозно.

— Да, дает жизни.

— А ты попляши, попляши.

— Я уж наплясался. С самого утра выбиваю чечетку.

Скручивать на морозе цигарку было немыслимо, и Степан Кузьмич «подстрелил» у шофера дешевую папироску. Затягиваясь горьким дымом, старый железнодорожник вслушивался в мерные стуки колес на стыках. А поезд набирал скорость, разгоняясь перед затяжным подъемом, ведущим к перевалу через хребет. Сотни раз проезжал этот участок Степан Кузьмич. Здесь ему были знакомы каждый кустик, каждая выемка. От путевой казармы начнется ровная прямая площадка, после, в пади, — крутая кривая, а за ней наиболее тяжелый участок — подъем. Минуешь перевал — и считай, что рейс прошел благополучно. Дальше до конечного пункта путь идет по равнине.

Степан Кузьмич скорее почувствовал, чем увидел, что состав вписывался в кривую. Выглянув с площадки, он по огням различил голову и хвост состава. Громыхая железными сцеплениями, состав выгибался в дугу. Казалось, кто-то нечеловеческими усилиями натягивает неподатливую тетиву гигантского лука, сближая его концы. И вдруг, словно не выдержав силы натяжения, стержень лука переломился в самой середине. Услышав угрожающий треск и первый сильный толчок, Степан Кузьмич рванул ручку стоп-крана, да так и повис на ней, зажатый стенками столкнувшихся вагонов.

Когда его извлекли из-под деревянных и металлических обломков, он уже не дышал. Оглушенный шофер, вылетевший с площадки в сторону, долго не приходил в сознание, и первыми его словами, произнесенными через неделю, был вопрос о Кузьмиче.

— Погиб ваш товарищ, — сказала ему дежурная сестра. — Схоронили его уже.

ЭТО НЕ ЕЕ ПОДПИСЬ

На оперативном совещании у начальника дороги была установлена причина крушения поезда № 1112. На крутой кривой поезд шел с превышением скорости, что увеличило напряжение в шейке оси у вагона в середине состава. От перегрузки шейка оси лопнула, и в результате — катастрофа. Совещание приняло постановление: «За грубое нарушение правил технической эксплуатации, выразившееся в превышении технической скорости вождения поездов на труднопроходимом участке, машиниста I класса Кленова Ивана Степановича лишить права управления паровозом, перевести слесарем в депо и дело на него передать в следственные органы для привлечения к судебной ответственности».

Выписку из этого решения оперативного совещания получил Василий Иванович Голубев, которому было поручено вести следствие по крушению поезда № 1112.

Для расследования дела майор приехал на станцию Новая. Помощником он взял Андрея Василькова, уже несколько дней работавшего в органах государственной безопасности и щеголявшего в новенькой форме младшего лейтенанта.

— Чуешь, Андрей, какая опасность грозит Кленову? — спросил Голубев. — В решении все предусмотрено: и следственные органы и судебная ответственность. А ведь надо еще доказать виновность машиниста.

Андрей в ответ пробурчал что-то невнятное. Он еще не пришел в себя после гибели Степана Кузьмича. Тяжелые мысли неотступно преследовали его. А если бы Загорский не сменил его? Дальше этого «если» мысли не шли. Андрею казалось, что, будь он на месте Степана Кузьмича, его не постигла бы такая трагическая участь. Спасся ведь шофер, ехавший на тормозной площадке вместе с вагонным мастером. А как тяжело Тане! И он не может у нее бывать часто: следствие отнимает все время.

Как бы угадав ход мыслей Андрея, Василий Иванович сказал ему:

— Сходи-ка, Андрей, к Тане. Помоги ей в хозяйстве. Мне нужно посидеть одному.

Маленький кабинет оперативного уполномоченного, где обосновался Голубев, постепенно наполнялся табачным дымом. Василий Иванович беспрерывно курил. В такие часы он выкуривал пачку «Беломора», как он выражался, «с прикуром от одной спички». Расследование крушения увлекло старого чекиста. Он вспомнил ночной разговор в кабинете полковника Ярченко. План, предложенный Голубевым, был одобрен начальником управления и с небольшими поправками принят. И вот первые шаги в расследовании нового дела.

Если это преднамеренная диверсия, начало которой заложено там, на Крутилинском заводе в литейном цехе, то, значит, каждую минуту можно ожидать нового крушения, новых жертв, непоправимой беды.

Сколько вагонов в этот миг идет с дефектными осями, затаившими в себе разруху и смерть? На каком перегоне, на кривой или на спуске, ослабленный металл не выдержит тяжелой нагрузки и рухнет? Тогда вагоны, как взбесившиеся звери, встанут на дыбы и сшибутся на узкой площадке, сокрушая и сталкивая друг друга под откос, в глубокую пропасть, в холодные воды реки.

Майор Голубев представил на мгновение, с какой тщательностью сейчас идет проверка вагонных клейм на осях по всей стране, по всем станциям и пунктам технического осмотра. По докладу Ярченко Комитет государственной безопасности и Министерство путей сообщения дали приказ отцеплять все вагоны, на осях которых обнаружено клеймо Крутилинского завода с номерами плавки от 2000 до 2300, колесные пары из-под этих вагонов выкатывать и заменять новыми.

Куда только не разбежались вагоны за эти годы: в полярную Воркуту, в туманную Прибалтику, в солнечный Самарканд и на край света — в бухту Находка!

Много ли успел навредить этот неизвестный, руководивший плавкой, и кто он: бракодел или затаившийся агент иностранной разведки? Правильно ли сделал он, Голубев, пустив следствие преднамеренно по ложному пути и для отвода глаз переложив всю ответственность на машиниста Кленова? Сколько раз в руках Голубева находилась судьба человека, решить которую было призвано его объективное следствие, многолетний опыт, любовь к людям.

«В ведении следствия может быть два метода, — размышлял Голубев: — Первый, когда все силы следователя направлены к тому, чтобы доказать преступные действия обвиняемого. И второй, когда следователь стремится оправдать его, отвести обвинение».

— Я сторонник второго, — доказывал часто Голубев, споря с сотрудниками. — Если ты, стараясь спасти подследственного, все же не достигнешь этого, убедишься в бесплодности своих усилий, значит, улики против него неопровержимы, и пред тобой действительно преступник, социально опасный элемент. Если же ты преднамеренно решил «упечь» обвиняемого в тюрьму, значит, ему не отвертеться от срока. В уголовном кодексе всегда можно подобрать подходящую статейку для мало-мальски провинившегося перед обществом человека.

На столе, как на выставочном стенде, лежало вещественное доказательство, деталь, вызвавшая крушение, — обломок шейки вагонной оси. Василий Иванович ощупал место излома. Шершавая поверхность холодного металла таила в себе неразрешимую для невооруженного человеческого глаза загадку. Но если бессилен глаз человека, к нему на помощь приходит наука.

Послышался тихий стук в дверь.

— Да, — отрывисто крикнул Голубев.

В кабинет вошел начальник вагонного депо Колосов.

— Добрый вечер, — бодрясь, промолвил он, достал из внутреннего кармана пакет и протянул его Голубеву.

— Вот, пожалуйста. Лабораторные исследования металла и увеличенные снимки его структуры по излому.

— Кто проводил анализ? — рассматривая содержимое пакета, спросил Голубев.

— Инженер Загорская. Здесь есть ее подпись.

— Я рассматривал этот материал, — добавил Колосов, немного помедлив. — Ничего по-

доэрительного не нашел. Нарушений в структуре металла не обнаружено.

— Прекрасно, — сказал Голубев, хотя данные анализа его явно не устраивали.

— Когда домой, Василий Иванович? — стараясь впасть в приятельский тон, спросил Колосов. — Теперь, очевидно, для окончания следствия есть все материалы?

Голубев сделал вид, что не расслышал вопроса, и, подвигая пачку «Беломора», предложил:

— Закуривайте.

— Куда тут еще закуривать! — замахал руками Колосов. — Я пять минут подышал воздухом в вашем кабинете и словно на неделю накурился.

— Потчевать можно, неволить грех. Не смею больше вас задерживать и отвлекать от серьезных дел.

— Что может быть серьезнее помощи следователю? — почтительно произнес Колосов и не торопясь вышел из кабинета.

Голубев остался один. Результаты анализа ошеломили его. «Неужели вся суматоха вокруг гипотезы «третья ось» поднята зря и ухарство машиниста Кленова — единственная причина крушения?» Из раздумий его вывел приход Андрея.

— Василий Иванович, — оживленно заговорил он прямо с порога, — значит, Кленов не виноват?

— О чем ты говоришь, Андрей? — недоуменно спросил Голубев.

— Таня рассказала мне, что анализ показал дефектную структуру металла, повышенную примесь фосфора и серы в районе излома.

— А это что? — Голубев веером развернул перед Андреем снимки и пододвинул несколько страничек, аккуратно отпечатанных на машинке. Андрей, не читая, взглянул на заключение, туда, где после должности и звания лица, сделавшего анализ, круглым девичьим почерком было выведено: Загорская.

— Это не ее подпись! — вскрикнул Андрей.

Голубев поднял телефонную трубку.

ТЕНЬ, ПРОМЕЛЬКНУВШАЯ В КОРИДОРЕ

Несколько часов тому назад, когда Таня закончила анализ и писала заключение, в лабораторию вошел Колосов. Поинтересовавшись результатом анализа и получив уклончивый ответ, он еще раз предупредил Загорскую, чтобы она все, что ею будет выявлено, держала в строгом секрете от кого бы то ни было.

— Данные нужны для Москвы, и знать их, кроме меня, никто не должен.

Пакет он приказал закрыть в сейф и передал ей ключ. По окончании работы Колосов разрешил Тане уйти домой. Сам же поспешил на вечернюю селекторную перекличку в отделение дороги. Туда же просил занести и ключ от сейфа. Таня быстро дописала заключение и тут же перепечатала его на машинке. Вложив материалы в незапечатанный конверт, она спрятала его в сейф. Гулко хлопнув дверкой сейфа, она не слышала скрипа входной двери и не заметила, как чья-то тень промелькнула в коридоре...

Улицы были безлюдны.

Жители города окончили работу и разбрелись по домам. Падал мягкий снежок, щекотавший лоб и щеки. В ярко освещенных окнах было видно, как, по-семейному расположившись за столом, ужинали железнодорожники. В общежитии девушки принаряжались, собираясь в клуб на концерт заезжей эстрадной бригады.

Пройдет час, другой, и город снова оживет. Послышатся голоса и песни никогда не унывающей молодежи, настанет час ночной смены, и два потока людей — одни усталые, а другие полные сил и энергии — заполнят улицы. А пока здесь встречались одинокие фигуры паровозников, спешивших с неизменными сундучками по вызову в поездку.

Все это в сознании Тани отмечалось чисто машинально. Тяжелое горе забывалось на время только в работе. Оставаясь одна, она выключалась из общего ритма, и чувство одиночества обострялось до предела. Подходя к дому, Таня круто свернула в переулок и одумалась только у деповской столовой.

«Надо чего-нибудь поесть. Дома ничего нет», — вспомнила она и вошла в столовую. Когда она мелкими глотками допивала кофе, к ее столику подошел Грохотов.

— Добрый вечер, Татьяна Степановна! Приятно кушать! — приветливо произнес он, усаживаясь напротив.

— Спасибо, Семен Игнатьевич. Я уже покушала.

Таня поднялась со стула, собираясь уходить.

— А у меня для вас приятная новость, — остановил ее Грохотов.

— Что может быть теперь для меня приятным? — грустно промолвила Таня.

— Я сюда зашел не обедать, а разыскивая вас. Разрешите, я провожу вас домой и по дороге все расскажу.

Проходя мимо буфетной стойки, Грохотов остановился купить пачку папирос. Когда он догнал Таню в темном коридоре, выходящем на улицу, во рту у него дымилась папироса.

ТУГАЯ СПИРАЛЬ

Василий Иванович Голубев и Андрей Васильков обсуждали итоги истекшего дня. Говорил больше Голубев, Андрей же изредка вставлял свои замечания. Рассуждая, Василий Иванович чертил на листе бумаги замысловатые фигуры.

— Смотри сюда, Андрюша! — майор одним росчерком карандаша закрутил тугую спираль. — Эту спираль надо нам раскрутить. Пока что мы знаем ее центр — крушение поезда — и ухватились за конец. Раскручивать ее надо с терпеньем, с толком, а не вдруг. Материал хрупкий, и, прежде чем вытянешь спираль в прямую линию, она не раз взыграет, а то и сломается...

— Уже раз взыграла, — мрачно заметил Андрей. Он не мог понять: почему так внезапно уехала Таня? После раскрытия подделки с подписью он бросился к ней на квартиру, но не нашел Тани дома и только позднее от Колосова узнал, что инженер Загорская срочно выехала в командировку в управление дороги.

— Пора сомнений кончилась, — продолжал Голубев. — Факт преступления налицо. Однако тактика остается прежней. Я уже отдал распоряжение на отправку Кленова в управление КГБ. Нельзя показывать даже и вида, что нам известна подмена анализа. Нужно максимально сосредоточить внимание на лицах, близких к вагонному депо, изучать их повадки, следить за каждым поступком, ждать новых проявлений вредительской деятельности. Пока мы не должны проявлять явных активных действий. Увидя это, враг обнаглеет и легче обнаружит себя, попавшись на удочку.

— Василий Иванович! Я многого еще не понимаю в этом запутанном деле. Как это можно буквально под носом у следователя сделать подмену анализа? Кто это может сделать?

— Этим-то мы и должны заняться на первых порах. Видишь, Андрюша, дорога наша одна из важнейших в транспортной сети как в мирное, так и в военное время. Не исключена возможность, что вражеская резиденция находится где-то в наших краях. После крушения (а в том, что оно результат диверсии, мы с тобой уже убедились) враг сработал так, чтобы на диверсию не было подозрения. Если подтвердится умышленный брак в отливке вагонной оси, то, значит, будут предотвращены десятки новых крушений. Зная, что следствие ведется с уклоном на виновность Кленова, наш неизвестный противник понял: это самая выгодная для него версия и решил не усложнять нам расследования. Подмена анализа сделана с артистическим мастерством. Сценарист учел даже то, что автора анализа могут вызвать для устного объяснения, и потому, пока ведется следствие, поспешил убрать его со сцены. В сценарии оказалась неучтенной только одна мизансцена — твоя вечерняя встреча с Таней, о которой, кроме нас и ее, никто не знает. Чтобы не спугнуть противника, следствие продолжаем вести по ложному пути — «вариант с Кленовым». Как ни жаль, но придется машинисту для пользы дела немного пострадать.

— Что же делать дальше? — в нетерпении спросил Андрей.

— Искать, — твердо сказал Голубев.

И хотя Андрею было неясно, как искать и где искать, он решительно потребовал:

— Василий Иванович! Дайте мне самое трудное, самое опасное, самое невозможное задание. Клянусь не спать, не есть, не пить, пока его не выполню.

— Тогда ты рискуешь погибнуть от бессонницы, голода или жажды, — шутливо заметил майор. — Дело не такое простое, и для того, чтобы его распутать, потребуется немало времени.

Голубев коротко дополнил свои наблюдения. Из ответа Крутилинского завода, присланного на запрос полковника Ярченко, установлено, что плавка № 2041 проводилась, когда мастером был некто Лапин, который в этой должности проработал более года и выдал не одну сотню плавок. Четыре года тому назад он уволился с завода по семейным обстоятельствам и выехал на родину, в Чкаловскую область, к престарелым родителям. Ответ на запрос по месту жительства родителей еще не поступил.

Вредительская группа или отдельное лицо, действующее на нашей дороге, видимо, хорошо осведомлено о всех событиях, происходящих в вагонном депо. Следовательно, это или работник депо, или близкий к нему человек. Серьезное подозрение падает на Колосова. За ним установлено постоянное наблюдение. Однако Колосов или слепое орудие в руках врага, или жертва случайностей. Ясно, что за его спиной действует осторожный опасный враг, обнаружить и обезвредить которого нам и надлежит, — закончил Голубев.

Приглушенно зазвенел телефон. Вызывал полковник Ярченко. Он сообщил, что в больницу в бессознательном состоянии доставлена инженер Загорская. Ее нашел на железнодорожных путях переездный сторож, после того как прошел пассажирский поезд. Загорская несколько часов не приходит в себя. Ведется расследование этого несчастного случая. Полковник приказал Голубеву срочно выехать

в управление и добавил, что на послезавтра назначен суд над машинистом Кленовым. Сокрушенный новым несчастьем, Андрей остался один.

ПАПИРОСЫ „КАЗБЕК"

В эти часы в деповской столовой тихо и безлюдно. Андрей прошел через весь зал и сел за столик в правом углу около печки. Есть ему не хотелось, он заказал два стакана чаю и, прихлебывая его маленькими глотками, временами рассеянно посматривал в глубину зала.

Обеденный перерыв давно окончился, деповцы вернулись в цехи, и только за одним столиком Андрей заметил двух паровозников в испачканных мазутом полушубках, как видно зашедших в столовую после поездки. Наблюдал за ними Андрей машинально, лишь бы немного отвлечься от горестных размышлений.

С тех пор как в рабочих столовых прекратили продажу водки и пива, клиенты за обедом долго не засиживались. Но два друга (по отрывочным фразам, доносившимся до Андрея, он определил, что это были помощник машиниста и кочегар) уходить из столовой не спешили и, как ни странно, заметно хмелели. Васильков заметил, как в стаканы, предназначенные для безобидного напитка «Лето», стоявшего нераскупоренным на столкие, кочегар исподтишка наливал «Перцовую». Пили без закуски, после каждого стакана проводя рукавами полушубка по мокрым губам.

«Это называется закусывать мануфактурой, — усмехнулся Андрей, — в данном случае — мазутной овчиной».

Подошла официантка и, заметив, что Андрей смотрит в сторону увлекшихся выпивкой друзей, горячо заговорила:

— Товарищ лейтенант, они ведь не нарушают порядок! Сидят себе тихо, мирно, не буянят, не сквернословят. Не виноваты же люди, что у нас спиртным не торгуют. Выпить-то где-то надо.

Однако после добровольной защитительной речи девушка подошла к столику друзей и внушительно пригрозила:

— Тише вы, ироды! Натащут вина, налижутся, а тут за вас отвечай.

Она нагнулась, достала из-под стола две пустые посудины и, ворча что-то невнятное, пошла на кухню. Помощник машиниста вздумал было поухаживать за ней, но, убедившись в безуспешности своей попытки подняться со стула, в отчаянье махнул рукой и, опустив низко голову, задремал.

Кочегар, оказавшийся более крепким, несколько раз толкнул друга в плечо, настойчиво требуя:

— Вася... Вася... угости закурить!..

Обиженный неотзывчивостью своего бесчувственного товарища, кочегар подошел к буфетной стойке. Сколько он ни шарил в карманах, ничего, кроме гаек, болтов, шайбочек и обтирочной пакли, обнаружить не смог.

— Шайбочки, да не те, — уныло проговорил он, смотря прямо в лицо буфетчице.

В это время Андрей, покончив с чаепитием, прошел в конторку заведующей столовой. Она только что приехала из областного центра и могла что-нибудь знать о здоровье Тани.

Поиски кочегара наконец увенчались успехом. Из неведомых тайников он вытащил замусоленную пятерку и, протянув ее буфетчице, потребовал:

— Пачку «Казбека».

Буфетчица из-под прилавка достала коробку с черным силуэтом всадника, скачущего вдоль голубых гор, и вместе со сдачей подала ее кочегару. Парень взял папиросы и нетвердой походкой направился к столику, где сидел покинутый им на время приятель.

Закурив папиросу, он другую с большим трудом вставил в рот помощнику машиниста, но сколько ни силился, зажечь папиросу для друга ему не удалось. Тот только пытался жевать мундштук.

— Шлепу много, а тяги нет, — сердито заметил кочегар, зажигая одну спичку за другой. От этого занятия его отвлек незнакомый мужчина, который только что перед этим вошел в столовую и после непродолжительного разговора с буфетчицей направился к столику.

— Дорогой друг, — обратился он к кочегару. — В буфете не оказалось моих любимых папирос «Казбек». Последнюю пачку буфетчица продала вам. Прошу, уступите ее мне.

Кочегар любезно протянул раскрытую пачку незнакомцу.

— Угощайтесь!

Мужчина взял одну папиросу и, держа пачку в руках, попросил у кочегара прикурить. Перехватив зажженную папиросу в свою руку, он долго прикуривал от нее и, нечаянно уронив, затоптал ногами. Затем сунул пачку папирос в карман, бросил на стол новенький червонец и, промолвив: «Благодарю, получите за папиросы», поспешно вышел из зала. Кочегар было бросился за ним, но зацепился за ножку стола и, не удержав равновесия, грохнулся на стул. Успокоил его вид лежавшей на столе десятирублевки. «Есть на похмелку», — подумал он и, немного помедлив, вернулся к оставленному занятию: стал раскуривать последнюю папиросу, повисшую на губе у за-

снувшего товарища. Обрывая изжеванный конец, он почувствовал, что его пальцы выхватили из мундштука пергаментную трубочку. «Здесь что-то неладное», — подумал он, сразу трезвея.

Развернув пергамент, кочегар увидел нанесенные на бумагу какие-то непонятные знаки. И вдруг знаки стали тускнеть и вовсе исчезли.

— Что за чертовщина? Неужели я так набрался, что мне начинают мерещиться всякие чудеса? — пробормотал кочегар. Увидев выходящего из конторки Андрея, он обрадованно позвал:

— Товарищ сотрудник! Скорее сюда!..

БУФЕТЧИЦА ОТРИЦАЕТ ВСЕ

Через три дня приехал Василий Иванович. На взволнованный вопрос Андрея: «Как Таня?» майор рассказал то, что было ему известно.

— Несчастье с Таней — это не случайность, а очередное звено в цепи преступлений. Врагу мало было убрать Таню из поля зрения следователя. Ее решили убить, как опасного свидетеля. Она долго не приходила в сознание, пораженная тяжелой контузией. Врачи запретили обращаться к больной с какими-либо вопросами. В этой борьбе за жизнь может выручить только молодой здоровый организм. Удалось установить, что, не доезжая до областного центра, она выходила в тамбур подышать свежим воздухом и после этого не вернулась. Ее попутчики подняли тревогу, а по прибытии на станцию сообщили об исчезновении пассажирки. Однако на станции было уже известно о находке переездного сторожа, и туда была направлена «скорая помощь».

Голубев рассказал еще Андрею, что Кленова, учитывая его прошлую безаварийную работу и высокие производственные показатели, приговорили к двум годам тюремного заключения условно, с лишением права управления паровозом. Из Чкаловской области поступил ответ от родителей Лапина. Единственный их сын — студент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта — погиб перед самым окончанием института в Отечественную войну в Ленинграде во время блокады.

— Выходит так, что его документами воспользовался какой-то проходимец, который до сих пор не обезврежен и где-то затаился.

Когда Голубев досказал городские новости, на допрос привели буфетчицу Софью Георгиевну Блажевич, арестованную Андреем сразу же, как только им была обнаружена конспиративная переписка в папиросном мундштуке.

В кабинет ввели полную женщину средних лет. Даже находясь под арестом, она не изменила своей манере казаться для посторонних глаз моложе своих лет. Секрет кажущейся молодости заключается в злоупотреблении косметикой.

Тщетно Блажевич старалась скрыть белилами и румянами следы бессонных ночей и тревоги. Темные круги под глазами проглядывали из-под слоя пудры, выделялись морщины на лбу и в уголках глаз.

Слушая вопросы Голубева, буфетчица делала изумленное лицо и все отрицала. Гражданина, заходившего за папиросами, она видела впервые.

— Мужчина приезжий. Видимо, заскочил с поезда.

Описывая его внешность, она не смогла вспомнить у него особых примет.

— Человек как человек. Ни изящества, ни эффектности.

Обыск на квартире Блажевич и осмотр оставшихся в буфете папирос ничего дополнительного не дал.

Голубев, извинившись за горячность младшего лейтенанта Василькова, освободил буфетчицу из-под ареста.

— Поспешил, товарищ Васильков! — недовольно заметил Голубев после ухода Блажевич. — Забыл о нашей тактике: внешне вести следствие по ложному следу.

— Вы думаете, товарищ майор, что этот случай имеет отношение к нашему делу?

— К нашему делу имеет отношение любой случай нарушения норм поведения со стороны этих людей. Но не в этом дело, — ответил Голубев. — Обнаружив преступный факт, оперативник никогда не должен обнаруживать себя. Это условие запомни раз и навсегда. Блажевич — связующее звено, персонаж далеко не первостепенный. Взять ее никогда не поздно: деваться ей некуда. Надо было держать ее как приманку и на этого живца подловить рыбу покрупнее. Теперь, когда стало известно, что Блажевич находилась под арестом и подверглась допросу, вражеская агентура не станет больше пользоваться ее услугами связной.

Внезапно дверь распахнулась, и в нее влетел Костя Кротов — кочегар, обнаруживший письмо в мундштуке.

— Здравия желаю, товарищ майор. Прибыл по вашему вызову, — четко отрапортовал он.

Голубев попросил Костю рассказать, как выглядел человек, которого он угостил папиросами.

Костя все дни ожидал этого вопроса, и все же он поставил его в тупик: наблюдательность в тот день изменила ему.

— Встретил бы я его сейчас, сразу бы узнал. Как зыркнул он на меня очкастыми шарами да рявкнул...

— Что ж ты молчал, что он был в очках?

— Точно. В очках. Это я только что вспомнил.

Больше у Кости вытянуть ничего не удалось.

Рассказывая друзьям-паровозникам о своей хмельной забывчивости, Костя Кротов сокрушенно качал головой и говорил, что у него после беседы с товарищем майором Голубевым было такое ощущение, словно по его вине проехали красный светофор.

— Пить я теперь бросил окончательно. А этого гада век не забуду, — грозно воскликцал он.

Вечером сотрудник управления капитан Дамбаев привез расшифровку записки. В ней сообщалось: «Петля затягивается, рвите ее. Дальнейшие инструкции следующей почтой».

Перед отъездом Дамбаев заходил к Тане в больницу. Придя в себя после глубокого обморока, она смогла написать несколько строчек Андрею.

Обрадованный Андрей вслух прочитал записку. «Я чувствую, что все будет благополучно и мы скоро встретимся. Береги себя. Жди».

Андрей ответил ей прочувствованным письмом, где сожалел о случившемся и желал ей скорейшего выздоровления. «Что бы ни случилось, я всегда рядом с тобой — твой надежный друг и защитник», — приписал он в конце.

НОЧНЫЕ ВИЗИТЕРЫ

В ту же ночь к домику, одиноко стоящему на краю улицы, прокрался человек. Без труда сбросив крючок у дверей, ведущих в сени, он толкнул следующую дверь. Бесполезно. Дверь, обшитая кошмой, не поддалась его усилиям. Тогда неизвестный тихо, тремя короткими ударами постучал в косяк. Через минуту он повторил стук несколько громче и, переждав еще одну минуту, снова стукнул три раза.

Тяжелая дверь бесшумно отворилась. Женщина, появившаяся из темноты, привычным жестом взяла ночного посетителя за руку и провела в боковую комнату.

— Не надо огня, — прошипел мужчина.

— Что вы делаете? Я провалена. Только сегодня меня выпустили, и за домом наверняка следят.

— Все меры предосторожности приняты. Я проник к вам, как тень. Это последняя передача.

В его прерывистом шепоте чувствовался нерусский акцент.

Мужчина вложил в руки хозяйки дома пачку папирос.

— Но как я передам их? Он слишком осторожен, чтобы после всего случившегося искать встреч со мной.

— Вы найдете его сами. Прощайте!

Софья Георгиевна вышла из комнаты первой. Она выглянула на улицу и, убедившись, что никто не следит за домом, осторожно приоткрыла дверь и выпустила незнакомца...

Через час капитан Дамбаев докладывал майору Голубеву:

— Она попалась в простейшую ловушку. Завтра «очкастому» будет поставлен мат в один ход.

— Рано торжествуете, капитан, — охладил пыл Дамбаева майор. — Эта комбинация проведена для того, чтобы подтвердить виновность Блажевич и припереть ее к стене. «Очкастого» таким фертом не возьмешь.

Капитан Дамбаев в ту ночь был не единственным посетителем домика на окраине. Не успела Софья Георгиевна успокоиться после пережитых волнений, как стук в окно поднял ее снова с постели. Пришел тот, кого она и хотела и боялась видеть. Софья испуганно прижалась к дверному косяку и пыталась рассказать о своем провале.

— Я знаю все, — прервал ее ночной посетитель. — Я видел, как к вам заходил связной и как следом за ним ушла засада, сделанная на меня. Что он вам передал?

Софья подала папиросную коробку и только тут заметила: он был без очков. Он не надел очки даже тогда, когда в затемненной боковой комнате при свете электрического фонарика расшифровывал записку, найденную им в одной из папирос. Прочитав записку, он криво усмехнулся. В его глазах появились злоба и ожесточение.

— Вина, закуски и два бокала, — повелительно сказал он Софье, и та, бесшумно двигаясь по комнате, на скорую руку собрала скромное угощение.

Разливая портвейн, ночной гость потребовал стакан холодной воды. Когда Софья вернулась из кухни, он наливал себе второй бокал.

— Пьем в последний раз. Через пять ми-

нут меня здесь не будет, — возбужденно сказал он, чокаясь с Софьей.

Софья благодарно посмотрела на него. Ей казалось, что с отъездом этого опасного человека кончатся все страхи, нависшие над ней с тех пор, как после растраты в столовой, когда ей угрожало снятие с работы, суд и, может быть, тюрьма, ее неожиданно выручил деньгами интеллигентный мужчина в очках, до этого часто останавливавшийся у стойки буфета и случайно узнавший о постигшей ее беде. Ей до сих пор было непонятно, как она, вдова погибшего на войне командира, впуталась в грязную историю и стала пособницей врага. И только боязнь за свою судьбу, животный страх перед ответственностью заставили ее молчать о своей второй жизни, бессовестно лгать и изворачиваться на допросе у Голубева.

«Позорному прошлому приходит конец, — подумала она, большими глотками выпивая вино. — Но почему я так быстро хмелею?»

Ответить на этот вопрос Софья не смогла, она потеряла сознание.

„ОЧКАСТЫЙ" УБИРАЕТ СВИДЕТЕЛЕЙ

Легковая автомашина быстро промчалась по улицам пробуждающегося города. У крайнего домика шофер круто затормозил. Из машины выскочили Андрей, капитан Дамбаев и врач-эксперт. Полчаса тому назад им стало известно об отравлении в своем доме Софьи Георгиевны Блажевич.

Андрей, вбежав в дом и пройдя в маленькую комнату, увидел на столе развернутый тетрадочный лист и стакан с водой. В кресле, склонив голову набок и опустив руки, лежала безжизненная Софья. На листе синим карандашом неровным, явно измененным почерком было написано: «Дальше позор терпеть не могу. Позаботьтесь о...» На последнем слове графит карандаша обломился, и оно осталось недописанным. Карандаша в комнате не оказалось, зато Андрей отыскал обломок графита и спрятал его в спичечный коробок. Перелив жидкость из стакана в бутылку, Андрей с большими предосторожностями упаковал стакан так, чтобы на нем сохранились отпечатки пальцев. Безуспешно искал капитан Дамбаев пачку папирос, принесенную им сюда ночью,— она исчезла. Больше ничего подозрительного не обнаружил и Андрей.

Тем временем врач констатировал смерть гражданки Блажевич от сильнодействующего яда...

В тот же день стало известно, что кочегар Костя Кротов был подобран ночью на улице. Его голова была проломлена кастетом. Он рассказал Голубеву, пришедшему к нему в больницу, свою невеселую историю.

— Шли мы с подружкой из клуба, с танцев. Время позднее. Сами знаете, дело наше холостяцкое, ну и задержались у калитки. Прощались, прощались, а распрощаться не можем. Тут я догадался поцеловать свою Ниночку. Разок... другой... третий... И вовсе расходиться не хочется. Так, думаю, и в поездку не поспеешь. Выручила мамаша Ниночки: прогнала ее домой. И меня, понятно, тоже шуганула домой, только в другую сторону. Так вот, значит, жму я на большой клапан, посвистываю, настроение бодрое, как у паровоза после горячей промывки. На углу остановился закурить. Достал папиросы, беру одну в рот. Тут из-за угла выворачивается здоровенный дядя. «Угостите, — говорит, — молодой человек, папироской еще разок». Я ему подаю пачку, зажигаю спичку и вижу — он. Не успел я подумать, что делать, как упал от сильного удара.

Майор Голубев, не перебивая, внимательно выслушал Костю, хотя чувствовал, что говорить ему трудно и больно. Но как остановить разговорившегося паренька, который в этот раз хотел рассказать как можно больше, чтобы хоть немного загладить свою оплошность, допущенную при первой встрече с «очкастым» в столовой?

Василий Иванович пожал Косте ослабевшую руку, пожелал ему быстрейшего выздоровления и, оставив на тумбочке пакет с гостинцами, вышел из палаты.

«Очкастый» убирает со своего пути свидетелей. Он боится быть опознанным на улице. Значит, он в городе и пока не спешит его покидать.

СИНИЙ КАРАНДАШ

Звонил полковник Ярченко. Внушительно и спокойно он указал майору Голубеву, что расследование дела о крушении поезда № 1112 идет крайне медленно. До сих пор следствие не имеет основательных данных и весь его ход построен на подозрениях и предположениях. Полковник предлагал сопоставить все факты, которыми располагает Голубев, и перейти к решительным действиям. В заключение он обещал помочь дополнительными документами, которые ускорят ход расследования.

Голубев созвал внеочередную оперативку. Важные данные сообщил Андрей.

В культмаге он установил, что синие карандаши, после их получения с базы, приобрели для райисполкома, школы и вагонного депо. Последнее обстоятельство особенно заинтере-

совало Андрея. Он тут же направился к Колосову, придумав безобидный предлог. Разговор шел на отвлеченные темы. Андрей не собирался уходить, заметив в стакане на письменном приборе несколько синих карандашей. Выбрав момент, когда Колосов выбежал к оператору за сводкой, передачи которой по телефону настойчиво требовали из службы, Андрей вынул из стакана карандаши. Два из них были остро зачинены. У третьего графит был обломлен. Андрей поспешно сунул его в карман, дождался возвращения начальника депо, распрощался и вышел.

Его охватило нетерпение. Казалось, карандаш прожигал карман. Открывая дверь кабинета, он долго не мог попасть ключом в замочную скважину и так же долго возился с неподатливым замком сейфа, где находился спичечный коробок с обломком графита. Только подготовившись к исследованию, он почувствовал себя спокойно. Лезвием перочинного ножа Андрей отрезал небольшой кусок карандаша со стороны излома, освободил графит от кедровой оболочки и попытался соединить два обломка графита. Обломки совпали.

Сообщение Андрея многое прояснило. Оно связывало два преступления как два звена одной цепи и вело в один и тот же адрес — в кабинет начальника депо Колосова.

Группа, которая вела наблюдение за Колосовым, была подчинена капитану Дамбаеву. Капитан докладывал горячо, отрывисто, с заметным бурятским акцентом.

— Колосов запил. Дважды его засекли в вокзальном ресторане с приемщиком министерства Грохотовым. В обоих случаях платил Грохотов. На днях, провожая Грохотова, начальник депо перехватил лишку. Домой его привел сосед, найдя после отхода поезда на перроне почти в невменяемом состоянии. В ресторане изъяты две пивные кружки, из которых пили Колосов и Грохотов. Кружки направлены в лабораторию отдела для снятия дактилоскопических оттисков.

ШАХМАТНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

После доклада Васильков и Дамбаев напрасно ждали решения майора. Он приказал продолжать наблюдение и просил оставить его одного.

Андрей чувствовал, что в эти часы майор решает уравнение со многими неизвестными. Стоит найти хотя бы одно неизвестное, и столбик уравнений будет решен с математической точностью. Но ведь одно неизвестное уже раскрыто — виновность Колосова неопровержима: подлог с анализом, синий карандаш. Что ж тогда медлит Голубев?

Об этом сосредоточенно думал Андрей, машинально переставляя шахматные фигуры.

— Мат в два хода, — торжественно произнес Дамбаев, продвинув пешку на одно поле вперед и открыв слона, атакующего вражеского короля. Видя безнадежность положения, Андрей сдал партию.

— Прошу реванша, — сказал он, заново расставляя фигуры.

Когда противники играли контровую, в дежурную комнату вошел Василий Иванович.

— Продолжайте, продолжайте,— остановил он своих помощников, поднявшихся ему навстречу. — А я посмотрю, подучусь.

Андрей атаковал. Фигур на доске осталось немного, и два слона Андрея контролировали черные и белые поля. Ладья и слон Дамбаева, заставленные своими же пешками, бездействовали. Пока капитан вводил их в игру, Андрей эффектной жертвой ладьи решил партию в свою пользу.

— Мне хочется провести параллель между нашей работой и шахматами, — тихо начал Голубев, когда противники укладывали фигуры в коробку.

Андрей и Дамбаев прислушались.

— Васильков выиграл не только потому, что он играл сильно, но и потому, что вы, Дамбаев, допустили массу оплошностей.

— Это выходит, не Андрей выиграл, а я проиграл? — весело спросил капитан.

— Отчасти так. А вот когда встретятся два равных по силе противника, опытных, таких, которые не допускают явных ошибок, победителем окажется тот, кто проявит больше спокойствия и выдержки, кто крепче физически и морально, кто непреклонно верит в свою победу.

Казалось, ничего нового не сказал Голубев своим молодым помощникам, но бывает и так, что людям нужно повторить и прописную истину, чтобы вселить в них уверенность в превосходстве над врагом, напомнить о долге, поднять начинающую затухать энергию.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ЛАПИНА

В пакете, присланном полковником Ярченко с нарочным, находилось личное дело мастера литейного цеха Крутилинского завода Лапина и данные дактилоскопического анализа. Оттиски пальцев на стакане, изъятом из квартиры Блажевич, и на одной из пивных кружек, посланных на анализ Дамбаевым, совпадали.

«Новая неопровержимая улика против Колосова», — подумал Андрей, рассматривая справку.

Голубев листал личное дело Лапина. С верхнего правого угла «Листка по учету кадров» с пожелтевшей фотографии на него недружелюбно взглянул мужчина средних лет. Бритая голова и усы подковой, концы которой задевали подбородок, вызывали удивление. «Не то татарин, не то запорожец. Грубая маскировка, — размышлял Голубев. — Усы всегда можно сбрить, а шевелюру — отрастить. Нельзя только переделать глаза. Да, но их можно спрятать под очками».

Майора Голубева осенила интересная мысль. Пересъемка фотографии Лапина в увеличенном виде заняла менее часа. Взяв одну из карточек, срочно отпечатанных ему Андреем, Василий Иванович тонкой кисточкой нанес на бритую голову Лапина шевелюру, затем лезвием безопасной бритвы счистил на фото усы и закрасил соскобленные места под цвет лица. Когда Василий Иванович подрисовал крутилинскому литейщику очки, он сам удивился поразительному сходству Лапина с приемщиком вагонов Грохотовым.

— Узнаешь? — с торжеством в голосе спросил Голубев Андрея.

— Грохотов?! Точно!.. — воскликнул его изумленный помощник. — Как же это так, Василий Иванович?

— Тихо, Андрюша, — успокоительно проговорил Голубев. — Этим доказано еще не все. Лапина можно так разрисовать, что он и на тебя станет похож. Но не будем медлить. Капитан Дамбаев, немедленно арестуйте Колосова и передайте шифровку полковнику Ярченко о необходимости задержать Грохотова. Младший лейтенант Васильков, в архиве кадров вагонного депо разыщите личное дело бывшего мастера депо Грохотова. С фотографией из личного дела срочно съездить в больницу к Кротову для опознания в Грохотове «очкастого».

КОЛОСОВ ПРИЗНАЕТСЯ

Майор Голубев закурил папиросу. Давно папироса не казалась ему такой приятной, а едкий табачный дым таким сладким. Откинувшись на спинку стула, он перебирал в памяти весь ход расследования дела о крушении. Первым, кого он встретил, выехав морозным вечером на место крушения в Глубокую Падь, был приемщик министерства Грохотов. Он горячо доказывал заместителю начальника дороги, что на кривых нельзя развивать такие бешеные скорости. «Тут не только оси, а и вагоны с паровозами полетят к черту вверх тормашками», — в запальчивости кричал он. Голубев вспомнил обвинительную речь Грохотова против машиниста Кленова на оперативном совещании у начальника дороги. «Гнать в шею лихачей, строго судить аварийщиков», — безапелляционно закончил он свое выступление.

Только сейчас Голубеву стало очевидным, что все затруднения по расследованию дела о крушении возникали тогда, когда на станцию приезжал Грохотов. Подмена анализа, срочная командировка Тани, покушение на нее и Костю Кротова, случай в столовой, убийство Блажевич — все это, несомненно, сделано руками Грохотова и его сообщников, а не является цепью случайных совпадений. Остается установить роль и участие в этих преступных делах Колосова.

Капитан Дамбаев привел арестованного начальника депо на допрос.

Василий Иванович с первого взгляда на Колосова оценил обстановку. Ошеломленный неожиданным арестом, Колосов был в таком состоянии, когда врать и запираться считают бесполезным и говорят все начистоту.

— Гражданин Колосов, вы обвиняетесь в пособничестве агенту вражеской разведки диверсанту Грохотову, — начал Голубев.

— Грохотов — диверсант? Я — пособник врагу? — Колосов упал грудью на стол и глухо зарыдал.

— Товарищ майор, он выпивши, — наклонясь к самому уху Голубева, прошептал Дамбаев. — Я его прямо в закусочной у вокзала взял.

Голубев продолжал:

— Вы приняли участие в подмене анализа изломанной при крушении шейки оси, чтобы направить следствие по ложному пути. Вы командировали инженера Загорскую в управление дороги, как нежелательного вам свидетеля, и поставили ее под удар. Спасая Грохотова, вы отравили гражданку Блажевич в ее квартире и теперь заливаете свои преступления вином.

Колосов оторвал голову от стола, поднялся на ноги. Самообладание вернулось к нему.

— Товарищ майор, — решительно обратился он к Голубеву.

— Считались мы товарищами, Колосов, пока вы не потеряли чести и совести. Теперь вы не товарищ ни мне, ни другому советскому человеку, — поправил его Голубев.

— Гражданин следователь!

Это обращение, казалось, подхлестнуло его и настроило на откровенность.

— Да! Я — преступник и готов понести заслуженную кару. Моя самая большая ошибка

это то, что я не разгадал в Грохотове врага, пришедшего извне. Все, что я делал, казалось мне, не выходит за грани должностных нарушений, и я считал это проступками, а не преступлением. Когда я узнал от Загорской истинные результаты анализа, моим первым желанием было идти и все рассказать вам, хотя пакет с подложным анализом вы получили из моих же рук. От этого единственно верного шага меня удержал Грохотов. Он сказал мне, что Кленову от тюрьмы все равно не отвертеться, а если будет установлено, что поезд завалили из-за излома шейки оси, крушение запишут на вагонное депо и, чего доброго, начнут таскать на допросы, сначала как свидетеля, а потом и статью пришьют. Мне это показалось убедительным. Кроме того, не хотелось портить хорошие отношения с Грохотовым. От него, министерского приемщика вагонов, во многом зависело выполнение плана нашим депо. Заартачится и не примет вагоны, выпущенные из ремонта. Тут из службы нахлобучка. Премиальных лишишься. В плохие начальники попадешь, а потом в хорошие не скоро выбьешься. Я буду откровенен до конца. С Грохотовым у нас давно установился контакт. Началось это с приписки в выполнении плана ремонта, о которой узнал Грохотов. Разоблачение грозило мне крупными неприятностями. Однако Грохотов по-приятельски прикрыл приписку фиктивными актами, а в последующем такие комбинации мы делали неоднократно. Каждый его приезд сопровождался попойками. Я ему задолжал солидную сумму денег, а рассчитаться мог только из премиальных, получать которые помогал мне все тот же Грохотов. В последнем случае с крушением меня смущало только одно: как быть с Загорской? Она не станет молчать, и ее не купишь премиальными. Выход подсказал Грохотов. Он сообщил, что договорился с техническим отделом дороги о вызове Загорской для рассмотрения ее рационализаторского предложения на техническом совете, и я тут же срочно командировал ее в управление дороги. Вслед за этим несчастье с Загорской, которое меня ошеломило. Что касается убийства Блажевич, тут моей вины нет нисколько — это гнусный наговор.

Колосов говорил без остановки, и Голубев не перебивал его, зная, что, если человека прорвало, он выскажет все без утайки. Но почему он отрицает последнее обвинение? А синий карандаш и отпечатки пальцев на стакане и пивной кружке? Василий Иванович достал синий карандаш и предъявил его Колосову.

— Этот сломанный карандаш изъят из вашего кабинета младшим лейтенантом Васильковым.

Майор продемонстрировал совпадение обломков графита и рассказал, где был найден кончик карандаша.

— Все ясно, гражданин следователь, — немного подумав, сказал Колосов. — Однажды утром Грохотов зашел ко мне в кабинет подписать акты приемки. Вытащив из кармана карандаш, он увидел, что тот сломан, и, не найдя ножа, взял у меня с чернильного прибора очиненный карандаш, оставив свой.

Оставалось разобраться с совпадением отпечатков пальцев. Для этого не потребовалось объяснения Колосова; майор понял, что и на стакане, и на пивной кружке отпечатались пальцы Грохотова.

Капитан Дамбаев пододвинул Колосову протокол допроса:

— Прочитайте и распишитесь на каждой странице.

Колосов, не читая, расписался несколько раз. Конвоируемый вызванным сержантом, он вышел из кабинета.

Показание Кости Кротова, принесенное Андреем из больницы, еще раз подтвердило предположение, что «очкастый» — приемщик Грохотов.

В ПОЕЗДЕ № 15

Задержать Грохотова в управлении дороги не успели. За несколько часов до получения полковником Ярченко шифровки Грохотов с поездом № 15 выехал в Москву с квартальным отчетом. Майор Голубев получил задание снять его с поезда на станции Новая. Сообщался номер вагона и место, занимаемое Грохотовым.

За несколько остановок до станции Новая в мягкий вагон с обоих тамбуров вошли Голубев и его помощники. Дамбаев и Васильков стали у выходных дверей, Голубев решительно направился к середине вагона. Держа в правой руке пистолет, левой он вставил трехгранный ключ в замочную скважину четвертого купе, осторожно повернул его и рванул дверь вправо. Дверь подалась всего на несколько сантиметров и уперлась в предохранитель.

— Откройте, ревизия, — внушительно сказал майор, пропуская луч карманного фонаря в узкую щель и освещая затемненное купе.

На нижней полке метнулась фигура человека. Увидев направленный на него свет, человек нырнул под одеяло.

Голубев двинул дверь влево. Пассажир, лежавший на верхней полке головой к дверям, включил свет, отогнул защелку предохранителя и впустил Голубева.

Майор вовремя успел спрятать пистолет;

тринадцатое место, где он ожидал увидеть Грохотова, занимала миловидная блондинка с артистической внешностью.

— Почему вы на чужом месте? — в упор спросил ее Голубев.

Испуганная блондинка рассказала, что она едет в Новосибирск с эстрадной бригадой на гастроли. Накануне в вагоне-ресторане за вечерним чаем она разговорилась с сидевшим напротив солидным мужчиной в форме железнодорожного подполковника, пожаловалась ему, что не смогла достать место в мягком вагоне и вынуждена ехать в купейном. Подполковник оказался настолько любезным, что уступил ей свое место в мягком, перенес вещи, перекомпостировал билет, а сам, бедняжка, наверное всю ночь ворочается на жесткой полке. «Чем только не пожертвуешь ради искусства», — сказал он ей перед сном, уходя в соседний вагон и обещая зайти к ней утром, чтобы вместе позавтракать. По приметам Голубев установил, что это был Грохотов. «Опять перехитрил меня «очкастый», — подумал майор. — Старый разведчик осторожен и предусмотрителен».

Они всей группой перешли в соседний вагон. Проводник, узнав работников государственной безопасности, торопливо сообщил им, что человек, которого они разыскивают, вышел час тому назад на станции Таежная дать телеграмму и не вернулся в вагон. Вещи его остались в купе, а с собой он взял только кожаную папку, с которой ни на минуту не расставался всю дорогу.

Андрей вскрыл принесенный Дамбаевым чемодан. В нем оказались форменный серый костюм с погонами подполковника, пижама, белье, продукты и книга «В погоне за призраком».

— Интересуется советским детективом, — заметил Голубев. — Нелегкая погоня предстоит и нам. Только мы пойдем не за призраком, а за живым, известным нам человеком.

Колеса вагонов застучали на стрелках. Поезд подошел к станции Новая.

ПОГОНЯ

Капитан Дамбаев остался на станции для проверки всех проходящих на запад поездов. Василий Иванович с Андреем на автодрезине срочно выехали на станцию Таежная. Семьдесят километров автодрезина пролетела без остановки менее чем за час.

«Где может быть Грохотов? — в сотый раз задавался вопросом майор, мысленно ставя себя на его место и обдумывая, как бы он поступил сам, попав в подобную ситуацию. — На станции он не останется: слишком приметная фигура. В город тоже не пойдет. Не так просто там получить ночлег незнакомому человеку. Явки в Таежной у него не может быть. Ехать дальше он не решится, чувствуя, что впереди поставлен заслон. «Очкастый» должен забиться куда-нибудь в сторону, чтобы переждать опасное время, а затем спокойно выбраться из ловушки».

Станционные работники, опрошенные Голубевым, не могли ничем ему помочь, так как не видели человека с приметами Грохотова. Надо было срочно принимать решение. Каждая минута промедления шла на пользу врагу, отдаляла его от преследователей.

Голубев зашел к дежурному по станции, чтобы по селектору вызвать полковника Ярченко. Надев наушники селектора, он услышал, как главный кондуктор с грузового поезда докладывает в отделение: несколько минут тому назад у Крюковского переезда неизвестным был сорван стоп-кран. Виновника задержать не удалось. Поезд следует дальше.

До Крюковского переезда отсюда шестнадцать километров. Голубев понял, что остановка поезда на перегоне дело рук Грохотова. Быстро запросив отправление, группа на автодрезине двинулась дальше.

Вот и дорога, ведущая в Крюковский леспромхоз. От станции Таежная она идет параллельно железной дороге, то появляясь, то исчезая в придорожной лесной полосе. После пересечения с железнодорожным полотном лесовозная дорога круто поворачивает в дремучую тайгу.

В глухой чащобе, вдали от населенных пунктов, — таежный поселок крюковских лесорубов.

Автодрезина остановилась на переезде. Голубев и Васильков выскочили из вагончика. На ходу отдав приказание шоферу следовать обратно и ждать на станции, майор бросился к будке переездного сторожа. Навстречу ему с фонарем в руке вышла дородная сторожиха в длинной овчинной шубе, пуховом платке и огромных валенках, подпоясанная солдатским ремнем, на котором висел футляр с сигнальными флажками.

— Все в порядке, товарищ майор, — откозыряла сторожиха, поднеся растопыренную ладонь к щеке.

— Когда в Крюково прошла последняя автомашина?

— В 21.15 московского. Сразу после отхода останавливавшегося на переезде поезда прошли два порожних лесовоза, — по-военному отрапортовала бойкая железнодорожница и уже неофициально добавила: — На первом ехал Васька Куликов, а второй вел Иван Иваныч

Король — лучший наш водитель. Он еще останавливался у будки, кваску своеварного я ему выносила.

У закрытого шлагбаума послышался автомобильный сигнал.

— Разрешите отлучиться для выполнения служебных обязанностей? — снова переходя на официальный тон, спросила сторожиха.

Майор не слышал этого вопроса. Увлекая за собой Андрея, он бросился к автомашине. Почти упираясь радиатором в перекладину шлагбаума, не заглушая мотора, у переезда, нетерпеливо подрагивая всем корпусом, стоял лесовозный автомобиль ЗИС-150.

— Быстро поднять шлагбаум, — скомандовал майор, открывая дверку кабины.— Андрей, сюда.

Обращаясь к шоферу, как к старинному другу, Голубев взмолился:

— Прокати, голубок, с ветерком. Важная птица улетает, надо не упустить.

Шофер без объяснения понял, каких пассажиров он принял в кабину.

Прогромыхав прицепом по переезду, он подвернул к обочине дороги, оставил прицеп у кювета и, переключив скорость на пятую, ринулся в погоню.

Андрею казалось, что он видит воочию, как сокращается расстояние, отделяющее их от машин Куликова и Короля. На которой из них удирает Грохотов? По верному ли они идут следу? А если стоп-кран сорвал кто-нибудь из работников леспромхоза, возвращавшийся ночью из города, как это бывало не один раз раньше? Почему так уверен и спокоен Голубев? Разве не наступает самая ответственная минута решительной схватки с врагом? А вдруг Грохотова нет на этой дороге, он воспользуется прекращением за ним слежки и надежно спрячется? Из раздумий Андрея вывел резкий толчок. Шофер включил тормоза, и машина с шипением остановилась на развилке двух дорог.

— Куда прикажете дальше ехать, товарищ начальник? — спросил шофер. — Налево — дорога в лесосеку, на погрузку леса. Направо — в поселок леспромхоза.

Голубев выскочил из кабины. Свежие следы были хорошо заметны на обеих дорогах. Приглядевшись к следам, майор определил, что последняя машина Ивана Ивановича Короля направилась в поселок. «С чего бы это Король стал терять время и очередь на погрузке леса? —задался вопросом Голубев. — Ответ может быть только один: в поселок его заставил ехать пассажир».

— Жми, голубок, в поселок, — решил майор. — Мы на пятках у Короля...

В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Теперь, когда наше повествование подходит к концу, мы вернемся на несколько лет назад, чтобы внести в события полную ясность.

В числе диверсантов, заброшенных немцами в осажденный Ленинград задолго до прорыва блокады, оказался некто Олег Мертвищев. В первые месяцы войны Олег не спешил эвакуироваться с железнодорожным техникумом, где он читал курс вагонного хозяйства, и встретил «завоевателей» вместе с другими предателями, оставшимися для «сохранения порядка» в покинутом советскими войсками Львове. От должности полицая до разведывательной школы оказался один шаг.

Инструктируя группу диверсантов перед засылкой в Ленинград, начальник русского отдела школы полковник Шлехтер определил Мертвищеву особое задание. Беседа происходила с глазу на глаз.

— Господин Мертвищев! Вы в последний раз слышите свою подлинную фамилию, — начал полковник Шлехтер. — Отныне вы техник-строитель Петр Яковлевич Квасов.

Полковник передал Олегу комплект документов на имя Квасова.

— Войне пока еще не видно конца, — продолжал Шлехтер.— Завтра вас выбросят с самолета в окрестностях Ленинграда. Оттуда вы проберетесь на Урал, устроитесь в тихом уральском городке на незаметную работу в какую-нибудь артель или промкомбинат и будете ждать задания. Свое местонахождение сообщите нам шифровкой через уральского резидента. Адреса явок прочтите и запомните наизусть. Возможно, что задания вам придется ждать очень долго. Это не должно вас огорчать. В период бездействия, чтобы вам не было скучно, заведите обширные знакомства, запишитесь в кружки самодеятельности, в библиотеку, в спортивное общество. На займы подписывайтесь первым. Денег не жалейте. Ваша задача— врасти в коллектив, завоевать доверие, показать себя, как это у русских называется, «парнем в рубахе». Не исключена возможность, что война затянется, и нам нужны свои люди на той стороне...

Мертвищев напряженно вслушивался в каждое слово полковника.

«Петр Квасов... Петр Квасов»... — как метрономом отстукивало в его сознании после каждой фразы, произнесенной шефом...

И вот он в Ленинграде.

Когда Олег приземлялся с парашютом в пригороде Ленинграда, его постигла первая неудача — он угодил на озере в полынью от

снаряда. Олег долго барахтался в студеной воде и кое-как выкарабкался на крепкий лед. В воде он сбросил с ног тяжелые сапоги, под стельками которых были запрятаны документы и часть денег. Тщательно обсушившись в заброшенной избушке, сколоченной на берегу озера в довоенные годы любителями охоты на водоплавающую дичь, Олег переоделся в штатский костюм и с трудом пробрался в Ленинград, полагаясь на свою удачливую фортуну. Фортуна не подвела его. Укрываясь от ночных патрулей, он совершенно случайно нырнул в подъезд полуразрушенного дома на Обводном канале. Поднявшись на третий этаж, в темном коридоре Олег нащупал дверную ручку и тихо нажал на нее. Давно не смазывавшаяся дверь, скрипнув, отворилась. Из комнаты пахнуло сыростью и затхлостью, свойственными нежилым помещениям.

В непроницаемой тьме ориентироваться было невозможно, и Олег засветил электрический фонарик. В комнате стояла железная печка и кровать. Под тонким суконным одеялом на кровати угадывалась человеческая фигура. Поставив пистолет на боевой взвод, Олег тихо окликнул хозяина комнаты. В ответ ни звука. Он подошел к изголовью кровати. Из темноты на него стеклянными глазами строго смотрел мертвец. Олег в страхе отшатнулся от жуткого видения. В комнате мебели не было. Все, что могло гореть — шкаф, стол, стулья, книги, — ушло в прожорливую печь, до последнего дня согревавшую своего хозяина. Хладнокровие и спокойствие вернулись к Олегу.

«Надо бояться живых, а мертвые безопасны, — подумал он, осматривая вещи покойного. — Смерть от дистрофии», — заключил он, бегло взглянув на лежащий скелет, обтянутый желтой кожей.

Больше всего Олега заинтересовали документы умершего. Он разыскал паспорт и военный билет с отметкой о негодности к несению воинской службы, а также несколько различных справок на имя студента-дипломника Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта Лапина Александра Петровича. Обрадовало Олега предписание, по которому Лапину надлежало явиться на эвакуационный пункт для выезда из Ленинграда, как дистрофику, по только что проложенной «дороге жизни».

«Полный порядок, — торжествовал Олег.— Есть ночлег, документы и, главное, виза на выезд из этого мертвого города».

Утром, надев для большего сходства очки студента, обросший и измученный бессонными ночами, он явился на эвакуационный пункт. В спешке не вызвавший никакого подозрения, Олег с одной из машин был отправлен в путь через Ладожское озеро.

НА КРУТИЛИНСКОМ ЗАВОДЕ

Через два месяца Олег с документами Лапина появился на Урале, в поселке Крутилино, куда в то время из центра эвакуировался вагоностроительный завод. Начисто обрив голову и отрастив запорожские усы, Олег по истечении срока обменял паспорт и узаконил за собой фамилию Лапина. В работе и жизни он строго следовал инструкциям, полученным от полковника Шлехтера.

Давно окончилась война. Разведывательная школа, где проходил выучку Олег, отошла на территорию Восточной Германии, где немецкий народ встал на путь строительства социализма и не собирался вредить своему великому соседу. Иногда Олегу казалось, что о нем забыли и он, обретя права гражданства, снова стал честным советским человеком. Но каждый раз, когда он решал, что от старых связей не осталось и следа, ему невольно вспоминалась разведывательная школа полковника Шлехтера и личное дело агента, зарегистрированного под кличкой Пращур, а в личном деле, среди справок и бумаг, несколько фотографий, на которых он, Олег Мертвищев, в форме полицая запечатлен бесстрастным объективом фотоаппарата на фоне виселиц, пожаров и разрушенных зданий с друзьями, такими же, как и он, предателями и подлецами. Там же, в личном деле, находился составленный им донос, по которому была арестована и расстреляна вся семья секретаря горкома партии — руководителя партизанского отряда.

За годы работы на Крутилинском заводе Олег поднялся по служебной лестнице от рабочего до мастера одного из ведущих цехов — литейного.

Поведение его было безукоризненным. Несколько раз приглашал «товарища Лапина» к себе на беседу парторг ЦК на заводе, интересуясь, почему он до сих пор не в партии. За ним упрочилась репутация «убежденного холостяка». Сердобольные соседки по квартире распространяли слухи, что Александр Петрович потерял всю семью в самом начале войны и остался верен памяти погибшей жены.

Назначение Лапина мастером литейного цеха совпало с награждением его вместе с большой группой работников завода орденом «Знак почета».

И сразу же его призвали к действию.

В цехе у новоиспеченного мастера обнаружился соучастник, следивший за ним в тече-

ние всего времени и информировавший о его поведении заинтересованных лиц. Через него Мертвищев-Лапин получил задание. Он же оказывал Олегу активную помощь в выполнении диверсии. Робкая попытка Мертвищева-Лапина отказаться от выполнения задания была отклонена сообщником, предъявившим копии компрометирующих документов и фотографий.

В течение месяца было выдано несколько плавок с повышенным содержанием фосфора и серы. Из этого металла в другом цехе выпрессовывали вагонные оси.

Олег понимал, что увеличенный процент этих элементов ослабит металл, сделает его более хрупким, особенно в суровые морозы, и дефектные оси, поставленные под грузовые вагоны, через определенный срок неминуемо сломаются на ходу, что повлечет массовые крушения и нанесет колоссальный ущерб государству.

Он чувствовал, что на заводе работает целая диверсионная группа, подозревал в соучастии и лаборантку, приходившую за пробами металла в дни, когда выдавались некачественные плавки, и мастера колесного цеха — соседа по квартире, — встреч с которым он избегал, и некоторых других. Но обо всем этом нужно было молчать, и он молчал.

Колесные пары, сформированные на дефектных осях, расходились по вагонным депо Урала, Сибири и Дальнего Востока. Когда деятельность Олега достигла наивысшей активности, он внезапно получил секретное указание разведывательного центра о перемещении его из Крутилино в одно из сибирских вагонных депо, чтобы из исполнителя стать наблюдателем.

Под предлогом отъезда к престарелым родителям Олег с трудом добился расчета и, напутствуемый пожеланиями успеха, выехал из Крутилино.

ПРИЕМЩИК МИНИСТЕРСТВА

Вскоре Мертвищев-Лапин уже под фамилией Грохотова появился на сибирской станции Новая, где устроился мастером вагонного депо. А через год поднялся по должностной лестнице сразу через несколько ступенек и стал появляться на станции Новая и в других вагонных депо дороги как приемщик вагонов Министерства путей сообщения.

Осматривая выпускаемые из ремонта вагоны, Грохотов нередко встречал на вагонных осях клейма, номера плавок на которых заставляли его быть настороже и напряженно ждать.

Когда, почти на глазах, сработала первая ось, — результат разочаровал его. Вторая ось принесла еще большее разочарование. Как вели себя дефектные оси на других дорогах, он не имел сведений и мог только догадываться, что серьезного ущерба они не приносили: крупных крушений из-за излома вагонных осей не было.

Вся надежда возлагалась на Сибирь с ее сухими, крепкими морозами, где излишние примеси в металле быстрее делали свое разрушительное дело.

Когда вечером его вызвал с квартиры по телефону заместитель начальника дороги и предложил немедленно выехать с ним на место крушения в Глубокую Падь, Грохотов решил: началось. Предположение его оправдалось — сработала третья ось.

После крушения поезда № 1112 можно было записать себе в актив крупную победу. Грохотов торжествовал. Его торжество омрачилось, когда расследованием крушения занялись органы государственной безопасности.

«Если они найдут истинную причину, — думал он, — все мои долголетние труды пойдут прахом». — Грохотову показалось, что он сумел направить следствие по ложному следу. Подлоги, покушения, убийство — ничем не брезговал гнусный враг, для того чтобы замести свои грязные следы. Он скорее почувствовал, чем узнал, что, несмотря на все предосторожности, попал в облаву и кольцо преследования замыкается. Надо бежать. Времени, для того чтобы связаться с центром, не было, и Грохотов решил действовать самостоятельно. Под видом выезда в Москву с квартальным отчетом он уехал из управления дороги.

Остановка на станции Таежная, возвращение на товарном до переезда, срыв стоп-крана, попутная машина в Крюковский леспромхоз и прибытие туда с поддельным мандатом уполномоченного облисполкома — все это было продумано и подготовлено заранее. Грохотов закрылся в заезжей комнате, гостеприимно предоставленной ему директором, чувствуя себя наконец в безопасности. Он потребовал утром подать ему автомашину, чтобы ехать на самый отдаленный участок лесозаготовок — Топорок.

— Не люблю отсиживаться в конторе, — расставаясь перед сном на крыльце заезжей, заявил он директору. — Хочу сразу ознакомиться с обстановкой...

«В далекой глуши, куда не достают даже телефонные звонки, можно будет некоторое время отсидеться, а потом...» — О дальнейших планах он не успел подумать. Усталость поборола тревоги и опасения. Грохотов уснул.

БЕССОННАЯ НОЧЬ ДИРЕКТОРА

Директора Крюковского леспромхоза Никитаева разбудил телефонный звонок. Вызывали в контору.

— Черт знает что такое! — ворчал недовольный директор. — Только что устроил одного уполномоченного, опять какие-то гости нагрянули. И до всего должно быть дело директору. Пора, пора, старик, на пенсию.

Никитаев хитрил сам перед собой. Проработав свыше тридцати лет в лесу, прочно утвердившись после войны на посту директора одного из крупнейших леспромхозов области, он только сейчас почувствовал себя в силе.

Большим хозяйством он руководил легко и спокойно. Считая основой выполнения плана заботу о людях, старый директор построил в тайге благоустроенные поселки, не отличающиеся от городских, со всеми возможными удобствами. Рабочие из Крюково не увольнялись. Плохо здесь было только пьяницам, бездельникам и бракоделам.

Приезд уполномоченного удивил Никитаева: ему почудилось недоверие к его способностям руководителя, это настроило его на ворчливый тон и заставило заговорить о пенсии.

— Чем могу быть полезен? — вежливо обратился Никитаев к мужчине в военном полушубке, угадав в нем старшего группы.

Голубев коротко рассказал Никитаеву о цели приезда.

— В пути мы встретили возвращавшегося из поселка шофера Короля, который привез к вам «уполномоченного». Не вызывает сомнения, что это тот, кого мы разыскиваем.

— Разрешите проводить вас к месту ночлега самозванца, — предложил директор.

Рассказ Голубева ободрил его: «Верят еще в области старику Никитаеву. Знают, что справится с планом сам, без толкачей и теребильщиков», — удовлетворенно отметил в своем сознании директор.

— Сон Грохотова будет оберегать ангел-хранитель в образе младшего лейтенанта Василькова. Возьмем эту сволочь утром в автомашине.

ВЕСНА НАСТУПАЕТ

Грохотова разбудили доносившиеся с улицы сигналы автомобиля.

В нижнем белье, босиком, он подошел к окну и отдернул занавеску. У крыльца, фыркая мотором, стояла легковая машина ГАЗ-67, получившая распространенное прозвище «козел».

Грохотов постучал в окно, чтобы обратить на себя внимание, и махнул рукой: мол, сейчас. Одеться, умыться, выпить стакан крепкого чаю было делом нескольких минут. С неразлучной папкой в руках Грохотов вышел на крыльцо. Он невольно зажмурился от утреннего весеннего солнца. Ранняя оттепель повсюду оставила свои следы. С крыши грозно свесились громадные сосульки. Грохотов в испуге отшатнулся от карниза: ему почудилось, что ледяные пики острием направлены прямо ему в голову и готовы поразить его. Вешними водами у дороги промыло глубокую канаву. Вода скатывалась в канаву, увлекая за собой навоз, мусор, щепу, очищая дорогу от всего лишнего, наносного. Воробьи после зимнего одиночества организовывались в шумные, суетливые стаи. Одна стая опустилась возле крыльца, пестрые пичужки запрыгали в сторону Грохотова, задорно чирикая, как бы выкрикивая: «Вот он... Вот он... Вот он...» Грохотов отступил в глубину крыльца. Из машины выскочил Никитаев, и это вывело Грохотова из состояния испуга.

— Пожалуйста, товарищ уполномоченный. Машина довезет вас до самого Топорка. С вами поедут бухгалтер и кассир, сегодня в Топорке выдача зарплаты.

Сопровождаемый Никитаевым Грохотов подошел к «козлу». Молоденький шофер, с утра уже успевший изрядно повозиться с «козликом», что было видно по его щекам и лбу, вымазанным в масле, предложил «уполномоченному» садиться рядом. На заднем сидении развалились двое мужчин, закутанных в длиннополые тулупы.

Грохотов попрощался с Никитаевым.

— Из Топорка я, возможно, выеду прямо в колхоз «Красное знамя», а оттуда, не заезжая к вам, в область. В этом случае не теряйте меня, — предупредил он директора. — Впрочем, тогда я вам черкну пару строчек.

«Как же, дождешься от тебя теперь записки!» — подумал директор, суровым взглядом провожая машину.

ЖИЛ-БЫЛ У БАБУШКИ СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК

Грохотов внимательно смотрел в ветровое стекло. Дорога от поселка сразу вильнула в сторону и выскочила на таежную просеку. В лесу весна чувствовалась слабее. Густой лес, стоявший по обе стороны дороги, не пропускал лучей солнца, снег по обочинам лежал нетронутым, и только чернела колея, накатанная колесами автомобилей. На ухабах «козел»

подпрыгивал, словно для того, чтобы оправдать свое шутливое прозвище. Грохотову почему-то вспомнилась с детства знакомая песенка, и он тихо под нос замурлыкал:

Жил-был у бабушки серенький козлик.
Вот как, вот как, серенький козлик.

От быстрого бега машины казалось, что деревья летят ей навстречу и бросаются со всех сторон прямо на машину, пытаясь схватить пассажиров своими суковатыми колючими лапами.

И вдруг Грохотов почувствовал, что сзади его кто-то крепко обнял сильными руками и прижал к спинке сидения. В ту же минуту шофер резко затормозил машину и ловким движением защелкнул на его руках наручники.

— А теперь разворачивайся, Андрей, и быстро обратно, — послышалась команда сзади.

Грохотов обернулся и встретился глазами с невозмутимым взглядом Голубева.

«Остались от козлика рожки да ножки», — речитативом промолвил шофер, в котором Грохотов с трудом распознал Василькова.

КОНЕЦ „ОЧКАСТОГО"

Полковник Ярченко заканчивал допрос.

— С воспитанниками полковника Шлехтера я встречаюсь не впервые. Вы, Грохотов, вредили нам долго, а сгорели на пустяке. Когда вы решили пустить следствие по ложному следу, мы сами пошли на это. Здесь наши планы не расходились. Прежде чем разоблачить вас, мы раскрыли вашу дефектную продукцию, изъяли ее из употребления и обезопасили транспорт от ее губительного действия. Все ваши попытки пустить пыль в глаза следователю только изобличали вас, но не спасали положения. Полковник Шлехтер, посылая вам директивы с той стороны, мог просчитаться, он никогда не был особенным знатоком души советского человека. Но как вы, проживший в России почти всю свою жизнь, до сих пор не убедились в том, что в нашей среде немыслимо безопасное пребывание чуждых для нас людей, вредящих нашему обществу?

Те люди, в которых вы искали себе соучастников, оказались плохими конспираторами. Иначе и не могло быть. Блажевич и Колосов не подготовлены для подрывной работы. Буфетчица по неопытности и рассеянности продала папиросы, предназначенные для вас. Ночью она впустила к себе в квартиру нашего агента, поверив таинственным стукам и его «иностранному выговору» — бурятскому акценту. Колосов, опустившийся человек, пошел на преступления ради денег на пьянство и гулянки. Вот ваши горе-помощники, которые принесли вам больше вреда, чем пользы. Те, на кого вы опирались, рано или поздно все равно бы провалили вас.

— Обо мне разговор окончен, — заговорил Грохотов. — В поединке с Голубевым я проиграл. Но я более десяти лет ходил по советской земле открыто, не боясь встречать людей в фуражках с красным околышем, не страшась ночных стуков и не пугаясь внезапной проверки документов. И после всего этого вы говорите о силе своей контрразведки.

— Во-первых, проиграли вы в поединке не только с Голубевым, а с народом. Я имею в виду и инженера Загорскую, и кочегара Кротова, и шофера Короля, и директора Никитаева. Во-вторых, жизнь вам могла казаться относительно спокойной только до тех пор, пока вы не вредили нам, а сидели, притаившись, как крыса в норе. Стоило вам высунуть из норы только лапу, как она попалась в капкан. Признайтесь, что первое же прикосновение к русской земле после прыжка с самолета обожгло вам ноги. Спокойных ночей у вас с тех пор тоже не было.

— К счастью, с самолета я угодил прямо в воду и ноги не ожег, — невесело пошутил Грохотов. — А спокойно спал за все это время только одну ночь, в заезжей комнате, накануне ареста. Агитацию, полковник, вы разводите напрасно. Я не смогу передать ваши здравые мысли и нравоучения ни друзьям, ни потомкам. Увы, я лишен такой возможности.

— У вас нет и не может быть ни друзей, ни потомков. А судьба ваших сообщников такова: связной последовал примеру, очевидно, небезызвестного вам Францишека Нейгебауэра, добровольно отдавшись в руки правосудия. Через него мы добрались до проводника вагона, столкнувшего Загорскую по вашему приказу с поезда, и раскрыли тех, кто руководил вами свыше. С ними вам еще не раз придется встретиться на следствии.

Грохотов безнадежно опустил голову и попросил дать ему отдохнуть.

Полковник нажал кнопку звонка.

— Уведите арестованного.

ПУТЬ СВОБОДЕН

Андрей встречал Таню.

На том же вокзале, где не так давно ожидала его, непутевого, отставшего от поезда, она, теперь нетерпеливо по перрону расхаживал он. Уже дежурный по вокзалу через мест-

ное радио объявил, что поезд № 41 вышел к нам с соседней станции, а поезд все не появлялся. По перрону задумчиво прошел секретарь комитета комсомола Яша Потехин. Андрей молча козырнул ему.

— А! Васильков? Ну, молодец, товарищ Васильков. Оправдал наше доверие и рекомендации. Действуешь по-комсомольски.

Андрей промолчал, а Потехин, не задерживаясь, прошел дальше. Из задумчивости Андрея вывел шум подходящего поезда. Он заметил, как из паровозной будки ему озорно подмигнул и махнул измазанной рукой Костя Кротов.

Вагон Тани остановился против вокзала. Еще Андрей не успел подскочить к вагону, а она уже бежала к нему навстречу. Сама не ожидая от себя такой смелости, Таня бросилась к Андрею, крепко прижалась к его широкой груди и поцеловала в губы.

Андрей подхватил ее чемоданчик, и они, перебивая друг друга на полуслове, направились к Таниной квартире.

— Я пришел сюда, Таня, — сказал Андрей, когда они вошли в комнату, — чтобы больше не уходить.

Таня молча придвинулась к Андрею и положила руки ему на плечи. В ее широко раскрытых глазах, казавшихся немного испуганными, он угадал молчаливое согласие.

Обнявшись, они подошли к окну. Андрей распахнул его. Холодный весенний ветер ворвался в комнату. Он принес с собой звуки большой железнодорожной станции. Без умолку перекликались паровозы и, верно, никак не могли сговориться между собой. Раздался свисток отправления, и вслед за ним послышалось постукивание буферных тарелок, шум набирающего скорость состава, вечная перебранка стыков и колес. Поезд пошел на восток.

Андрей и Таня вслушивались в затихающий гул. А состав шел все дальше и дальше: мимо городов и сел, через леса и болота, по мостам и тоннелям. Семафоры приветствовали его поднятыми крыльями, светофоры встречали его зелеными огнями, а путевые обходчики и стрелочники — свернутым желтым флажком.

И люди, и сигналы говорили поезду на родном, понятном ему железнодорожном языке — путь свободен и безопасен.

Вячеслав ТЫЧИНИН

Очерк

Литые из крепчайших горных пород, без малого круглый год царственно увенчанные горностаевой мантией снегов, вздымаются к солнцу вершины Хамар-Дабана. Редкая птица рискнет подняться вровень с ними. Как закаменевший океанский прибой, высятся горные цепи, отроги и скалистые пики. Никто не скажет, сколько миллионов лет дремлют они под сибирским небом, любуясь собой в зеркале Байкала. Но всему на свете приходит конец. Наступил конец и извечному безмолвию и спокойствию Хамар-Дабана.

1

По заснеженной крутизне поднимается человек. Подъем труден. Человек скользит и падает, съезжает вниз и снова карабкается вверх. Он настойчив. Шаг за шагом поднимается человек все выше. Все шире раздвигается перед ним горизонт. Все глубже уходит вниз пенистая лента Похабихи. Становится неслышным неумолчный шум бурной горной речки.

Лишь к исходу второго часа подъема человек оказывается на водоразделе. Он подает руку своему спутнику, неотступно следующему за ним, и помогает ему подняться на седловину. Теперь на водоразделе стоят, тяжело дыша, с потными, несмотря на ледяной ветерок, лицами, два человека. Оба они смотрят в сторону Байкала. Налево у их ног узкое ущелье Похабихи, из которого они только что поднялись. Направо — долина реки Слюдянки. Позади — Чертова гора.

Человек, поднявшийся первым, одет в черный полушубок. Легкий и теплый, он не стесняет движений. За спиной у него объемистый рюкзак, в руках острый топор. Второй человек одет в телогрейку, ватные брюки. Через плечо у него перекинута бухта тонкой проволоки.

У человека в полушубке открытое русское лицо. Это начальник геологоразведочной партии Сибгеолнеруда Владимир Какора. Темные глаза, густые черные брови придают ему суровый вид, но, когда улыбка обнажает двойной ряд белых зубов, становится ясно, что Какора еще совсем молод. Его спутник с бухтой проволоки на плече — рабочий партии Петя. Иначе его никто не зовет. Он еще моложе своего начальника, хотя вот уже третий год всюду сопутствует Какоре в многотрудных походах по горам Хамар-Дабана.

— Здесь? — коротко спрашивает Петя.

Какора молча кивает головой. Со вздохом облегчения Петя сбрасывает бухту в снег. Люди дела, они немногословны.

Освободившись в свою очередь от рюкзака, Какора осматривается вокруг и взмахивает топором. Сначала едва заметно, потом все

сильнее вздрагивает сосна. Еще удар... Ломая ветви, дерево с шумом валится в снег. Пень очищается от коры, затесывается с одной стороны. Петя проворно, но надежно закрепляет проволоку в затесе пня и бросает бухту вниз. Потом сам лихо съезжает с горы, пропуская проволоку в левой рукавице, увлекая за собой снежную лавину. Стремительное, но недолгое путешествие заканчивается у зимовья геологов на берегу Похабихи.

Теперь, когда в снежной целине протоптана тропа, а вместо перил натянута проволока, облегчающая подъем на водораздел, можно начинать доставку оборудования.

Как часто в кинофильмах можно видеть такие кадры. Молодой геолог в клетчатой ковбойке, овеваемый ласковым ветром, отважно карабкается по скалам. Пытливо исследуя каждую расселину, излом, он отбивает своим молотком образцы горных пород, рассматривает их в лупу и хмурится. Но вот — о счастье! — в его руках тот самый минерал, который долго и безуспешно разыскивался. Ура! Победа одержана!

Увы! В жизни все обстоит куда сложнее и труднее. Природа ревниво прячет свои сокровища в каменных блиндажах, под многометровой толщей горных пород. Тут не поможет молоток. Только бур, пронзающий землю на сотни метров, извлекающий на дневную поверхность керн с образцами минералов, может дать ответ на вопросы геологов. Но для того, чтобы заработал бур, нужно многое.

...И вот геологоразведочная партия под начальством Владимира Какоры начинает очередной подъем оборудования по проложенной тропе. Гуськом двигаются рабочие с грузом на плечах. Первой надо поднять разобранную на части лебедку. Закрепив ее наверху за пень, можно будет начать подъем ею на волокушах тяжелых деталей дизельного двигателя, бурового станка, обсадных и колонковых труб, штанг, горючего... Как много весит все это железо, без которого не обойтись! Десятки, сотни пудов равнодушного к усилиям людей, мертвого металла, упрямо стремящегося только вниз, всегда норовящего выскользнуть из дрожащих, обессиленных человеческих рук! Когда-нибудь вертолеты возьмут на себя этот труд. А пока металл совершает свои восхождения на плечах людей.

Пять долгих лет провел геолог Сибгеолнеруда Владимир Какора в хаотическом каменном сплетении Хамар-Дабана. Зимой и летом, под леденящими ветрами и палящим солнцем, неутомимо ходил он по его распадкам, седловинам, отрогам. В разных местах было пробито много магистральных канав, длиной до полукилометра каждая. В десятках мест на четверть километра в глубь земли вонзался любопытный бур.

Геологи протаптывали тропы в снегу, поливали их водой, обкладывали жердями и по этим ледяным желобам с помощью блоков, лебедок втаскивали оборудование на листах железа. Рабочие геологоразведочной партии выстаивали долгие смены у трех буровых станков, снова и снова меняли иступившиеся долота.

Не каждому дано выдержать такой труд. Были и слабые духом, которые отступали перед упорством Хамар-Дабана.

Так сломился практикант Альберт. Приехал он из горного техникума, молодой, романтически настроенный, и сначала все шло хорошо. Вместе со всеми юный студент таскал штанги, дежурил у бурового станка, спал на жестком ложе из веток в зимовье. Но ударили январские морозы, в феврале завыли метели, и рабочие начали примечать, что Альберт все чаще задерживается у костра, все реже подставляет плечо под трубы и штанги. А в один из особенно тяжелых дней произошла решающая стычка.

Для колонкового бурения необходима вода. Она отводит образующийся в скважине шлам от победитовой коронки, охлаждает ее. Но как доставлять воду? Проложить от реки магистраль? Нельзя: вода замерзнет в трубах. Спрятать магистраль от мороза в глубокую траншею, как это делается в городах? Но разве пробьешь такую траншею в скалах, на крутизне? Да и долго ли будет служить такая магистраль? Ведь геологи кочуют с места на место. Значит, надо таять снег на месте.

В этот день таяние поручили Альберту. Но ветер задувал костер, топор не держался в окаменевших пальцах, и Альберт не выдержал. Непереносимая жалость к самому себе стиснула сердце, выжала слезы из глаз.

— К черту!

Топор полетел в снег.

Владимир Какора подошел к молодому практиканту. Обветренное, потемневшее от морозов лицо геолога оставалось спокойным.

— К черту! — еще раз со злым вызовом повторил начальнику партии Альберт.

— Что именно?

— Все к черту! Эту проклятую работу, мороз, ветер...

— Такова наша работа, Альберт, — терпеливо сказал Какора, — работа геологов. А погода... Что ж, она не всегда хорошая, но изменить ее не в наших силах.

— Ну, значит, тогда эта работа не по мне.

Избегая взгляда геолога, Альберт смотрел вниз, в долину Похабихи, туда, где на горизонте виднелись паровозные дымки, где стояли дома, где было тепло.

Вечером, уже в зимовье, Ќакора долго разговаривал с практикантом. Он рассказывал ему о том, чего ожидает от них страна, какое крупное предприятие возникнет здесь, в пустынных горах, если они сумеют найти сырье для первого в Восточной Сибири цементного завода. Говорил геолог и о том, что, кроме дней тяжелого труда, будут еще у них дни ослепительной радости, сознания честно выполненного долга.

Практикант слушал, но угрюмо отмалчивался.

Через несколько дней Альберт уехал. Никто не провожал его на станцию железной дороги, никто не пожелал ему счастливого пути.

Наутро Владимир Ќакора вывел своих людей из зимовья. Предстоял новый день будничного труда и обыденных хлопот. Поправив на спине рюкзак, геолог смерил взглядом щетинистую сопку, куда предстояло подниматься сегодня. В памяти всплыли слова слышанной где-то песни: «Встанут новые бойцы...»

— Что ж, пошли, товарищи? — шагнул вперед Ќакора.

...Лишь к исходу четвертого года геологической разведки начальник партии Сибгеолнеруда Владимир Ќакора смог сказать те слова, которых ждали от него в Иркутске и в Москве:

— Разведанные промышленные запасы мрамора на водоразделе между Похабихой и Слюдянкой пригодны и достаточны для строительства на их базе цементного завода.

Разумеется, сказано было значительно больше, и не устно, а письменно, в виде подробнейшего обстоятельного отчета, утвержденного Государственной комиссией. Но смысл документа был именно таков.

Первый прогноз о наличии мрамора в Слюдянском месторождении и возможности его промышленного использования дал еще в 1938—1940 гг. доцент Иркутского горного института Николай Тимофеевич Чулков. Ему принадлежит честь первооткрывателя, он взял первые пробы, дал геологическую и геоморфологическую характеристику всего района.

Десять лет спустя геолог Владимир Николаевич Янчуковский провел новую разведку, на этот раз детальную. В результате стало возможным уверенно говорить о двадцати пяти миллионах тонн мрамора, пригодного для использования в качестве цементного сырья.

Но этого было мало. Строительство цементного завода считается рентабельным лишь в том случае, если он обеспечен сырьем не менее чем на 50 лет работы. Только тогда оправдывается амортизация дорогостоящего оборудования.

Может быть, минуло бы еще десять и больше лет, а вопрос о полной разведке Слюдянского мраморного месторождения все еще оставался бы открытым. Однако жизнь властно потребовала его решения. Все больше строек возникало в сибирской тайге, и каждая из них жадно требовала цемента. А его продолжали возить за тысячи верст из Новороссийска. Вот тогда-то, в 1952 году, и была организована геологоразведочная партия Владимира Ќакоры.

Ее работа дала окончательный ответ на все вопросы. Да, на базе Слюдянского месторождения можно строить крупный карьер для снабжения сырьем, и не одного, а двух цементных заводов. Амортизация их обеспечена — общие промышленные запасы кондиционного сырья превышают 130 миллионов тонн. Да, месторождение имеет перспективы и на будущее. Двигаясь в северо-западном направлении, можно рассчитывать на прирост запасов в размере до 50—60 миллионов тонн. Многообещающ район Чертовой горы. Да, месторождение сложное. Ќондиционные мраморы с предельно допустимой вредной примесью окиси магния в 3,8% перемежаются мраморами, имеющими 7, 10 и более процентов окиси магния. Но даже некондиционный мрамор вполне можно использовать. Можно составлять шихту, смешивая почти чистый мрамор с мрамором, имеющим большую примесь окиси магния. Из некондиционного мрамора можно приготовлять отличную известь-кипелку, на которую постоянно велик спрос строителей: из него можно выпускать великолепные морозостойкие облицовочные плитки для внутренней и наружной отделки зданий, плитки для электроизоляции, художественные и декоративные изделия. Наконец, отходы мрамора, после их дробления в щебень могут послужить превосходным материалом для добавки в бетон, для железно- и автодорожного строительства. Такое комплексное использование сырья позволит резко снизить стоимость цемента.

...Вдвоем с Владимиром Степановичем Ќакорой я сижу в его тесном кабинетике. По стенам развешаны цветные схемы, геологические карты. На столе лежат образцы разных горных пород. Очень скупо, немногословно Владимир Степанович, теперь главный геолог дирекции строящегося карьера «Перевал», рассказывает о годах поисков в отрогах Хамар-Дабана:

— Долго отмахивались от нашего место-

рождения и в Востокцементе, и в Главнеметруде. Придется, мол, выбирать мрамор отдельными линзами, вести ювелирную работу. Конечно, эксплуатация будет сложной, слов нет. Но разве можно забывать о ликвидации зависимости от Новороссийска, о том, что впервые Восточная Сибирь получает собственную сырьевую базу для цементной промышленности!

— А как с качеством сырья?

— Из нашего слюдянского мрамора можно получать портланд-цемент высшей марки 500.

Какора говорит это с такой гордостью, так подчеркнуто произносит слово «слюдянского», что у меня возникает догадка.

— Владимир Степанович, а вы сами откуда приехали сюда?

— Окончил Иркутский горный институт и вернулся домой. Я ведь родом из Слюдянки.

Вот оно что! Теперь понятна особая страстная заинтересованность геолога в промышленном развитии Слюдянского района, его гордость местными природными богатствами. Ведь тут его родина! Обогащенный знаниями, он вернулся в родной край, чтобы помогать его расцвету.

— Вы не подумайте, что я расхваливаю вам здешние богатства только потому, что сам родился в Слюдянке. Тут в самом деле настоящая кладовая минералов. Вот не хотите ли полюбоваться?

Какора выдвигает ящик стола, достает из него бумажный сверток и с таинственным видом разворачивает его. На столе вспыхивает снежно-белый кусок минерала, расцвеченный изумительными по красоте синими прожилками.

— Каково, а? — любуясь произведенным впечатлением, спрашивает геолог. — Это лазурит из Малобыстринского месторождения. По заданию Екатерины Второй триста пудов этого лазурита было доставлено в Петербург для отделки Эрмитажа. Дворец папы римского в Ватикане тоже отделан нашим байкальским лазуритом.

— Хорош, очень хорош! — искренне восхищаюсь я.

— Мы с вами идем к коммунизму, — продолжает геолог. — Понадобится красота в отделке зданий. Вот ее и даст нам этот лазурит. А сколько еще других горных богатств лежит в нашей байкальской кладовой!

2

Геологи еще продолжали свою работу в горных отрогах между речками Слюдянкой и Похабихой, расширяя контуры месторождения мрамора, проектировщики Гипронеметруда еще согласовывали последние изменения в деталях технического проекта строительства карьера «Перевал», а внизу, в долине Похабихи, ранней весной 1955 года уже забелели палатки, заструились первые дымки. В ущелье пришли строители. Надо было торопиться — в Ангарске уже началось строительство крупного цементного завода. Сырье ему должен был дать «Перевал».

Генеральным подрядчиком утвердили управление строительства города Ангарска. Только эта мощная и опытная, передовая в Иркутской области строительная организация могла справиться с задачей в три года построить высоко в горах крупное механизированное предприятие.

Горный рельеф местности, крутизна косогоров до 30—35 градусов, отсутствие подъездных путей, электроэнергии, необходимость подвоза основных строительных материалов и всех металлоконструкций извне — все это, наряду с суровой природой, с самого начала поставило строителей в трудные условия.

Стало ясно, что до того, как удастся ввести в действие машины, первую скрипку предстоит сыграть взрывникам. И не только при вскрытии сырьевого ядра, но и при прокладке дорог, и даже при создании площадок под дробильные и сортировочные сооружения.

Взрывные работы поручили двум субподрядчикам: Союзвзрывпрому и Желдорвзрывпрому. В глухом ущелье Похабихи один за другим загрохотали взрывы, поднялись вверх султаны земли и дыма. Многоопытные взрывники соответствующим расположением зарядов то рыхлили горную массу так, что вся она, только раздробленная, оставалась лежать на месте, то сбрасывали ее под откос, то взметали на выброс, и тогда громадные глыбы разлетались в воздухе, словно щебень.

Было произведено много массовых взрывов. При одном из них в декабре 1956 года на 4-м пикете в минные камеры было заложено одновременно 600 тонн взрывчатки.

Что такое массовый взрыв? А вот что.

...На исходе второй месяц работы. В сопке пробиты глубокие шурфы и штольни. Готовы десятки минных камер. В них штабелями уложены бумажные мешки с аммоналом. Сегодня предстоит поднять на воздух сотни тысяч кубометров скалы, целую гору, которую так заботливо начиняли взрывчаткой два этих долгих месяца.

По крутой, хорошо утоптанной тропинке в гору медленно идут два человека. Впереди взрывной мастер, бывший фронтовик Дмитрий

Кулешов. Он несет электродетонаторы, невинные с виду стручки, в которых таится адская сила. Вторым шагает с детонирующим шнуром взрывник Григорюк. Оба идут осторожно, твердо ставя ногу. Падение с таким смертоносным грузом грозит бедой. Взрывникам известны случаи, когда при такой же ситуации человек исчезал с быстротой привидения, оставив после себя только выжженный кусок земли. Взрывник, как и минер, может ошибиться только один раз.

Около штолен взрывники складывают свой груз. С помощью мастера Николая Лавриненко они быстро, но тщательно выполняют свою работу. Внутрь каждого заряда должен быть вложен электродетонатор с проводкой к нему, а рядом, для полной гарантии, — детонирующий шнур. Откажет одно — сработает другое средство для взрывания аммонала.

Работая, взрывники прислушиваются. Они знают, что еще утром, перед началом зарядки минных камер, был дан первый предупредительный хлопок — взрыв небольшого накладного заряда. По этому сигналу на всех тропинках, ведущих в район взрыва, встали сигнальщики. Опасный район опоясался красными флажками. Теперь должен прозвучать второй сигнал. Ага, вот он! В стороне, за леском, раздается звучный хлопок. Пора засыпать грунтом минные камеры, тянуть магистраль в укрытие.

Время летит быстро. Взрывники спускаются вниз, к укрытию — глубокой вертикальной промоине в скале. Следом за ними по земле змеится провод. Он тянется туда, к минным камерам. В полной тишине резко раздается третий сигнал, заставляя людей вздрогнуть. Всем в укрытие! Через пять минут последует взрыв!

Сигнальщики оставляют свои посты, спешат в безопасные укрытия. Вечереет. На фоне закатного красного неба деревья кажутся вырезанными из черной жести. Они неподвижны. Все звери и птицы оставили обреченный лес. Неведомым, но безошибочным инстинктом они всегда чуют близкую грозную опасность. Тишина. Зловещая, недобрая.

Люди в укрытии волнуются. Волнуются и начальник минной станции Бродецкий, и главный инженер Иркутской конторы Желдорвзрывпрома Балахонов. Не за себя. На своем веку они произвели множество взрывов. Но ведь всегда возможны самые непредвиденные случайности. Здесь сильно выражены карстовые явления. Это может неожиданно изменить направление и характер взрыва. А бывает еще хуже — отказ. Хорошо, если виновата электромашинка. А если обрыв на линии?

Перед тем как взяться за рукоятку электромашинки, Бродецкий проверяет линейным мостиком магистраль. Лицо его вытягивается.

— Николай Иванович, сопротивления нет! — глухо говорит Бродецкий.

Балахонов бросается вперед. Черт побери! В самом деле — стрелка прибора безжизненна. Где-то в магистрали обрыв.

Григорюк выскакивает из укрытия, быстро бежит по косогору, скользя взглядом по магистрали. Вот оно! Оголенный конец провода накручен на изоляцию. И как они пропустили это место!

Через три минуты Григорюк возвращается. Стрелка линейного мостика оживает. Все в порядке.

Бродецкий вращает рукоятку электромашинки. Вспыхивает контрольный глазок. Ток есть. Теперь остается только нажать пальцем кнопку.

— Ну!..

В первое мгновение кажется, что там, на сопке, ничего не произошло. Но вот, словно бы нехотя, медлительно вспухает огромный горб. Чудовищные силы, заключенные внутри сопки, ищут себе выхода. Еще мгновение — и горб прорезается красными факелами, распадается на глазах. На сотню метров вверх взлетают сорокатонные обломки скал. Тяжкий рев сотрясает горы Хамар-Дабана, отражается от них и многократно повторяется снова и снова. Кажется, целая эскадрилья реактивных самолетов мечется в горах. Далеко отсюда, в Слюдянке, звенят стекла, сами собой распахиваются двери. Воздушная волна докатывается до Байкала и только здесь, над его синей гладью, опадает. Гигантский столб дыма и пыли встает над сопками, растекается в атмосфере.

Взрывники выходят из укрытия. Какая картина! Сопка стала ниже на добрых тридцать метров. Вокруг, в радиусе полукилометра, лес стоит голый, словно после многодневного артиллерийского обстрела. Ни единой ветки. Одни голые стволы с расщепленными вершинами...

Не таким эффектным, но не менее полезным был взрыв Шаманского мыса.

К нижней промышленной площадке карьера с ее станцией воздушно-канатной дороги, фабрикой вторичного дробления, эстакадами и погрузочными бункерами необходимо было проложить от станции Слюдянка-II железнодорожную ветку широкой колеи протяжением в 6 километров. По этой ветке должна была вывозиться вся продукция карьера на Восточно-Сибирскую магистраль.

Но вот беда: на пути ветки лежал Шаманский мыс. Обойти его невозможно — мыс тянется от горного хребта до самого Байкала, —

и проектировщики предусмотрели уширение существующей уже в мысу выемки, в которой проходят две колеи Восточно-Сибирской железнодорожной магистрали, чтобы уложить рядом третий рельсовый путь.

Казалось бы, решение правильное. По проекту требовалось для укладки третьего пути вынуть всего 4 тысячи кубометров скального грунта. Всего 4 тысячи!

Однако строители и взрывники рассудили иначе. Они увидели, что тут «гладко только на бумаге, а на деле сплошь овраги». Работать у самой магистрали, по которой каждые несколько минут проходят на восток и на запад поезда? Это значило: рыхлить скалу можно будет только мелкими шпурами, а вывозить вручную тачками, как и предписывал проект. Об использовании механизмов нечего было и думать. Стоимость выемки скромных 4 тысяч кубометров скалы в этих условиях выражалась кругленькой суммой в 350 тысяч рублей.

Мало того. На нескольких пикетах трасса будущей ветки проходила по болоту. Для засыпки его проектировщики предлагали открыть специальный карьер и возить из него камень за три километра.

Группа инженеров стройки выдвинула контрпредложение: прорезать отдельную выемку для железнодорожной ветки в стороне от Восточно-Сибирской магистрали, взорвав не 4, а 20 тысяч кубометров грунта. Зато взрыв можно было сделать массовым, убирать разрыхленный грунт экскаваторами, а главное — избавиться от открытия карьера. Двадцати тысяч кубометров взорванного скального грунта должно было хватить на устройство насыпи через болото. Расстояние возки сокращалось с трех до одного километра.

В спорах и согласованиях прошел год. Наконец все инстанции дали свое согласие. Теперь на Желдорвзрывпром легла огромная ответственность: произвести массовый взрыв в 60 метрах от главной магистрали Москва — Владивосток, не повредив путей и электросиловых линий, да еще так, чтобы весь грунт остался на месте. Вывести из строя главный железнодорожный нерв Советского Союза хотя бы на несколько дней... Об этом страшно было и подумать!

16 сентября 1957 года движение поездов на Транссибирской железнодорожной магистрали прервалось. Прибывавшие поезда скапливались на ближайших станциях по обе стороны Шаманского мыса. Близ него рабочие на всякий случай укладывали бревна на железнодорожные пути и стрелки.

В 11 часов 40 минут послышался глухой взрыв. Земля дрогнула, в воздух взлетело несколько камней, и на этом все закончилось. Взрыв удался блестяще. Горнотехническая инспекция дала ему отличную оценку. Триста тысяч рублей осталось в государственном кармане.

Рабочие быстро разбросали бревна. Предосторожность оказалась излишней. Ни одна глыба не упала на рельсы. Движение поездов по Великой транссибирской железнодорожной магистрали возобновилось. Оно оказалось прерванным всего на 7 часов. Экскаваторы подошли к взорванной выемке, с двух сторон вонзили в нее прожорливые зубья своих ковшей.

Неоценимой оказалась помощь взрывников при прокладке автомобильных дорог к сердцу месторождения. Впрочем, «помощь» — не то слово. Без героического труда взрывников тут вообще ничего не удалось бы сделать. Повисая на канатах над головокружительными кручами, под беснующимися ветрами, бурильщики вгрызались в монолитный мраморный пласт мощностью в четверть километра, а взрывники начиняли шпуры аммоналом и дробили упрямые скалы.

3

Хорошо собирать экскаватор в заводском цехе. Мостовые краны шутя поднимают любые тяжеловесные детали, держат их на весу, пока сборщики закладывают болты и затягивают соединения. К услугам рабочих всякие инструменты, приспособления, прессы. Совсем иное дело — сборка такой громадины, весом в десять тысяч пудов, в полевых условиях.

Именно в таких условиях и собирались на строительстве карьера «Перевал» мощные скальные экскаваторы «С-3», созданные на Уральском заводе тяжелого машиностроения. Клетки из железнодорожных шпал, домкраты да простейшие тали — вот и все, чем располагали экскаваторщики карьера. Но недаром говорится в лесковском сказе о русских умельцах, что они аглицкую блоху подковали. Пользуясь самыми примитивными устройствами, восполняя их недостатки русской смекалкой, экскаваторщики под руководством шеф-инженера завода собрали свои машины досрочно.

В апреле 1957 года узлы новых экскаваторов прибыли на стройку. А двадцатого мая первый необычный поезд тронулся с базы оборудования. Восемь самых мощных гусеничных тракторов впряглись в две шеренги и потащили за собой ходовую часть экскаватора вместе с его поворотной платформой. Монтировать стрелу, ковш, кабину пока не стали, отложили до прибытия к месту работы экскаваторов, потому что даже в таком полусобранном виде

каждый из них весил более ста тонн. Восемь тракторов с яростно ревущими моторами то и дело пробуксовывали на подъемах, высекали стальными траками искры на скалистой дороге.

Второй экскаватор сопровождали Петр Жигалов и Иван Зарубин. Не сводя глаз с могучей машины, собранной их руками, экскаваторщики шли пешком то позади, то сбоку. Стотонная махина нехотя ползла вперед, влекомая сцепом тракторов.

Такие разные внешне, Петр Жигалов и Иван Зарубин имели в жизни много общего. Оба — коренные сибиряки, иркутяне: Жигалов — из Жигаловского района, Зарубин — из деревни Зарубино, Нижне-Илимского района. Оба отработали четыре года экскаваторщиками на строительстве Иркутской ГЭС. Оба женаты, у обоих по две девочки: у Зарубина близнецы Люда и Лена, у Жигалова — Галя и Наташа. На карьере «Перевал» Петр Жигалов и Иван Зарубин попали на один экскаватор — трехкубовый «С-3». Вместе собирали его, вместе готовились теперь начинать работу.

На третьи сутки тракторы вывели экскаватор Жигалова и Зарубина на исходную позицию. Дополнительный монтаж стрелы, ковша, кабины и электрооборудования занял немного времени. Вскоре у первой серпантины узенькой автодороги, вчерне пробитой по косогору малыми экскаваторами, начал грузно ворочаться мощный «С-3».

В первый же день Жигалов и Зарубин отчетливо поняли, что работать тут будет куда труднее, чем на строительстве Иркутской ГЭС. Там — податливый гравий, вычерпываемый со дна реки; здесь — монолитная скала, неохотно уступающая даже взрывам. Несмотря на огромную мощность электрических моторов, большой запас прочности, экскаватор то и дело напрягался до предела. Мелкой дрожью сотрясалась вся машина, весом далеко превосходящая паровоз. Зацепив ковшом торчащую из полотна дороги мраморную глыбу, экскаваторщики с трудом выламывали ее, ощущая всем телом, как машина приседает на гусеницах от натуги.

— Цены нет экскаватору! — восхищенно говорил Жигалов сменщику.

Зарубин соглашался с бригадиром:

— Золотая машина. Вчера пришлось поднять и сбросить под откос глыбину тонн на сорок, не меньше. Подумать только — сорок тонн, целый вагон!

Не обходилось и без неприятностей. Иногда, не выдержав десятикратной перегрузки, срезался какой-нибудь болт. Но ни один важный агрегат не выходил из строя. «С-3» завоевал любовь и признание экскаваторщиков.

Так продолжалось до тех пор, пока Жигалов и Зарубин, уширяя дорогу, пробиваясь к 1000-му горизонту, не поднялись со своим экскаватором на 21-й пикет. С этой высоты Похабиха казалась смятой белой лентой. Самосвалы, словно жуки, трудолюбиво ползли по извивам горной дороги, спеша на погрузку к экскаваторам.

Утром, придя на смену, Иван Зарубин увидел картину, которая смутила даже его, бывалого механизатора. Нависая над экскаватором, на добрых двадцать метров вверх уходила мраморная стена. Во всех направлениях по ней змеились трещины. Отдельные глыбы выдавались из стены так, что казалось непонятным, как они удерживаются еще на месте.

Петр Жигалов вылез из-за рычагов, спустился по металлической лесенке на гусеницу, спрыгнул с нее на дорогу. Под подковками сапог хрустнул мрамор. Широколобое, волевое лицо бригадира омрачилось тяжелым раздумьем. Густые черные брови сошлись у переносицы. На душе у него скребли кошки.

Иван Зарубин подошел, стал рядом, молча вглядываясь в стену. От его худощавой, перетянутой в талии желтым ремнем фигуры веяло ловкостью и собранностью.

— Что будем делать? — прервал затянувшееся молчание Иван Зарубин. — В таком забое работать нельзя. Тут нам обоим головы не сносить.

Петр Жигалов беспомощно пожал широкими плечами. Он и сам не знал, что следовало делать. По инструкции глубина забоя не могла превышать высоту стрелы экскаватора. Здесь же над ними нависала стена, совершенно подавлявшая экскаватор. Он стоял у ее подножья маленький, притихший.

— Надо вызывать взрывников, пусть разделывают стену, — снова заговорил Иван Зарубин.

— Невозможно, Ваня. Ты же сам понимаешь, что это значит.

Конечно, Иван Зарубин понимал, что означала разделка мраморной стены до угла естественного откоса. Под холодными затяжными сентябрьскими дождями на почти отвесной скользкой стене взрывники провозятся много дней. А сколько времени понадобится, чтобы погрузить и вывезти в отвалы тысячи тонн обрушенного и некондиционного мрамора? Где уж тут говорить о выполнении социалистического обязательства, принятого экскаваторщиками в честь 40-летия Великого Октября!

— Может быть, все же проскочим, Ваня?— неуверенно сказал Жигалов.

Совсем недавно, месяц тому назад, коммунисты стройки избрали его своим парторгом.

Как же он, не раз призывавший: «Коммунисты, вперед!», сорвет выполнение своего собственного социалистического обязательства? И какого! Принятого к 40-летию Советской власти. Нет, нет, что угодно, только не это!

— Что ты говоришь? — возмутился Зарубин. Его глаза гневно сверкнули. — Самому лезть в такую беду? Да ведь тут, ежели только одна из этих дур ахнет, — Зарубин показал на торчавшие глыбы, — так и того с лихвой хватит. Одна щепа останется.

Жигалов не нашелся, что возразить. Слов нет, риск велик. Ну, а если все обойдется благополучно? Подумать только: три-четыре смены, по существу один рывок, и они сразу выходят на оперативный простор.

— Во-о-он Михаил Родионыч едет, — всмотрелся вниз Иван Зарубин. — Послушаем, Петро, что он скажет.

Двадцать минут спустя из верткого зеленого «газика», пропетлявшего по всем серпантинам дороги, вылез краснощекий крепыш. Начальнику участка Иванине хватило одного взгляда на забой, чтобы оценить обстановку.

— Не вздумайте идти вперед! — предостерегающе сказал Иванина. — Разбирайте завал сбоку, а к стене не подходите. Прокладку автодороги придется временно прекратить.

— Как это прекратить? — неожиданно возразил Зарубин. Жигалов с удивлением и смутной надеждой посмотрел на своего сменщика. — Монтажники того гляди дробилку пустят. К празднику первое сырье отгрузят цементному заводу, а мы будем на месте толочься?

— Разговорчики! — устало сказал Иванина. — Отставить.

Начальник участка сам был вконец расстроен возникшим препятствием. Без дороги не прорвешься к ядру залегания мрамора. А задержка, по всему видно, получится немалая. Но разве он может рисковать людьми, машиной!

Когда Иванина уехал, Зарубин присел на корточки, взял коричневыми от табака пальцами кусочек мрамора.

— Гляди, Петро. Ежели поставить в забое машину вот так и держаться настороже, то можно успеть встретить глыбу ковшом. Главное, не допустить ее до кабины. А гусеницам ни черта не сделается. И вообще — раньше смерти не помрем!

...Вечером, готовясь ехать на смену, Петр Жигалов долго целовал пятилетнюю дочурку Галю. Младшенькая, Наташка, уже спала в своей кроватке, раскинув ручонки. Пухлые губы забавно шевелились, причмокивали. Тонкие бровки двигались на крутом лобике. Наташе снилось, что она сосет грудь матери.

— Будешь возвращаться с работы, — сказала жена, — купи сахару в магазине. И посмотри сгущенку.

— Ладно, Тоня, — отозвался Петр.

В пестром халатике, босиком, Тоня стояла спиной к мужу, раскатывая тесто на пельмени. Если бы она знала, на что сегодня идет ее муж...

— Так я пошел, — сказал Петр, держась за ручку двери, но не трогаясь с места.

Как не хотелось ему покидать сегодня семью, уютную комнату, идти в ночь, навстречу грозной опасности! Никто и не понуждал его, он сам избрал себе эту долю. Но разве советский рабочий, коммунист, мог поступить иначе?

Что-то необычное в голосе мужа заставило Тоню обернуться.

— Не хочется уходить, Петя?

— Не хочется, — честно признался Петр.

— Тогда давай я тебя поцелую, — сказала Тоня, поправляя тыльной стороной руки, не запачканной тестом, густые волосы, — чтоб не скучал на работе.

Она все еще ничего не подозревала.

Петр обнял и крепко-крепко поцеловал жену в самые губы, чувствуя ее ответный поцелуй. Помедлил еще мгновение и выпустил жену из объятий, решительно шагнул за дверь.

Пока грузовик поднимался в гору, накручивая петли, выхватывая фарами из темноты громадные белые валуны, оставленные на обочине бульдозеристами, Петр Жигалов успел передумать многое. Как-то там Иван? Ведь он сегодня с утра идет мимо проклятой стены. Все ли у него благополучно?

Когда из-за последнего поворота показался грохочущий экскаватор, у Жигалова отлегло на сердце. Пожалуй, метров на пятьдесят Иван продвинулся. И ничего. Теперь его черед.

Заливая электрическим светом весь забой, экскаватор вертелся вкруговую. Прожектор то бил снопом света в мерцающие изломы мраморной стены, то при повороте щупал черноту ночи, и тогда свет бессильно растворялся в пустоте.

Сменив Зарубина, Петр Жигалов сел за рычаги, поудобнее подмостил на сиденье телогрейку. Стрела послушно поплыла вправо. «Похуже, чем в наступлении под Чуфэнем,—вспомнил Петр слова сменщика, — там и то не так скребло на душе». Да, пожалуй, тут как на фронте: каждую минуту жди удара.

Петр Жигалов был смелым человеком. Недаром до работы в Ангаргэсе он служил стрелком-радистом в штурмовой авиации. Но сейчас, глядя на беломраморную сте-

ну, вершина которой терялась во мраке, Петр почувствовал, как холодок овевает его сердце. Когда, в какой момент из этого мрака вырвется сияющая белизной, красивая, но смертоносная глыба? Сколько в ней окажется: две, три тонны?

Неприятное ощущение неизбежно овладевает человеком, которому приходится проходить под обрывом с едва держащимися на нем валунами. Невольно хочется ускорить шаг. Еще неприятнее стоять под таким обрывом долгие часы, не имея возможности тронуться с места. А Петр Жигалов не просто стоял со своим экскаватором на месте. Убирая взорванную породу, он царапал зубьями ковша, бил мраморную стену, в которой, как созревшие виноградины, висели над его головой грузные глыбы. Каждый сухой шорох осыпающихся по стене мелких камней заставлял экскаваторщика напряженно впиваться глазами в мерцавшую стену, нервно хвататься за рычаги. Не обвал ли это?

Беда пришла уже под утро, когда на востоке начало медленно накаляться небо, заставляя гаснуть голубой звездный узор.

Вдруг ручьем сверху посыпались камни. Мгновенно вскинувшись, Петр рванул рычаги, и машина (милая, родная!) с непостижимым проворством метнула стрелу с ковшом навстречу грозной опасности. И вовремя! Из мрака вылетела мраморная глыба. Все сто восемьдесят тонн экскаватора содрогнулись от удара чудовищной силы. Но уральская сталь, сердце коммуниста выдержали. Встреченная зубьями ковша, пятитонная глыба упала у самых гусениц экскаватора, обессиленная, зря растратившая свой бешеный динамический заряд.

Петр отер рукавом обильно выступивший пот, глубоко перевел дыхание. В пронзительном прожекторном свете блистающая глыба лежала слоновьей тушей. Огромная, она была уже мертва.

...Через сутки «С-3» Жигалова и Зарубина вышел на простор. Впереди открылся прямой ход к 1000-му горизонту. Позади, усмиренная, ласково мерцала в скупых лучах сентябрьского солнца снежно-белая стена. Учетчик, помуслив карандаш, записал в суточной рапортичке будничные слова: «Пройден 23-й пикет».

4

Долгое время проектировщиков соблазняла заманчивая идея — проложить в карьер «Перевал» железнодорожную ветку нормальной колеи. В этом случае схема транспортировки сырья сразу принимала стройный, законченный вид. Амфитеатр карьера разбивается на концентрические уступы высотой по 15 метров. Разработка мрамора начинается сверху. Бурение ведется с помощью станков и тяжелых перфораторов. Взорванное сырье грузится электрическими экскаваторами в думпкары и отправляется прямехонько на Ангарский цементный завод.

Однако от этого замысла пришлось отказаться. Горный рельеф местности потребовал бы для прокладки железнодорожного пути выемки колоссального количества скальных пород.

Пришлось запроектировать внутри карьера автомобильные дороги для десятитонных самосвалов.

Не удалось также сконцентрировать в одном месте все промышленные сооружения. Понадобилось спроектировать две промышленные площадки: нижнюю и верхнюю, соединенные между собою воздушно-канатной дорогой.

1955 год ушел на подготовительные работы. Близ города Слюдянки строители создали свою производственную базу: растворобетонный завод, лесопильный цех, шпалорезку, открытый полигон для изготовления мелких железобетонных изделий, арматурную и механическую мастерские, кузницу, гараж, котельную, склады. От станции Слюдянка-I к будущей нижней промплощадке пролегла сначала временная автомобильная дорога, а затем и железнодорожная ветка. Возникла целая улица бараков, где на первых порах разместились рабочие. Шла планомерная подготовка к большому строительству.

Масштабы его смущали даже привыкших к размаху опытных строителей ангарчан. В короткие сроки предстояло переместить около 2 миллионов кубометров грунта, почти сплошь скалистого, уложить 50 тысяч кубометров бетона, 3,4 тысячи тонн арматуры, проложить 28 километров автомобильных и железных дорог, смонтировать больше 2 тысяч тонн металлоконструкций, возвести различные здания общим объемом до 80 тысяч кубометров. Было над чем призадуматься!

На следующий год строители забрались в глубь ущелья Похабихи. На нижней промплощадке начались вертикальная планировка и рытье котлованов под фундаменты зданий, каменные и бетонные работы. Временная автодорога дотянулась до верхней промплощадки. Глубокой осенью началось сооружение опор большой воздушно-канатной дороги. Внизу, в пойме Похабихи, возник целый поселок двухэтажных каменных жилых домов с полным коммунальным благоустройством.

Наступил третий, решающий год строительства карьера — 1957-й. Осенью этого года

должен заработать на сырье карьера первенец цементной промышленности Восточной Сибири — Ангарский цементный завод. От строителей «Перевала» требовалось удвоить усилия.

В марте на верхнюю промплощадку из Ангарска приехал новый прораб Вартан Григорьевич Тер-Степанян. Приезду прораба предшествовал разговор в кабинете начальника 2-го строительного района Мохова.

— Посылаем тебя, Вартан Григорьевич, для выправления положения, — сказал Мохов. — Плохи дела на верхней промплощадке. О материально-техническом снабжении не заботься. Всем строительным грузам откроем зеленую улицу.

Теперь, вспоминая эти слова своего начальника, Тер-Степанян ходил по площадке и багровел от возмущения. «Плохи дела...» Да тут попросту ничего еще не сделано! Кое-где нарыты ямы, насыпаны бугры земли. И это все!

Тер-Степанян подошел к группе рабочих, гревшихся у костра.

— Здравствуйте, товарищи! А где вы оттягиваете тупые долотья? Я что-то кузницы не вижу.

— А ее у нас и нет.

— Как так? — даже слегка растерялся Вартан Григорьевич.

— А вот так. Очень просто, — угрюмо пояснил высокий рабочий в лисьем малахае, — греем долотья на костре, а потом оттягиваем на рельсе.

Тер-Степанян внезапно круто повернулся и почти побежал в сторону. Рабочие проводили прораба удивленными взглядами.

— Хм... Чудной какой-то новый начальник, — после короткого молчания заключил все тот же землекоп в лисьем малахае.

Рабочий ошибался. Вартан Григорьевич вовсе не был «чудным». Он почувствовал, что еще минута и он перестанет владеть собой, взорвется криком. Разыграется ненужная, неприятная сцена, которая ничего не изменит в обстановке. Лучше на время побыть одному.

Только зайдя в кустарник, Тер-Степанян дал волю своему гневу. Он почти задыхался. Лицо налилось кровью.

— Да это просто... просто... какой-то каменный век! — вслух говорил прораб. Он не в силах был думать молча. — Грунт вывозят тачками, и тех не хватает. Кузницы нет. Ни компрессора, ни перфораторов, ни транспортеров... Людям негде обогреться. И это на ударном объекте важной стройки! Уму непостижимо!

Через две недели на верхней промплощадке все переменилось. Верный своей привычке, Вартан Григорьевич первым долгом посоветовался с рабочими и постарался выполнить все их пожелания. Землекопы больше не толклись скопом в общем котловане. Каждый рабочий получил свой участок, твердую норму. Подвезли новый инструмент. Рядышком открылась походная кузница с наковальней и горном для заправки долот, быстро тупившихся в скальной породе. Для обогрева рабочих неподалеку сложили избушку с железной печью. Чтобы не терять дорогое время, прораб организовал на площадке маленькую столовую, добился подвоза людей автомашинами.

Веселее пошли дела на промплощадке! Если раньше за четыре месяца работы тут сумели вынуть всего тысячу кубометров породы, то при Тер-Степаняне это же количество скального грунта седьмой категории крепости начали выбрасывать из котлована за пятидневку. Люди ожили, поверили в успех.

Однако сам прораб был далек от успокоения. Заглядывая вперед, он видел, что без механизмов, используя только ручной труд, без запаса материалов строители долго не выдержат. Приходилось бить тревогу. В Ангарск, непосредственно начальнику управления строительства, полетела телеграмма: «Отсутствие материалов, также средств механизации ставит угрозу срыва правительственный график по верхней промплощадке. Положение катастрофическое. Требую ответственного отношения к стройке. Тер-Степанян».

За первой телеграммой последовала вторая, затем третья. Тер-Степанян настойчиво требовал помощи от Ангарска. Он отлично понимал, что без этой помощи любые усилия его и коллектива обречены на провал. В том, что его телеграммы станут известны начальнику района и вызовут недовольство, Вартан Григорьевич не сомневался. Но в тех случаях, когда дело касалось интересов производства, он всегда шел напролом, не заботясь о последствиях. С двадцати лет Тер-Степанян начал работать на стройках. Начав с простого рабочего, он прошел долгий путь и привык выше всего ставить интересы государства. Колючего, требовательного прораба некоторые недолюбливали (не потому ли до сих пор он был все еще только прорабом!), но уважали. Все сходились на том, что строитель он редкостный. Это ему принадлежали слова, которые в устах другого человека могли бы показаться пышной фразой: «Где любовь, там и победа». Да, так оно и было. Там, где был Тер-Степанян с его страстной любовью к своему делу, там была и трудовая победа. Любое здание, построенное под руководством Тер-Степаняна, всегда было не только прочным, дешевым, но и красивым.

Предположения Тер-Степаняна оправдались очень быстро. На верхнюю промплощад-

ку приехал Мохов. Произошел бурный разговор.

— Что ты панику разводишь, бомбишь телеграммами начальника управления? — кипятился Мохов. — Да еще через мою голову!

Тер-Степанян спокойно смотрел на своего разгневанного начальника. В грубом брезентовом плаще, резиновых ботах, окрещенных юмористами «прощай, молодость» (застарелый радикулит давал-таки себя чувствовать), Вартан Григорьевич на целую голову возвышался над Моховым. Под щеточкой коротко подстриженных черных усов прораба пряталась лукавая усмешка.

— Вы меня зачем послали сюда? Выправлять положение, спасать график? — спросил Тер-Степанян. — Вот я этим и занимаюсь. Загляните в котлован. Мы уже готовим опалубку под бетонирование. А где доски?

— Используйте оборотные доски, — сердито возразил Мохов. — Снимайте опалубку с затвердевших колонн. Надо беречь материалы. Они государству в копеечку влетают.

— Вы лучше посмотрите, сколько тут лесу зря взрывами погубили, — с укором сказал Вартан Григорьевич. — Вон он, кругом лежит. А ведь можно было по-хозяйски подойти, пустить его на распил. Вот и доски были бы. Да и сколько я их прошу? Триста кубов. А задержка стройки на один месяц обойдется государству не в один миллион рублей. Что дешевле?

— Еще успеете бетон уложить, — упорствовал Мохов, — все лето впереди.

— Не успеем, — стоял на своем Тер-Степанян, — если не будем жать изо всех сил. Нам сроку отпущено меньше года, а построить надо корпус первичного дробления, наклонные галереи, станцию воздушно-канатной дороги, трансформаторную, компрессорную.

Дополнительного пиломатериала от упрямого начальника района Вартан Григорьевич в этот раз так все же и не добился. Мохов еще пошумел и уехал. К счастью, при разговоре присутствовал инструктор обкома партии. Мохов получил от обкома нагоняй, и нужные доски, хотя частью и с гнильцой, были все же доставлены.

Вскоре на верхнюю промплощадку приехал начальник управления строительства Роберт Сергеевич Зурабов. Вартан Григорьевич и ему изложил свои претензии. После этого поток грузов на площадку увеличился.

Одновременно Тер-Степанян, не покладая рук, наводил порядок у себя на промплощадке. Опытный прораб отлично знал силу социалистического соревнования. Доморощенный художник изобразил на двух листах фанеры силуэты всех цехов, которые предстояло построить, и сроки сдачи их дирекции. Рядом были вывешены социалистические обязательства бригад. Теперь каждый рабочий знал, когда и что надо построить. Соревнование сразу же стало предметным.

Не полагаясь на присылку специалистов из района, Вартан Григорьевич на месте наладил обучение чернорабочих профессиям плотника, арматурщика, бетонщика. В начале мая в фундаменты открытой части воздушно-канатной дороги были уложены первые кубометры бетона. В конце месяца из земли показалась наклонная галерея.

Строители постановили: сдать все объекты под монтаж на шесть месяцев раньше проектного срока. Осветили площадку. Ввели двухсменную работу. Тер-Степанян совсем лишился покоя. Он то спускался в котлован корпуса первичного дробления, откуда небо в точном соответствии с поговоркой казалось с овчинку, то взбирался на кровлю закрытой части воздушно-канатной дороги, чтобы присмотреть за укладкой железобетонных плит покрытия, то садился к старенькому телефонному аппарату и до хрипоты спорил со снабженцами.

В один из таких дней на верхней промплощадке появилась зеленая «Победа» заместителя главного инженера управления строительства Гриншпуна. Воя мотором, буксуя в густой желтой глине, она вкатилась в ворота. Тер-Степанян, как всегда, стоял на площадке, открытой всем ветрам.

День выдался особенно тяжелым. С утра привезли вместо арматурной стали клубок скрученных прутков. Потом пришла машина с досками не того сорта, который заказывался. А в довершение всего дизельный «Ярославец» доставил долгожданные железобетонные плиты покрытия почти сплошь перебитыми в пути...

Взвинченный до предела, Тер-Степанян заметил «Победу», но не направился в сторону подходившего инженера: «Катаются только, туристы...»

— Как дела, Вартан Григорьевич? — весело заговорил Гриншпун, крепко пожимая широкую жесткую руку прораба.

— Плохо! — отрезал Тер-Степанян.

— Почему плохо?— удивился Гриншпун.— Я вижу, вы идете впереди графика. Вот только зря не укладываете плиты покрытия корпуса первичного дробления. Зачем свалили их в кучу?

— А вы их смотрели? — смерил взглядом инженера Тер-Степанян. — Вы видели, что мне привезли? — с каким-то мрачным наслаждением растравляя себя все больше и больше, распаляясь жгучим гневом, прораб все повышал

звенящий голос, срываясь на крик. — Зачем я, старый, больной человек, хожу здесь днем и ночью? Ведь это хулиганство, это издевательство: вторую неделю я не могу получить десяток плит, чтобы закрыть кровлю! Кто ответит за это?

Инженер молча стоял перед прорабом. Его умные черные глаза сочувственно смотрели на старого строителя. Конечно, Гриншпун мог бы многое сказать в свое оправдание. Новый человек на стройке, он не отвечал за прежнюю неразбериху. Но разве Тер-Степаняну нужны сейчас оправдания, слова? Разве не справедлив его гнев?

Гриншпун знал, что все сказанное Вартаном Григорьевичем — святая правда. Подвижник, энтузиаст своего дела, Тер-Степанян жертвовал здоровьем, отдыхом, семейным уютом — всем, если это могло хоть немного приблизить трудовую победу. После целого дня хлопот и тревог он оставался на всю промозглую ночь, чтобы только помочь монтажникам ускорить их работу, за которую он не нес никакой ответственности. Он сам устанавливал для себя, в своем сердце, меру этой ответственности!

— Вартан Григорьевич, — тихо произнес инженер, ласково дотрагиваясь до намокшего брезентового рукава прораба, — сейчас я вернусь в контору участка и не уйду оттуда до тех пор, пока вы не позвоните мне, что плиты получены.

Зеленая «Победа» развернулась на месте, понеслась вниз, подлетая на мягких рессорах.

...Были у Тер-Степаняна такие черные дни. Но больше было дней светлой радости. Стоя на лесах, Вартан Григорьевич видел у своих ног всю долину Похабихи. Вниз, по бурым косогорам, круто сбегали решетчатые металлические опоры воздушной дороги. В самом конце ее, на нижней промплощадке, белели скрещения наклонных транспортерных галерей, краснели кирпичные корпуса обогатительных сооружений, сортировки, мастерских, гаража. С каждым месяцем выше поднимались колонны и стены. Сердце прораба радовалось: идет, идет дело! Скоро в Ангарск непрерывным потоком хлынет дробленый мрамор.

А каким торжеством явилось опробование первой щековой дробилки! Плавно, почти беззвучно завертелся огромный маховик, создавая ветер. У глубоких бункеров собрались все строители и монтажники. Честь бросить первый кусок мрамора без спора уступили Тер-Степаняну. Вартан Григорьевич нагнулся, кряхтя, поднял пудовый обломок, швырнул его в чрево бункера. Не замедляя хода, дробилка сомкнула свои страшные челюсти и раздробила мрамор. С разных сторон в бункер посыпались новые куски. Все так же равнодушно дробилка съела и их. Тогда двое рабочих с трудом подтащили метровую глыбу мрамора, спустили ее в гулкий бункер. Хрм! — и глыбы как не бывало.

— От же ж чертяча машина! — восхищенно сказал седоусый плотник в коротком кожушке. — Як сахар, хрумкает! Скольки ж она за час сожрать может?

— Четыреста тонн, папаша, — отозвался высокий смуглолицый монтажник. — Вагон за три минуты.

* *
*

Ныне Ангарский цементный завод уже работает на сырье карьера «Перевал». К январю 1958 года новостройки Восточной Сибири получили первые тонны не привозного, а своего, сибирского цемента. Со станции Слюдянка регулярно отходят эшелоны с дробленым мрамором. Но отправление первого поезда с мрамором осталось неизгладимым воспоминанием для всех строителей карьера.

В тот хмурый октябрьский денек, незадолго до праздника 40-летия Великого Октября, строительство и монтаж еще продолжались. Многие механизмы только устанавливались. Пришлось доставить мрамор к железной дороге самосвалами, погрузить его в вагоны экскаватором. Когда паровоз засвистел, окутался паром и медленно тронулся к выходным стрелкам, рабочие высыпали на леса, на крыши зданий и замахали в воздухе шапками. Это они, простые советские люди, рассекли богатырскую грудь Хамар-Дабана. Это они вписали новую страницу в великую летопись народного героизма.

Да, никогда не померкнет благодарная память о тех, кто вступил в единоборство с Хамар-Дабаном и победил великана!

КРИТИКА и библиография

Е. МАКАРОВА

В РАСЦВЕТЕ ТВОРЧЕСКИХ СИЛ

К пятидесятилетию К. Ф. Седых

В январе 1958 года общественность Иркутска отметила пятидесятилетие Константина Федоровича Седых, работающего в литературе свыше тридцати лет и принадлежащего к числу тех замечательных русских советских писателей, чей труд высоко оценен советским народом.

Этот юбилей — радость и Иркутской писательской организации, в рядах которой во всю ширь развернулась творческая деятельность Константина Седых. Здесь были им созданы и опубликованы лучшие произведения.

Путь К. Ф. Седых в литературе был прямым и ясным. Постоянная внимательная поддержка партийной и советской общественности открыла ему, человеку, вышедшему из среды трудового народа, широкую дорогу к художественному творчеству.

К. Ф. Седых родился в 1908 г. в Забайкалье, в поселке Поперечный Зерентуй, Нерчинско-Заводского района, Читинской области, в трудовой казачьей семье.

Постоянные рассказы о казачьей вольнице, замечательные песни и сказки Забайкалья и его прекрасная природа, грозные события гражданской войны, свидетелем которых он был одиннадцати-двенадцатилетним мальчиком, овеянные славой образы выдающихся деятелей партизанского Забайкалья — Журавлева, Киргизова, Макара Якимова, которых удалось повидать ему, — вот впечатления, питавшие детство писателя и оставшиеся неизгладимыми на всю жизнь.

Учась в Нерчинско-Заводской средней школе, К. Седых активно участвует в общественной жизни села, выступает как селькор.

Корреспонденции юного селькора привлекли внимание Читинского губкома партии, его вызвали в Читу, где он учился в педтехникуме и сотрудничал в местных газетах.

По окончании техникума К. Седых становится профессиональным газетным работником.

Эта деятельность дала ему глубокое знание жизни. В корреспонденциях и очерках той поры он активно борется с пережитками прошлого в деревне, активно пропагандирует ростки новой, социалистической жизни.

В 1924 г. К. Седых впервые выступает в печати и как поэт. В одном из ранних стихотворений («Вступление», 1929 год) двадцатилетний К. Седых требовательно и сурово определяет свои задачи на том жизненном пути, который он избрал, — пути писателя. Эта ответственная задача — служение народу поэтическим словом.

О ней моя песня. И жизнь для нее,
Налившей величьем мое бытие.
С ней в ногу пойду до последнего вздоха,
Чтоб петь и творить боевую эпоху.

И во всем своем поэтическом творчестве поэт остается верным этой задаче, чутко откликаясь своими стихами на все то важное, чем жила наша страна.

Им написано несколько сот стихотворений, вошедших в сборники «Забайкалье», «Сердце», «Родная степь», «Праздник весеннего сева», «Первая любовь», «Над степью солнце», «Солнечный край» и др.

В ранних стихах поэта часто слышатся мотивы страшного прошлого Забайкалья, За-

байкалья, «наполненного каторжной тишью», где

> Вели арестантов квадратом
> В квадрате солдатских кокард,

где беглый каторжник

> Шагал без дорог
> По падям и бесплодным увалам,
> От людей хоронясь,
> Барсуком уползал за холмы.

Самое большое место в стихах раннего периода занимает тема гражданской войны.

В стихотворениях «В девятнадцатом», «Партизанская песня», «Шахтер», «Плот» и многих других поэт славит тех безвестных героев, крестьян и рабочих, которые своею кровью отстояли дело великого Октября, которые умели «за дело трудящихся жизнь не беречь».

Поэт в стихах рассказывает, как в Забайкалье,

> Пограничном степном краю
> Чернозема и тучных стад,
> Нелегко утверждал свою
> Диктатуру пролетариат... («Аргунь»)

как, «темной ненавистью пьяна», кулацкая верхушка сколачивала свои силы против советской власти, как беспощадно мучили попавших в плен красногвардейцев. Но и трудовой народ, когда он поднимается, воедино сплоченный, он непобедим: «слесари читинские, батраки аргунские, крепыши-старатели, парни-рыбаки» — все идут в 1918 г. с клинком в руках и винтовкой, чтобы отстоять советскую власть:

> На полях, пустых, туманных,
> Душат хлеб густые сорняки,
> Поголовно ходят в партизанах
> Сумрачные, злые мужики.

В этих стихах К. Седых сумел передать колорит, дух, размах эпохи, самоотверженность и героизм народа в великой борьбе за власть Советов.

Основной мотив стихотворений 30-х годов — жизнь новой, советской деревни, организация колхозов и совхозов, культурная революция в деревне, ее люди — трактористы, агрономы, колхозные бригадиры, кузнецы, доярки, чабаны. Скромный труд их поэтизируется как труд огромного общественного значения.

В светлых, ясных тонах говорит поэт о новом Забайкалье, где

> Славят... казак и бурят
> Счастливую дружбу народов,

где в колхозный праздник весеннего сева

> ...На подводах девушки-доярки,
> Парни-трактористы на конях.
> И цветет вся степь от платьев ярких,
> От платков, фуражек и папах.

В годы Великой Отечественной войны К. Седых служит в рядах Советской Армии в качестве военного корреспондента армейских газет «На боевом посту», «Героическая красноармейская». Он пишет очерки о боевых делах советских воинов, о солдатских буднях, полных напряженной боевой учебы, острые и хлесткие сатирические стихи к карикатурам агитокон.

В стихах писатель рассказывает о славных пограничниках, охраняющих рубежи нашей Родины, о величии скромного труда людей, работающих в тылу для фронта, о героических подвигах воинов Советской Армии на фронтах Отечественной войны. Герой их — советский солдат, простой и скромный, безгранично преданный Родине, бодрый, отважный, готовый ценой собственной жизни выполнить боевой приказ, спасти жизнь товарища, человек, для которого дороже всего воинская честь («Парень из Иркутска», «Подвиг», «Забайкальцы», «Перед атакой» и др.). Эти стихи — образцы подлинной гражданской лирики, укрепляющие боевой дух, мужество, веру в победу.

Седых создал и большое количество задушевных лирических стихов о природе солнечного Забайкалья, о дружбе, любви и верности.

Многие из них («Черемуховый куст», «Голубая Аргунь» и др.) в свое время были очень популярны среди молодежи Читы и Иркутска, пленяя своей свежестью и непосредственностью.

В период работы корреспондентом читинских газет, разъезжая по районам Забайкалья, встречаясь со многими участниками партизанского движения, К. Седых записывал их рассказы о гражданской войне. Эти записи послужили первоосновой для будущего романа о гражданской войне, замысел которого начал вызревать в творческом сознании писателя к началу тридцатых годов.

В 1934 году были сделаны наброски романа «Конные вихри», который должен был охватить 1918—1922 годы и начинаться с возвращения казаков с фронта империалистической войны в родную станицу. Но писатель убеждается в том, что без показа истоков, приведших казачество к ожесточенной классовой борьбе, не может быть убедительно показана гражданская война в Забайкалье. И следующие годы — почти пятнадцать лет — были годами упорного труда, накапливания материала.

Работы В. И. Ленина, история, экономика, география, этнография Забайкалья, архивные источники и воспоминания участников гражданской войны, местные предания, реальный быт забайкальского казачества, устное народное творчество — все это послужило материалом для романа «Даурия».

В короткое время «Даурия» завоевала популярность у широких слоев читателей, а в 1950 г. многолетний труд талантливого писателя был отмечен высокой наградой — Сталинской премией второй степени.

Основная тема «Даурии» — участие забайкальского казачества в гражданской войне. Однако, чтобы объяснить сложный и противоречивый путь казачества в революции, автор рисует широкую картину быта и нравов его в прошлом. Показывая жизнь забайкальских казаков до революции, Седых раскрывает те условия и обстоятельства, которые делали их, так же как и донских и других казаков, замкнутым реакционным сословием.

В романе в многочисленных эпизодах раскрываются те меры царского правительства, которыми оно старалось превратить казаков в надежный оплот своей власти. Земельные привилегии, помощь тюремщикам в вылавливании беглых каторжников (что входило в службу казаков Забайкалья), безнаказанный грабеж беззащитных китайцев-бедняков, приходивших в русские районы в поисках лучшей доли, участие в усмирении крестьянских восстаний в пограничных районах — вот что воспитывало сознание сословной исключительности казаков.

В то же время в полном соответствии с жизненной правдой Седых рассматривает забайкальское казачество как часть крестьянства, жизнь которого в условиях капиталистического общества подлежит расслоению на бедных и богатых. Казачество неоднородно в своей массе, жизнь казачьей бедноты так же тяжела, как и бедноты крестьянской. Вот эти внутренние противоречия казачьего уклада, так осложнившие путь казачества к революции, и рисует «Даурия».

В центре романа — казачий поселок Мунгаловский, живущий внутренне напряженной, но еще скрытой борьбой. Казачья верхушка (кулак Чепалов, Кустовы, Волокитины, атаман Елисей Каргин) распоряжается всеми делами поселка, но богатеи не могут не чувствовать растущего сопротивления бедноты и батраков, проявляющегося на каждом шагу. Под влиянием исторических событий противоречия в среде мунгаловских казаков обостряются все более и более. Отдельные представители лучшей части казачества еще в 1905 г. встают на сторону революционного народа (Василий Улыбин).

Февральская, Октябрьская революции, установление Советской власти окончательно раскалывают мунгаловцев на два непримиримо враждебных лагеря, которые сталкиваются в гражданской войне.

Но не легок путь к революции трудового казачества в целом. Черты косности, отсталости, прививаемые царизмом, мешают казакам даже из середняков и бедняков сразу найти свое место в борьбе. Северьян Улыбин, Юда Дюков, Данила Мирсанов, Прокопий Носков, Никула Лопатин, которым «слава казачья» ничего не дала в жизни, все-таки пытаются отсидеться, уклониться от борьбы. Но третьего пути в классовой борьбе быть не может, и одни из них, как Северьян, гибнут от руки врагов народа, другие, как Прокоп Носков, прозревают после семеновских шомполов и нагаек.

Трагедия той части казачества, которая запуталась в противоречиях классовой борьбы, особенно ярко изображена в «Даурии» в судьбе поселкового атамана Елисея Каргина. По имущественному своему положению он не выделяется из середняцких слоев и близок им. По должности атамана связан с казачьей верхушкой. По-своему честный и порядочный человек, он бескорыстно предан самодержавию, искренне убежден, что благо родины в сохранении старых общественных порядков. Из идейных побуждений Каргин примыкает к белогвардейцам-семеновцам, надеющимся с помощью сил международного империализма задушить Советскую власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Но всем своим строем «Даурия» утверждает, что хотя путь трудового казачества к революции был более трудным, чем для крестьянства, он был исторически неизбежным. И основным героем книги, естественно, становится масса трудового казачества, которое под влиянием идей Коммунистической партии, под влиянием самой действительности встает в ряды убежденных и преданных защитников Советской власти.

Наиболее полно в романе развернуты образы Романа Улыбина, Семена Забережного, Федота Муратова, пришедших к революции разными путями.

Роман, чистый и пылкий юноша, живет напряженной духовной жизнью, рано задумывается о своем месте в ней. Под влиянием большевика Рогова, его рассказов о дяде Василии Андреевиче Улыбине, томящемся в Якутской ссылке за участие в революции 1905 года, под влиянием революционно настроен-

ных казаков, вернувшихся с фронтов империалистической войны, он без колебаний определяет свое место в классовой борьбе.

Семен Забережный, умный, пытливый, своеобразный правдолюбец и протестант, прожил долгую и трудную жизнь, полную нужды, унижений. Революция принесла ему осуществление мечты о справедливой человеческой жизни, дала возможность развернуться богатым духовным качествам его натуры.

Федот Муратов — человек из народа, душу которого искалечили волчьи законы капитализма. Родимые пятна прошлого медленно изживаются Федотом, но в страшной борьбе не на жизнь, а на смерть он постепенно освобождается от старого, становится другим человеком, поднимается до сознательного подвига. В Федоте пленяет его смелость, умение не растеряться в самых трудных обстоятельствах, мужество, неистребимое жизнелюбие.

«А ты не верь, — говорит он товарищу, — что тебя убьют, до самого конца не верь. Умирай, а не верь, что тебя могут убить. В меня вот пока пять пуль не влепят, ни за что не поверю, что я погиб».

Эти образы даны в движении, росте, развитии.

В многочисленных образах трудовых казаков писатель раскрывает большой душевный мир, одаренность, стремление к правде и справедливости, бодрость и оптимизм.

Пользуясь иногда одной деталью, репликой, упоминанием о какой-то одной черте внешнего портрета, писатель создает неповторимо индивидуальные образы. Стойкий и принципиальный Тимофей Косых, человек беспримерной отваги, храбрости и находчивости Кузьма Удалов, спокойный, деловитый Алеха Соколов, горячий Лукашка Ивачев, добродушный и щеголеватый Михаил Лоншаков, молчаливый, замкнутый Симон Колесников — неповторимые характеры.

И в ярком многообразии их предстает народ, разбуженный революцией к сознательной жизни, народ, неслыханный героизм и самопожертвование которого обеспечили победу над контрреволюцией, поддерживаемой сильнейшими империалистическими странами мира.

Духовной красоте народа, вставшего на защиту своей первой в мире, подлинно народной власти, писатель противопоставляет душевную опустошенность, моральный распад врагов народа, в создании образов которых он достигает большой художественной силы. Врагов он не пишет одной краской. Это индивидуальные образы, но всех их — злобного и низменного Чепалова, звероподобного карателя Соломонова, эсерствующего Кибирева, «гуманного» Фомина, палача Семенова — при всем различии характеров, планов, целей, тактики в отношении к народу роднит ненависть к революции.

Раскрывая их растленный моральный облик, гневно осуждая их омерзительные дела, писатель учит непримиримой ненависти к темным силам прошлого, и в этом также отчетливо проявляется партийная позиция писателя.

Изображая гражданскую войну в Забайкалье, писатель подчеркивает решающую роль большевиков в сложном процессе коренной ломки социальных отношений внутри казачества.

Большевики нарисованы как носители лучших человеческих качеств, и этим в большой мере определяется идейная целеустремленность романа. Одним из центральных является образ большевика Василия Андреевича Улыбина. Основные черты его морального облика — преданность идеям Коммунистической партии, самоотверженность в борьбе за революцию, сила воли, ум. Он выступает как организатор, пропагандист, воспитатель масс, и во всем проявляется богатый внутренний мир, духовная красота этого человека.

Со страниц «Даурии» встает сама история. Шаг за шагом автор воспроизводит в художественных образах все основные этапы борьбы за Советскую власть в Забайкалье. Он вводит многие боевые эпизоды, битвы, факты, известные по историческим документам, вводит исторические образы Журавлева, Балябина, Шилова, Метелицы, Бородавкина, Кларка, Богомягкова. Интересно и правдиво К. Седых воссоздает образ легендарного полководца Сергея Лазо, художественно синтезируя материал различных исторических источников.

С поразительной добросовестностью и тщательностью он изучает все детали, относящиеся к тем или иным событиям, фактам, лицам, но не копирует их, а видоизменяет в соответствии с художественными задачами и создает живые картины, полные движения и драматизма.

Обаяние «Даурии» в необычайной правдивости, простоте, горячей взволнованности, с которой К. Седых изображает одну из героических страниц в общей борьбе нашего народа за Советскую власть.

Сила воздействия романа на читателя определяется глубоким знанием действительности, воспроизведением ее с позиций коммунистической партийности, подлинной художественностью.

Из стихов К. Седых перенес в «Даурию»

поэтическое восприятие мира, красоту и живописность слова. Так же как в стихах, в «Даурии» поэтично и проникновенно изображается прекрасная природа солнечного Забайкалья. Она встает перед читателем во всей яркости красок, звуков, она органически входит в роман. На фоне природы проходит трудовая жизнь казаков; величавая, щедрая, спокойная или празднично ликующая природа рисуется как контраст страшной жестокости войны; часто поэтический образ весенней природы связан с образом мира, так необходимого измученным войной людям, весенний пейзаж символизирует рождение новой жизни, весну в жизни трудового народа.

Одна из важнейших черт, придающих художественное своеобразие «Даурии», — широкое использование устной народной поэзии. К. Седых привлекает различные жанры народной поэзии и прежде всего песню. Песня проходит через всю книгу. Вначале — старые казачьи и вообще старинные русские песни, песни-«грустебы», рожденные на кровавых маньчжурских полях, задорные частушки, в восемнадцатом году — «Варшавянка», ставшая народной песней, а в двадцатом Романа Улыбина, возвратившегося в родной поселок, ребятишки встречают песней о Журавлеве, сочиненной партизанами и необычайно популярной в свое время в Забайкалье — «Ружья в гору заблистали». Песня отражает поступь времени, она изменяется вместе с теми изменениями, которые происходят в духовной жизни народа.

В роман широко и естественно входят так называемые малые жанры фольклора — пословица, загадка, поговорка, прибаутка, различного рода шутки, прозвища, которые также раскрывают социально-психологический облик народа, изменения, происходящие в нем.

Язык «Даурии» характеризуется богатством и разнообразием словарных, синтаксических, стилистических форм, почерпнутых из речевых сокровищ общенародного русского языка. Подлинная народность языка «Даурии» проявляется в простоте и ясности авторской речи, в мастерстве непринужденного, живого диалога, в яркой индивидуализации, самобытности речи персонажей.

Сила идейного и художественного воздействия «Даурии» на миллионы читателей проверена временем.

Основная мысль многочисленных отзывов читателей разных возрастов и профессий, от рядового советского воина до генерала, от домашней хозяйки до писателя, — «Даурия» будит лучшие мысли и чувства, учит любить Родину, преодолевать препятствия в достижении высоких целей.

26 изданий выдержала «Даурия» в нашей стране, но в книжных магазинах ее не купишь. Роман переведен на английский, французский, немецкий языки. 14 изданий «Даурии» вышло в странах народной демократии. Чем близка она читателям народно-демократических стран, об этом хорошо говорит Софья Квитинская в статье «Забайкальская эпопея», напечатанной в польской газете «Трибуна Люду» в 1953 г. «Конфликт проявления острой классовой борьбы, показанной в «Даурии», остается в основе общим и для польской деревни, а поэтому роман К. Седых для поляков и интересен и актуален».

В 1956 году в альманахе «Новая Сибирь», а в 1958 году в альманахе «Ангара» напечатана основная (бо́льшая) часть нового романа «Отчий край», тематически продолжающего «Даурию». В нем изображены последние события гражданской войны в Забайкалье до окончательного изгнания белогвардейцев и интервентов в 1922 г. с Дальнего Востока и до воссоединения Дальневосточной буферной республики с Советской Россией.

И этот роман отличает необычайная добросовестность и точность в изображении исторических фактов, в нем мы находим яркие, живые, полнокровные характеры (Ганька Улыбин, Гошка Пляскин). Замечательно ярко нарисованы картины жизни белоэмигрантов-казаков в Маньчжурии, нравственное падение, духовный маразм людей, предавших Родину. С большой силой изображена душевная трагедия атамана Каргина, слишком поздно понявшего, что подлинная правда только на стороне народа.

Интересна попытка художественно воссоздать исторические образы Блюхера, Постышева.

В «Отчем крае» много свежих, остро написанных эпизодов, хорошего, здорового юмора, сочных бытовых сцен, живых диалогов, взволнованных лирических отступлений, которые придают особенную искренность, задушевность, теплоту книге.

Однако нельзя не отметить, что в целом «Отчий край» написан неровно. Не всегда выдерживаются пропорции в распределении описательных и повествовательных элементов, и в ряде случаев описательный элемент занимает неправомерно большое для художественного произведения место.

В любимых образах, перенесенных из «Даурии» (Романа Улыбина, Муратова, да и Василия Андреевича Улыбина), не ощущаешь дальнейшего внутреннего развития, особенно

не мотивирован внутренне, логически финал, к которому приводит автор Федота Муратова. Новый роман перегружен батальными сценами, часто похожими одна на другую.

Судить по-настоящему об «Отчем крае» можно будет только по окончании его и издании отдельной книгой, для которого К. Седых, несомненно, проведет тщательную работу, проясняющую отдельные мотивы и улучшающую книгу в художественном отношении в целом, как требовательно и тщательно перерабатывал он «Даурию» для новых изданий.

Оба романа долго не утратят своего значения потому, что в них в яркой, художественно впечатляющей форме раскрываются революционная история, традиции и слава народа-победителя, совершившего немеркнущий в веках подвиг, они помогут сохранить для будущих поколений советских людей память о делах борцов за счастье народа.

Свое 50-летие Константин Федорович встречает в расцвете творческих сил и новых творческих замыслов. Ко второй половине текущего года будет подготовлен «Отчий край» для издания отдельной книгой. Затем писатель начнет роман, материал для которого уже собран, о событиях периода коллективизации в Восточной Сибири. Эта книга составит последнюю часть трилогии.

Неразрывна связь К. Ф. Седых со своими читателями. Редкий день он не получает несколько писем. Они идут отовсюду: из Арзамаса, Геленджика, Хабаровска, Ленинграда, из колхозных сел, с пограничных застав. В них пишут больше всего о «Даурии», как о книге, которая помогает жить.

«Выражаю Вам сердечную благодарность за Вашу изумительную книгу. Спасибо Вам за Романа Улыбина, который мне больше всего понравился как солдат революции. Большое спасибо Вам за тех, кого Вы описали в боевых буднях гражданской войны, за образы тех, кто защищал молодую Республику Советов, не жалея своей жизни. Я, как солдат Советской Армии, многое почерпнул из вашей книги, все лучшее, что мне необходимо для защиты моей любимой Родины», — пишет младший сержант Валентин Попов.

Подобных писем сотни. В них читатели высказывают свои соображения, критические замечания, со страстной заинтересованностью справляются о судьбе героев, как о судьбе живых людей, ждут «Отчий край». Больше всего пишут те, кто как-то был связан с партизанским движением. До сих пор писателю посылают материалы о новых эпизодах, людях, фактах гражданской войны. Недавно К. Седых получил письмо от жены Димова, который действует в нескольких эпизодах «Даурии» и полнее в «Отчем крае».

Димова нет в живых, его жена, теперь уже очень пожилая женщина, партизанила вместе с мужем. Она сообщает интереснейшие факты из жизни партизанской лесной коммуны. Бывший партизан, а затем персональный пенсионер, живущий в Геленджике, предлагает, если это нужно писателю, дать подробный материал о славной партизанской бригаде, в которой он служил, и героических подвигах ее командира Толстокулакова. Для этих людей К. Седых — родной человек, с ним делятся воспоминаниями о близких, посылают их фотографии, рассказывают о своих радостях и печалях.

Эти факты — свидетельство тесной связи писателя с жизнью народа, и в этом — залог его новых творческих успехов.

ИВАН ИВАНОВИЧ МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

После продолжительной и тяжелой болезни ушел от нас замечательный человек, поэт, большой общественный деятель, один из организаторов литературного движения в Сибири Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Вся его сознательная жизнь была отдана великому делу Коммунистической партии и советскому народу.

Иван Иванович родился в г. Владивостоке в 1903 году в семье баталера канонерской лодки «Кореец». Шестнадцатилетним юношей он начал работать помощником слесаря депо ст. Иркутск, где вступил в ряды Ленинского комсомола. Работая, учился и закончил Иркутский государственный университет.

В 1927 году Иван Иванович Молчанов вступает в ряды Коммунистической партии.

В 1933 году вышел в свет первый сборник его стихов «Покоренный Согдиондон». В книге воспевались простые люди, преобразующие необъятные просторы Сибири. Этой замечательной теме поэт остался верен на всем протяжении своего писательского пути.

Иван Иванович нежно и трогательно любил детей. Широко известна его работа с пионерским литературным коллективом «База Курносых», горячо одобренная А. М. Горьким.

Четверть века Иван Иванович Молчанов-Сибирский возглавлял Иркутское отделение Союза писателей. С исключительной теплотой и чуткостью он пестовал литературную молодежь.

Свою творческую работу Иван Иванович Молчанов-Сибирский сочетал с активной общественной деятельностью, будучи председателем Иркутского областного и членом Советского Комитета Защиты Мира, членом Иркутского областного комитета КПСС и депутатом Иркутского областного Совета депутатов трудящихся.

Друзья и товарищи поэта, все трудящиеся Иркутской области навсегда сохранят в памяти светлый образ **Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского.**

Щетинин, Гриценко, Щербина, Сурков, Меркурьев, Егоров, Журавлев, Марков, Нестеров, Комаров, Маркелов, Болдонов, Гайчман, Козлов, Ермаков, Арбатский, Лаврененко, Рудаков, Сафронов, Чуднов, Немцев, Патров, Григорьев, Кизяев, Кунгуров, Седых, Таурин, Луговской, Гайдай, Огневский, Титов, Артемьев, Бессонов, Печерский, Самсония, Жилкина, Кузнецова, Ровинский, Срывцев, Тороев, Тычинин, Абрамович, Буторина, Веселков, Волкова, Волков, Костюковский, Реутский, Сергеев, Кринберг, Кукуев, Конев, Лебединский, Рогаль, Ступко, Чуйко, Шастин, Житов, Пуреховская, Заорская.

ОТ ИРКУТСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Обком КПСС и областной Совет депутатов трудящихся с глубоким прискорбием сообщают, что 1 апреля 1958 года, после тяжелой и продолжительной болезни, на 55 году жизни, скончался член обкома КПСС, депутат областного Совета депутатов трудящихся, ответственный секретарь Иркутского отделения Союза советских писателей, писатель **Иван Иванович Молчанов-Сибирский.**

Обком КПСС — **Областной Совет депутатов трудящихся.**

ОТ ИРКУТСКОГО ГОРКОМА КПСС И ГОРИСПОЛКОМА

Иркутский горком КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся с прискорбием извещают о преждевременной смерти ответсекретаря Иркутского отделения Союза советских писателей, члена Советского Комитета Защиты Мира, члена Иркутского обкома КПСС, депутата областного Совета депутатов трудящихся, председателя Областного Комитета Защиты Мира поэта **И. И. МОЛЧАНОВА-СИБИРСКОГО** и выражают глубокое соболезнование его семье.

Горком КПСС — **Исполком городского Совета депутатов трудящихся.**

ОТ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Оргкомитет Союза писателей РСФСР глубоко скорбит о безвременной кончине писателя **Ивана Молчанова** и выражает соболезнование семье покойного.

Соболев, Марков, Сартаков, Смирнов, Сафронов, Архангельский, Шишов, Глущенко.

ОТ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Иркутское отделение Союза писателей СССР с глубокой скорбью извещает о безвременной кончине старейшего поэта Сибири, ответственного секретаря отделения **Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского** и выражает свое соболезнование семье покойного.

Иркутское отделение Союза советских писателей

ОТ ОРГБЮРО ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР

Оргбюро Иркутского отделения Союза журналистов СССР с глубоким прискорбием извещает о преждевременной смерти старейшего сибирского поэта и журналиста **Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского** и выражает свое соболезнование семье покойного.

Оргбюро Иркутского отделения Союза журналистов СССР.

Альманах „Ангара“ № 2

Техн. редактор *Т. И. Сорокина*

Корректор *Л. В. Чернышева*

Сдано в набор 18 февраля 1958. г. Подп. к печати 14 мая 1958 г. Печ л.13,1. Уч. изд. л. 14.
Бумага 84×108/16. Тираж 5000. Заказ. К-41. НЕ 01889.

Иркутское книжное издательство, ул. Красной звезды, 18.

Типография № 1 отдела Полиграфиздата Иркутского областного управления
культуры, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

6 р.